

Российская Академия Наук
Институт философии

А.А.Горелов

ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ЭКОЛОГИЯ

Москва
2002

УДК 300.38
ББК 15.56
Г 68

В авторской редакции

Рецензенты:

кандидат филос. наук ***И.А.Крылова***

доктор филос. наук ***Е.И.Рачин***

Г 68 Горелов А.А. Эволюция культуры и экология. — М., 2002. — 245 с.

Рассматривается эволюция культуры от ее возникновения в период непосредственного единства человека с природой до нынешнего состояния экологического кризиса. Последовательно анализируются основные отрасли культуры в порядке занимания ими главенствующей позиции — от мистики, искусства, мифологии, философии, религии, науки, идеологии до экологии, которая анализируется как претендент на главенствующее положение в культуре XXI века.

Монография предназначена для специалистов по философии, культурологии и экологии, а также для всех, кто интересуется проблемами культуры и взаимоотношений человека с природой.

ISBN 5–201–02075–5

© Горелов А.А., 2002

© ИФРАН, 2002

Предисловие

Безрассудный! То, что ты сеешь,
не оживет, если не умрет.

1 Кор. 15,36

Культурология как наука возникла в середине XX в. из осознания кризиса современной культуры и в попытке преодолеть его, как современная экология — из осознания кризиса во взаимоотношениях человека и природы. Одна из главных задач культурологии — выявление закономерностей развития культуры, отличных от законов материальной жизни человека и порождающих специфику культуры как самоценной сферы бытия.

Культурология столь же естественно выделилась из философии, как ранее физика, социология, психология, политология, этнология, и ее закономерности в чем-то аналогичны законам синергетики и развития экосистем.

Культуру можно рассматривать со стороны ее содержания и форм, т.е. структур, «законченных в самих себе и претендующих на длительность, более того, на вневременность» (Зиммель Г. Конфликт современной культуры. Избранное. Т. 1. М., 1996. С. 494). Основные формы — это отрасли и типы культуры. Они соответствуют биологическим видам и экосистемам, и их эволюция напоминает эволюцию живой природы: новое не всегда сменяет старое, а сосуществует с ним.

В данной работе изложена концепция развития культуры в ее целостности. Она опирается на факты, присущие различным отраслям культуры от мистики до идеологии. Последние рассматриваются как ценностно равнозначные (за исключением, пожалуй, идеологии, которая выступает как основная причина нынешнего культурного кризиса). Такого подхода требует сама научная методология.

Ни одна отрасль культуры не может рассматриваться как истина в последней инстанции, а лишь как образец. Религиозные и философские учения, произведения искусства вносят вклад в копилку моделей, из которых каждый может выбрать то, что ближе его индивидуальной природе. Конечно, имеет значение традиция, в которой человек родился; детский и юношеский опыт, полученное образование; выполняемая работа; но важнее сохранить непредвзятость подхода к действительности и к отраслям культуры как части мира, не ставя ни одну из них на верхнюю ступень пьедестала. Если и говорить о высшей ценности, то таковой является культура в ее целостности и ее прогресс.

Новое можно строить только на основе всего доступного опыта и культуры. Здесь опасна базаровская «расчистка». На пути культуры мы встречаемся со многими явлениями, которые противостоят общепринятым представлениям и свидетельствуют о том, что мир культуры — особый мир. Попытки объяснить развитие культуры экономическими причинами или вывести ее из деятельности подсознания были, на наш взгляд, неудачными, поскольку нельзя объяснить качественно своеобразное явление из чего-либо другого, кроме как из самой внутренней сущности его. Другими словами, нужно искать внутрикультурные механизмы развития культуры.

Жизнь человечества во многом подобна жизни животных сообществ. Развитие культуры противостоит природе, хотя определенные структурные аналогии несомненны. Для успеха в материальной жизни требуется агрессивность (ее рост повышает ранг животных в иерархии), для победы в культуре нужны иные качества.

Ключевыми в данной работе являются понятия рационализации, синтеза, жертвы, подмены. Чтобы ориентироваться в огромном разнообразии культурных фактов, надо взять что-то за основу. Таковым предстает феномен жертвы. Противоположный ему фено-

мен, нейтрализующий результат жертвы — подмена. Динамика жертв и подмен — следствие тенденции рационализации.

Вывод о жертве как движущей силе развития культуры может показаться парадоксальным с точки зрения нынешней ситуации, но это не так для традиционных представлений о круговоротах жизни, которые не сводятся к простым повторам хотя бы по причине необратимости времени.

Акцент на роль жертвенности не ведет к проповеди пассивности и смерти. Любой плод должен созреть, на что требуется время, особенное для каждого человека и произведения. Единственное опасение автора, чтобы в самой книге не произошло подмены, желание предостеречь от которой было одним из стимулов данного исследования.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ДУХОВНОГО

Мы еще не люди, а только становимся людьми.

Гердер

Человек Умелый: начало материальной культуры

Современная антропология в качестве первого представителя рода Ното называет Человека Умелого, остатки которого найдены английским ученым Л.Лики в 1960 году в Восточной Африке и названного так потому, что в тех же слоях была обнаружена речная галька, заостренная при помощи сколов. Останки принадлежат существам, которых относят к австралопитекам, т.е. «южным обезьянам» ростом 120 см и объемом мозга не более, чем у других человекообразных обезьян. Так как сколы на гальках, по-видимому, сделаны ими и представляют собой таким образом первые орудия труда, то и назвали их Человеком Умелым. Животные могут применять предметы и даже видоизменять их своими зубами и конечностями, но использование одних естественных предметов (например, камней) для обработки других считается созданием орудий труда, присущим только человеку.

С изготовлением орудий труда начинается материальная культура, т.е. производство специфически человеческих материальных продуктов его деятельности. Человек Умелый начал активное преобразование природы в материальном плане.

Человек Прямоходящий: использование огня

За 3–5 млн. лет, прошедших после начала изготовления орудий, Человек Умелый выпрямился и стал Человеком Прямоходящим. Он вырос до 150 см, объем мозга имел 900 куб. см, применял ножи, сверла, скребки, ручные рубила. Относящийся к Человеку Прямоходящему синантроп питался мясом, использовал сосуды и огонь. Простое объяснение «приручения» огня заключается в том, что при оббивании камней сыпались искры, которые могли зажечь трут.

Человек Прямоходящий, как и Человек Умелый, был погружен в природу и жил в мире с ней, что получило название единства человека с окружающей средой. Слово «единство», впрочем, мало что выражает. Любая форма взаимодействия частей является их единством. Единство человека и природы создавалось из отдачи человеком себя природе, как прекрасно изобразил Р.Киплинг в образе Маугли. Первобытный человек был больше похож на Маугли, чем на охотника с дубиной.

Прямохождение называют одним из решающих отличий человека от животных, давшим возможность освободить руки для выполнения других операций. Человек Прямоходящий создавал достаточно сложные орудия и сильнее изменял окружающую среду. Мощной преобразовательной силой стал огонь. Значение огня столь велико, что давший его людям Прометей был наиболее известным мифологическим героем Древней Греции, сравнимым по своей славе с Аполлоном — богом культуры — и Венерой — богиней красоты.

Неандерталец: появление культа

Неандерталец известен нам по скульптурным воссозданиям надбровными дугами и выступающей челюстью. Его рост и объем мозга близок к современному.

С неандертальца начинается усиленное общественное развитие, и тогда уже существовали стада в шкурах с дубинами в руках, изображенные на диарамах в краеведческих музеях.

Именно у неандертальца возникает обычай захоронения трупов и, стало быть, с него начинается духовная культура. Без разума и речи, но с верой в сверхъестественное? Можно ли говорить о возникновении таких представлений у бессловесного существа? Изготовление орудий опередило речь на несколько миллионов лет. Почему же захоронение трупов должно начаться только после ее появления? Конечно, развитые обряды требуют наличия речи, но, вообще говоря, представления о высшем духовном начале совсем не нуждаются в ней, как видно на примере мистики — представления о единстве со сверхъестественным, которое не нуждается в словесном оформлении.

Итак, 350—200 тыс. лет назад произошел важный сдвиг в становлении человека — возникли зачатки духовной культуры. Здесь уместно заметить, что термин «культ» служит основой понятия «культура». Отметим вывод М.Элиаде, что «в архаических обществах доступ к духовному выражается через символизм смерти» (Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 233).

С осознания смертности и захоронения трупов начинается духовная культура. Известное у обезьян манипулирование предметами, не имеющее практических целей, становится самоценным для человека. Стало быть, самоценной становится духовная культура, в которой проявляется впервые данный феномен.

Захоронения трупов отсутствуют у животных — здесь граница, которую они не могут перейти. Духовная культура выполняет ту же, но по большей части невидимую работу, что и материальная культура. Человек Умелый оббивает гальку, превращая ее в нечто иное с другими функциями. Неандерталец заменяет живот-

ное восприятие на нечто, способное создавать произведения духовной культуры. Духовная культура оказывает влияние на материальную, та — на преобразование среды, та — на человека, и получается контур обратной связи, ускоряющий развитие. Отказ от обязательной непосредственной полезности действия ведет к повышению эффективности практической деятельности. Данный контур обратной связи, по-видимому, ответственен за ускорение исторического процесса и эволюции человека. Духовная культура — главный фактор человеческого прогресса, а движущей силой его становится творец духовной культуры.

Нет ничего удивительного в том, что сначала развивается материальная культура. На определенном ее этапе складываются предпосылки для появления духовной культуры, и с этого момента резко ускоряется развитие человека. Несколько миллионов лет понадобилось для перехода от материальной к духовной культуре. Затем еще 150 тыс. лет и появляются разум и речь. Отходя все дальше от животных, человекообразное существо превратилось в неантропа.

Человек Разумный: творение языка и наскальные рисунки

Наступает решающий этап в становлении человека. Это кроманьонец, Человек Разумный, похожий на нас внешним обликом и ростом. Закончилась в целом телесная эволюция, начинается эволюция социальной жизни — род, племя... Дальше пойдет эволюция хозяйственной жизни, определяемая развитием техники.

Появляются разум и язык, невозможные друг без друга, а вместе дающие то, чего лишена дочеловеческая жизнь — социальное наследование приобретенных признаков.

Если и не совсем правильно сказать «в начале было слово», тем не менее речь играет ключевую роль в образовании сознания. С появлением языка и разума изменяется мозг. «Ныне атропологии достоверно известно, что у всех представителей семейства троглодитид, даже самых высших, т.е. палеоантропов (неандертальцев в широком смысле слова), не говоря о нижестоящих формах, в архитектонике мозга отсутствовали все верхние префронтальные формации коры головного мозга, а также те зоны височной и теменной областей, которые осуществляют второсигнальное управление и деятельностью, и восприятием, и всеми вообще функциями организма человека» (Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 175).

С появлением языка начинается видимая духовная культура как создание качественно нового, не относящегося к практической материальной деятельности, абстрагирующегося от непосредственных задач (хотя еще у неандертальцев появляется то, что можно назвать искусством — вылепленные фигурки людей).

Главное отличие человека от животных не в материальном бытии, которое у человека также специфично, а в его бытии духовном, которое у животных полностью отсутствует, т.е. в духовной культуре, сотворившей речь и разум. Именно последняя порождает человека в полном смысле слова. С речью и мышлением появляется идеальное и берет начало культурное время (но не социокультурное, поскольку социальность и культурность не одно и то же — существуют социальное и культурное время, каждое со своими особенностями).

Возникновение языка несомненно связано со словесным творчеством и ведет к становлению новых форм искусства в дополнение к наскальным рисункам. Отметим идею Поршнева, что исходный психофизиологи-

ческий механизм развития искусства тот же, что и возникновения речи — преодоление внушения со стороны других индивидов.

Дикость: охотничье-собирательное хозяйство

Чем ближе к порогу собственно человеческой истории, тем больше данных о важной роли охоты в жизни общества. Единство человека и природы было разрушено, когда человек стал создавать орудия убийства. Те дубины, с которыми одетый в звериную шкуру первобытный человек гонится за мамонтом на диарамах в краеведческих музеях, были первой подменой жертвы Маугли на благо единства с природой.

По мнению М.М.Будыко, экономической основой жизни человеческого общества в верхнем палеолите (40-15 тыс. лет назад) была охота на крупных животных. Став охотником, человек вступил на путь разрыва с природой. Теперь его отношения с ней стали чреваты опасностью локальных и региональных кризисов, приводивших к гибели отдельных культур, пока, наконец, не создали в настоящее время глобальный экологический кризис.

Социализированный и производящий орудия человек мог активно воздействовать на природу, противопоставляя себя ей и перестраивая ее. В результате разразился первый экологический кризис, когда технический прогресс средств охоты привел к уничтожению крупных животных и над самим человеком сгустились тучи.

Используя метод математического моделирования, М.М.Будыко пришел к выводу, что «окончание культуры палеолита в Европе, возможно, было в известной мере результатом неразрешимого противоречия между созданной человеком верхнего палеолита техникой массовой охоты на крупных животных... и ограниченнос-

тью природных ресурсов для этой охоты, которые через некоторый период времени оказались исчерпанными» (Будыко М.М. Глобальная экология. М., 1977. С. 252). Ряд исследователей считает в какой-то степени антропогенно обусловленным исчезновение мамонтов и других крупных млекопитающих. Главная причина данного экологического кризиса, по Будыко, в более высокой скорости эволюции человека по сравнению со скоростью эволюции преследуемых им животных.

Кризис охотника был, в отличие от кризиса австралопитека, не кризисом слабости, а кризисом силы, как и современный экологический кризис, хотя древний охотник не кажется ретроспективно таким уж сильным, как не покажемся, наверное, и мы нашим потомкам через 30–40 тыс. лет.

Дело не только в скорости эволюции, а и в направленности применения человеческих сил, разрушавшей прежнее единство человека и природы. Данный промежуток человеческой истории был назван дикостью, и это верно в том плане, что преобладал агрессивно-потребительский стиль жизни.

Исследования Будыко показывают опасность агрессивно-потребительского поведения. Конечно, это в определенной мере требуется для существования в «сфере необходимости», но должно преодолеваться культурным прогрессом, который в описываемый период выразился в переходе от присваивающего к производительному хозяйству, к земледелию и скотоводству. Возможности для этого были; вызов превратил их в реальность.

Если экологический кризис верхнего палеолита действительно имел место, то он оказал в той или иной степени влияние на эволюцию человека, способствовал развитию новых форм и способов хозяйствования.

Варварство: земледельческо-скотоводческое хозяйство

Одомашнивание животных, переход от охоты к сельскому хозяйству и оседлому образу жизни (строительство свайных жилищ) получило название неолитическая революция (неолит — новокаменный век). А. Тойнби выделяет два этапа создания земледельческо-скотоводческого хозяйства. «В первый приход засухи доземледельческие предки кочевников от охоты перешли к земледелию, превратив охоту в дополнительный и вспомогательный промысел. А в период второго критического наступления засухи патриархи номадической цивилизации смело вернулись в степь и приспособились к жизни в таких условиях, в каких не могли бы существовать ни земледельцы, ни охотники» (Тойнби А. Постигание истории. М., 1994. С. 185).

Земледельческие культуры существовали 8 тыс. лет назад в Средней Азии, Малой Азии, Палестине и Северной Месопотамии. Более поздние и значительные зародились в Египте и Шумере 6 тыс. лет назад. Первоначально земледелие дополнялось охотой, позднее появилось скотоводство. Мотыжное земледелие возникло 10 тыс. лет назад, пахотное — на 5 тыс. лет позднее на Ближнем Востоке.

Рассматривая неолитическую революцию с точки зрения исследований, о которых говорилось выше, можно сказать, что мамонты своей жизнью оплатили прогресс человека и культуры.

От неолита идет само слово «культура», означающее в переводе с латинского «возделывание», и определение растений как сельскохозяйственных культур. Это, конечно, материальная культура, но на ее развитие влияла культура духовная.

Интересно, что одомашнивание диких животных — один из главных результатов неолитической революции — некоторые исследователи объясняют религиозными причинами. «Население Юго-Западной Азии, особенно Месопотамии, поклонялось лунному божеству. Из-за формы рогов, похожей на полумесяц, тура использовали как жертвенное животное. Для того, чтобы иметь запас жертвенных животных, их держали как пленников. Мясо животных и их шкуры употреблялись человеком как побочные продукты их использования в религиозных целях» (Смит Р. Наш дом планета Земля. М., 1982. С. 103). Древние верования могли, таким образом, натолкнуть на возможность содержания крупного рогатого скота.

Переход к оседлому образу жизни привел к появлению постоянных поселений — деревень, мест наиболее интенсивного воздействия человека на окружающую среду. Производящее хозяйство в какой-то степени гуманизировало отношение человека к природе, так как к убийству животных добавилась забота о них. Однако конечной целью оставалось выращивание с целью прокормления. Природа продолжала быть жертвой, а агрессивно-потребительский стиль жизни в целом не подвергался сомнению.

Название охотничье-собирательной эпохи дикостью, земледельческо-скотоводческой — варварством не противоречит тому, что создателем их был Человек Разумный. Он отличается от других существ тем, что обладает разумом, т.е. способностью к абстрактному, обобщающему, понятийному мышлению, но это не значит, что он всегда и во всем поступает разумно. Разумность сочетается и с дикостью, и с варварством. Она — предпосылка культуры, но не культурность в ее полноценном проявлении.

Таков путь человека: от единства с природой к охоте, затем к земледельческо-скотоводческому способу хозяйствования и позже к промышленному производству.

Цивилизация: города и письменность

Аналогично этапам хозяйствования выделяют этапы материальной эволюции человечества, исходя из материалов, которые оно применяло для изготовления орудий: каменный век, бронзовый и железный (кое-где добавляют медный). Впоследствии выяснилось, что если каменный век может иметь абсолютную датировку, то следующие два имеют специфичную для каждой культуры дату. Бронзовым веком можно считать время от 5 тыс. лет тому назад до начала 1 тыс. до н.э., когда бронзовые орудия сменились железными. Это период цивилизации третий этап общественного развития после дикости и варварства.

Двумя основными характеристиками цивилизации являются города и письменность. «Город от деревни отличается в основном по двум показателям. Первый из них состоит в существовании организованного социального ядра, вокруг которого увязывается вся структура общины... Наряду с этой смелой эстетической трансформацией окружающей Среды существует и другая тенденция, отличающая город от деревни, — тенденция к утере связей, объединяющих жителей с природой, и изменению, уничтожению или замене естественных условий местности условиями искусственными, которые усиливают господство человека и создают иллюзию ее полной независимости» (Мэмфорд Л. Цит. по: Смит Р. Наш дом планета Земля... С. 168–169). Город — это огороженное поселение, в котором имеется рынок для обмена продуктами. Древнейший из известных город Иерихон в Палестине возник в конце 7 тыс. до н.э. Письменность появилась 6 тыс. лет назад сначала в виде пиктографической, где каждый знак обозначал понятие, потом иероглифической, клинописной, слоговой и алфавитной. Изобретение письменности существенно расширило возможности приобщения к культуре и передачи «куль-

турного кода». Это как бы новое средство передвижения культуры в пространстве и времени, необходимое для становления цивилизации.

Для цивилизации характерна пространственная экспансия, стремление к расширению вовне. Она несет свою культуру, потребителем которой является, и взаимодействует с другими культурами.

Выделение трех веков — каменного, бронзового и железного — рождает вопрос: откуда появилось представление о золотом веке и что было его основой? Возможно, это отголоски воспоминаний о длительном (более 9/10 человеческой истории) периоде единства человека с природой.

Что такое культура?

Существует несколько основных концепций культуры, в рамках которых определяется данный термин. На протяжении 70 лет в СССР господствовало марксистское понимание, в соответствии с которым культура — надстройка над материальным базисом общества, детерминируемая в главных чертах способом производства. Специфика общественно-экономических формаций дает название стадиям развития культуры — первобытно-коммунистической, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, социалистической.

На Западе модна психоаналитическая концепция, разработанная в первой половине XX века. В соответствии с ней культура является продуктом сублимации первичной жизненной энергии — либидо. С точки зрения З.Фрейда, культура, строясь на принуждении и запрете влечений, навязывается противящемуся большинству меньшинством и требует от людей жертв, которые они ощущают как «гнетущий груз». Поэтому отдельный индивид является «врагом культуры». По мере ее

развития внешнее принуждение постепенно уходит внутрь, попадая в особую психическую инстанцию — человеческое сверх-Я. Усиление сверх-Я, по Фрейду, — ценное психическое приобретение. Личности, в которых оно произошло, делаются из противников культуры ее носителями. Однако «с изумлением и тревогой мы обнаруживаем тут, что громадное число людей повинуетя соответствующим культурным запретам лишь под давлением внешнего принуждения. (Фрейд З. Будущее одной иллюзии. // Сумерки богов. М., 1989. С. 100–101). Называть ли таких людей культурными или согласиться со словами Гердера, вынесенными в эпиграф?

Одна из известных концепций культуры — религиозная, в соответствии с которой культура сформировалась из первоначальных культов. В ее развитие большой вклад внесли русские философы П.А.Флоренский и Н.А.Бердяев.

Захоронение предков — по-видимому, следствие осознания смерти и желания преодолеть ее. У человека нет физической возможности достичь этого и он ищет пути духовные. Так появляется духовная культура, которая с самого начала фокусируется на данной проблеме (не удивительно поэтому, что древнейшая книга — «Египетская книга мертвых»). Психологи знают о страхе будущей смерти, который может внезапно напасть на ребенка в возрасте, когда он еще не обладает абстрактно-понятийным мышлением, т.е. не является разумным. Так и осознание собственной смертности первобытным человеком происходит на стадии неандертальца. Попытка справиться со страхом смерти стимулирует мышление, способствуя тенденции рационализации.

Самая распространенная концепция культуры связывает ее с неолитической революцией. Ей помогает этимология слова «культура», как «возделывание» (имеется в виду возделывание земли, к которому переходят от собирательства). Мы говорим о сельскохозяйствен-

ных культурах, имея в виду растения, которые были изменены человеком в соответствии с его потребностями. С неолитической революции начинается и период эволюции, ведущий к цивилизации. С этой точки зрения понятие культуры и цивилизации рассматриваются как тождественные.

В начале XX в. О.Шпенглер в книге «Закат Европы» обосновал циклическую концепцию развития культуры, в соответствии с которой каждый народ формирует своеобразную и не сравнимую с другими культуру, вырастающую из особенностей национального духа. Культура «подобна растению, вырастает из своего материнского ландшафта, углубляя душевную привязанность человека к почве» (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М., 1998. С. 92). Культура проходит несколько стадий от рождения до смерти, а цивилизация, по Шпенглеру, — ее завершающая ступень. На основе своей концепции Шпенглер сделал вывод о неизбежной гибели западной культуры в скором будущем.

Шпенглер уподоблял культуры растениям. По А.Тойнби, отдельные культуры — ветви единого древа человеческого духа. Шпенглера и Тойнби можно считать мыслителями, начавшими изучение культуры с научной точки зрения. В методологическом плане Г.Риккерт обосновал специфику культурологического познания по сравнению с естественнонаучным.

Во второй половине XX в. К.Лоренц предложил экологическую концепцию культуры. С его точки зрения духовная культура — это искусственный механизм, компенсирующий отсутствие у человека инстинкта, предотвращающего самоистребление вида, какой имеется у хищников, обладающих естественными орудиями уничтожения (клыки, когти). По этой концепции важнейшей в культуре является нравственная составляющая, т.е. духовная культура, которая формирует этические запреты. Материальная же культура создает технические сред-

ства уничтожения, аналогичные естественным у хищников. Таким образом возникает фундаментальное противоречие между материальной и духовной культурой.

Если гипотеза Лоренца верна, то отсюда следует, что развитие духовной культуры отстает от развития материальной. Отдельные культуры, по Лоренцу, аналогичны биологическим видам и развиваются культуры, как виды — через дивергенцию признаков.

Можно выделить экологическую концепцию культуры, в соответствии с которой культура представляет собой единство творящего духа и окружающей его Среды (духовной атмосферы). Черты экологичности культуры: 1) это живая целостность, обладающая эмерджентными свойствами и развивающаяся как органическое, а не механическое единство. 2) отдельные отрасли и типы культуры, подобно живым особям, находятся в непрерывной борьбе между собой и с окружающей средой и в то же время приспособляются друг к другу и к среде, достигая гармонии; 3) культуры проходят те же стадии, что и экосистемы — от зарождения до гибели.

Что такое Человек Духовный?

С изготовления орудий труда начинается материальная культура, но это не дает оснований говорить о появлении Человека Духовного. Даже в настоящее время, зная, что все люди могут изготавливать орудия, мы далеко не каждого назовем духовным — духовность выше простой способности делать что-либо по определенному шаблону. Становление Человека Умелого — необходимое, но не достаточное условие появления Человека Духовного, поскольку последнее предполагает определенную степень духовного развития, а культура не сводится к материальной, являясь средством общения, обмена чувствами, мыслями, представлениями.

Нет данных, что Человек Умелый имел какое-то отношение к духовной культуре. Становление человека началось с создания материальной культуры, а духовная культура — следующий этап его эволюции.

Нельзя извлечь Человека Духовного и из прямохождения. Прямоходящего мы не назовем духовным за то, что в дополнение к изготовлению орудий он ходит на задних конечностях. Все более выделяясь из природы, Человек Прямоходящий приближает нас к Человеку Духовному опять-таки только в материальном плане.

Неандертальца можно назвать Человеком Общественным, но духовным не был и он. Ни изготовления орудий, ни прямохождения, ни социальной жизни не достаточно, чтобы считаться духовным. Но наличие религиозных представлений у неандертальцев — шаг к становлению Человека Духовного.

Создатели языка были несомненно духовными людьми. С появлением слова ускоряется прогресс человека, так как облегчается возможность передачи культурных навыков. У Человека Разумного увеличивается способность к восприятию и наследованию культуры, но реализуется она не у всех одинаково. Разум и речь не делают человека духовным автоматически.

Несмотря на все достижения, цивилизованный человек столь же далек от Человека Духовного, как дикарь и варвар. Две особенности цивилизации в отличие от культуры: 1) преимущественное развитие материальной культуры; 2) ориентация на потребление, а не на производство культуры.

Дикость, варварство, цивилизация — ступени к Человеку Духовному, который возникает в той точке, когда основным законом жизни становится закон развития культуры. «Мы чересчур цивилизованы в смысле всякой учтивости и вежливости в общении друг с другом. Но нам еще многого недостает, чтобы считать нас нравственно совершенными. В самом деле, идея мораль-

ности относится к культуре; однако применение этой идеи, которое сводится только к подобию нравственного в любви к чести и во внешней пристойности, составляет лишь цивилизацию» (Кант И. *Философия истории*. М., 1995. С. 65).

Поршневу различал три этапа в становлении человека; неандертальцев, у которых развилась интердикция I, которую можно обозначить словом «нельзя»; дивергенцию неандертальцев и кроманьонцев, в процессе развития интердикции II, обозначенную словом «можно»; и кроманьонцев, у которых развилась интердикция III, обозначенная словом «должно». Если перенести это в сферу культуры, то последняя полностью проявляется лишь тогда, когда на первый план вместо «нельзя» и «можно» выходит «должно», т.е. когда человек начинает понимать, что он должен. Можно сказать, рассматривая мысль Поршнева как аналогию что люди делятся на исповедующих установку «нельзя», «можно» и «должно». Из последних и формируются духовные люди.

Человек Духовный становится не до цивилизации, как думал О.Шпенглер, а после нее. Культура постепенно накапливается, но, чтобы она победила, необходимо преодоление цивилизации, как способа приобщения к внешним формам культуры и выход в царство творчества, свободы и любви. Этапы эволюции человека предстают в следующей последовательности: Человек Умелый → Человек Прямоходящий → Неандерталец → Человек Разумный → Дикость → Варварство → Цивилизация → Человек Духовный.

Наиболее принципиальное отличие человека от животных — не труд, не речь, не разум, а способность творить в любви к миру, аналогом чему в животном мире служит триумфальная песнь, о которой пишет К.Лоренц. Одного разума недостаточно для создания культуры. Нужны еще чувства и не наряду, а в единстве

с ним; нужна разумно-чувственная целостность, или духовно-душевное единство, которое отличает человека Духовного.

Как и способность любить, способность творить проявляется не у всех. Говорить и мыслить человек начинает сам, а вот созидать его надо учить, причем часто учеба оказывается безуспешной. «Днем с огнем» древнегреческий философ Диоген искал вряд ли человека умелого, прямоходящего, разумного, скорее духовного.

Культура может быть: 1) продуктивной (творческой) — высший тип, при котором создается новое; 2) подражательной (цивилизация) — перенимание культурных достижений. Духовная культура составляет ядро цивилизации (как есть ядро у атома, клетки, галактики) и процессы, текущие в ней, зависят от духовной культуры (как движение электрона зависит от ядра атома). Духовные силы, по-видимому, во много раз превышают физические, хотя действуют в иной сфере. Они — производное духа человека. Человек, творящий духовную культуру или находящийся в поле ее притяжения, и есть Человек Духовный.

Духовный человек способен создавать и жить в мире культуры. У него две руки и две ноги, но он отличается от большинства людей. Если принять, что большинство формирует понятие нормы, то можно сказать, что он ненормален. Но если понимать норму как соответствие идеалу, то он нормален в высшем смысле слова. М.Цветаева на просьбы рассказать о своей гениальности, отвечала, что она обычный человек, это другие ниже среднего уровня. Огромное большинство людей лишь потребляют культуру, а не живут в ней, проявляя творческую самоотдачу. Есть оазисы культуры в лице отдельных творцов, но нет вида Человек Духовный.

Творческое меньшинство противостоит массе, и каждый выбирает, к какой группе присоединиться. Рост цивилизаций, по Тойнби, дело рук «духовно озаренных

личностей», «в то время как подавляющее большинство представителей любой цивилизации ничем не отличается от человека примитивного общества» (Тойнби А. Постижение истории. М., 1994. С. 260).

К.Маркс говорил о предыстории человечества и переносил начало истории к моменту построения коммунистического общества. Можно говорить и о предкультуре, перенося начало культуры как присущий человеку как виду к тому моменту, когда все люди будут ее творцами, раскрывая свой внутренний потенциал. Это и есть становление Человека Духовного, осуществление мечты, представляющейся утопической.

Некогда были культурные герои, теперь творческое меньшинство. Каковы движущие силы создания творческого большинства? Если культура — механизм, противостоящий опасности самоистребления в ходе роста технического могущества человека, то в самом Человеке Разумном имеется постоянно воспроизводимое тенденцией рационализации противоречие между Человеком Умелым и Человеком Духовным, и совершенствование человека есть способ его преодоления.

Повышение интеллекта не обязательно ведет к духовности. «От того, что мы многое умеем или знаем, мы еще не культивируемся. Специализация не станет культурой, каких бы высот она ни достигала в разработке объективных содержаний. Культура появляется только там, где эти односторонние совершенства упорядочиваются в целостности души... когда эти совершенства способствуют реализации единого целого» (Зиммель Г. Избранное, Т. I. М., 1996. С. 480). Отсюда следует вывод, что прогрессирующее разделение труда, увеличивая количество производимых вещей, препятствует становлению Человека Духовного.

Человек Разумный — арена борьбы технических и этических компонент, и когда преобладает техническая составляющая (как сейчас), кризис переходит в глубь культуры.

Человек культивируется в нечто полезное подобно растению, которое он культивирует в полезный для себя продукт. «Плод, как ни мало был он в состоянии явиться на свет без приложения человеческих сил, в конечном итоге все же выходит наружу в силу движущих сил самого дерева и является лишь исполнителем заложенной в его собственных задатках возможности... Именно в этом смысле мы не можем признать за данным человеком подлинную культурность в силу одного лишь обладания всевозможными знаниями, виртуозными навыками и всякого рода утончениями, если они действуют лишь в качестве, так сказать, довесков происходящих из внешней для самой его личности (и остающейся для нее внешней в конечном итоге) системы ценностей» (Там же. С. 447–448).

Глубинное приобщение к культуре связано с понятием выведения. «Выведение отборных сортов винограда, фруктов и цветов, выведение чистокровных лошадей — это и есть культура, и именно в этом смысле — как выражение существования, которое привело само себя к великой форме — возникает отборная человеческая культура» (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М., 1998. С. 345). Разница между виноградом, лошадыю и человеком в том, что их выводит человек, а себя он «выводит» сам, а не кто-либо еще, как думали не столь давно в нашей стране, говоря о «воспитании нового человека».

Чтобы стать духовным, требуется личное усилие. Можно стать духовным, поскольку такие люди существуют, если актуализировать данную возможность. Современный человек — переходный этап от творца-одиночки до личностного творчества каждого (не «массового», потому что масса творить не способна). Становление Человека Духовного (можно сказать, сверхчеловека, используя популярный термин) зависит от среды, от того, насколько общество понимает необхо-

димось его существования; осознает, что писатели, ученые, философы обеспечивают подлинный социальный прогресс. Далеко не всем это очевидно.

По Шпенглеру, народы не творцы, а произведения культуры. Вокруг возникающей культуры и идей, продуцируемых ей, формируется нация как культурный феномен и человек как продукт цивилизации. Невозможно, считает Шпенглер, чтобы весь народ был в равной мере культурным. Каждая цивилизация, по Тойнби, представляет собой попытку подняться над примитивной человеческой природой к более высокому уровню духовной жизни. Но, продолжает Тойнби, хотя отдельным людям это и удавалось, цивилизованного общества никогда не было. Сколько недоумений было по поводу того, что нация Бетховена и Гете отдала себя в руки фашистов. А дело в том, что Бетховен и Гете, как Толстой и Достоевский, принадлежат к меньшинству нации.

В человеке есть жажда бессмертия, счастья, знания — этим целям служит культура. Но в человеке есть и потребности, которые могут удовлетворяться без и вне культуры. Так что человек может быть и культурным и бескультурным. Слова Гердера, сказанные в XVIII веке, справедливы и в XXI. Более того, именно после эпохи Просвещения, по иронии судьбы, начался откат культуры, который выразился в за- силе массовой низкопробной идеологической продукции, обострении социальных отношений, кровавых революциях и мировых войнах.

В рамках Человека Разумного существует два типа личности — агрессивно-потребительский и любовно-творческий. Они отличаются друг от друга больше, чем представители разных наций. К Человеку Духовному относится любовно-творческий тип личности, погруженный в культуру как среду, в которой он создает себя по ее законам. Массовый человек потребляет культуру

и агрессивен по отношению к несогласным. Он лишь прикрит культурой, как одеждой. Пока будет преобладать агрессивно-потребительский тип личности, человек не станет духовным.

Первой стадией Человека Духовного можно считать человека интеллигентного (не обязательно интеллектуального, который является стадией Человека Разумного). Чувство интеллигентности — культурное достояние человечества, поскольку интеллигенция является носителем национального самосознания. По Ю.М.Лотману, интеллигент обладает такими свойствами, как независимость, стыдливость, чувство справедливости, собственного достоинства, уважение к себе и другим, самостояние, высокая требовательность к себе, сознательность, отказ от эгоизма, презрение к богатству, жажда служения, жертвенность (не как самоцель и бравада, а как готовность заплатить за свои идеалы самую высокую цену).

Человек Духовный — носитель принципиально иных ценностей, чем те, которые господствуют в мире. Его можно считать новым видом жизни, как и культуру в целом. Он не потребляет культуру, а сопереживает ей, и, обладая интеллигентностью как психологическим свойством, подчас может и не иметь высшего образования и особых знаний.

Мир духовной культуры и его составляющие

Культура возникает как новое явление на Земле. Считать ли ее надстройкой или сублимацией — в любом случае — она качественно особое образование. Еще у обезьян замечено стремление к манипулированию предметами, не имеющее непосредственного практического значения, и это считается их характерным свойством. Из свободного манипулирования и развивается мир духовной культуры.

Вот как объясняет генезис мира культуры Поршнеv: «Этo обход неприкосновенности окружающего мира посредством создания отраженного прикосновенного мира, ибо само создание есть приложение рук и телесных сил, а также имеет целью чужое восприятие. Люди заменяют естественную среду искусственной, не естественной — сферой культуры: производством звуков и телодвижений, зрительских, вкусовых и обонятельных воплощений мнимого, т.е. представляемого» (Поршнеv Б.Ф. Цит. соч. С. 467).

Человек создает собственный символический универсум. Э.Кассирер писал, что «в виде языка, искусства и всех форм своей культуры человечество в известном смысле создало новое тело, которое принадлежит всем вместе. Отдельный человек, конечно, не может передать по наследству те индивидуальные умения, которые он усвоил в течение своей жизни... но то, что он высказывает в своем произведении, что выражает при помощи языка, что изображает образно или пластично, «срачивается» с языком или искусством и продолжает жить через них. В этом процессе проявляется то, что отличает простое преобразование, совершающееся в кругу органического становления, от образования человечества» (Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 139).

«Мир идей» Платона, «Град Божий» Августина, «третий мир» интересубъективного научного знания Поппера — части мира духовной культуры, включающего символические формы, атмосферу (то, что называют экологией духа), духовных творцов и всех, кто попадает в поле притяжения духовной энергии (поле столь же реальное, как и физическое). В этом поле происходит становление человека как творца. «Можно считать доказанным, что гениальные способности даются от рождения, но реализуются они или нет — зависит только от культурного окружения, в котором потенциальные ге-

нии оказываются уже после рождения» (Кребер Д. Антология исследований культуры. СПб., 1997. С. 228). Связь Человека Духовного с культурными формами не та, что, прочитав книгу или потанцевав, он возвращается как ни в чем не бывало к повседневным делам. В культуре он находит смысл жизни и действует в соответствии с ним.

Мир духовной культуры отличается и от мира культуры, и от мира материальной жизни человека. Как соотносятся мир духовной культуры и мир материальной жизни человека? Бытие не определяет дух (хотя порой определяет сознание), скорее дух определяет бытие. Связующей нитью между миром духовной культуры и миром материальной жизни человека является материальная культура, с которой началось выделение человека из мира природы, но есть иные, не материальные формы воздействия духа на бытие (например, воздействие словом).

В человеке действует воля к власти, но нет основания переносить ее на мир культуры, который развивается по своим законам. Культура противостоит инстинктам агрессии и потребительства и борется с ними, но не их методами — это лишь утверждало бы их, — а иным путем. Поэтому столь большое значение в духовной культуре приобретали принципы непротивления злему, ахимсы и т.п. Это не удивительно, если духовная культура возникла из потребности создать механизм преодоления опасности самоуничтожения. Внутривидовое столкновение в животном мире обычно заканчивается признанием себя побежденным более слабым. Инстинкт запрещает хищнику убийство представителя своего вида. У человека подобного инстинкта нет. Если бы кто-нибудь из волков нарушил запрет убийства себе подобного, сородичи сказали бы ему, если бы умели говорить: «Ты ведешь себя, как человек». Могла бы возникнуть пословица «волк волку — человек». Культура

выполняет роль «социального» инстинкта, препятствующего доведению внутривидовой борьбы до убийства и компенсирующего основной инстинкт живой природы — инстинкт агрессии, присутствующий и в человеке.

Культура — специальное завоевание человека, необходимое ему, чтобы выжить и реализовать себя, и поэтому должна тщательно оберегаться. Если этого не происходит, Человек Разумный доводит себя и планету до глобального кризиса, который имеем в настоящее время. Прогресс человеческого рода прекращается, если гибнут культурные люди.

К сожалению, становление Человека Духовного идет не такими темпами, как рост количества информации и деятелей культуры. Это заставляет сделать вывод, что далеко не все ученые и писатели являются духовными людьми, что на примере науки показал Т.Кун, а в области массовой культуры заметно вооруженным глазом. Не всех и правителей — не только монарха-людоеда из Центрально-Африканской республики, но иных цивилизованных — можно зачислить в разряд духовных людей. Появление на Земле Человека Духовного — вопрос не скорого будущего. Есть социосфера, антропосфера, даже ноосфера, но нет сферы духовной культуры.

В данной работе мир духовной культуры подразделяется на 7 отраслей — мистику, искусство, мифологию, философию, религию, науку, идеологию, — а также на идеальные и реальные типы.

Идеальные типы выделяются в основном по преобладающим в них отраслям культур. Модифицировав схему Д.Фейбмана, мы рассматриваем следующие идеальные типы культур: до-первобытный, в котором преобладает материальная культура; первобытный, в котором преобладают мистика и искусство; военный, в котором преобладают технические средства уничтожения; мифологический, философский, религиозный, научный и идеологический, в котором господствуют соответственно мифология, философия, религия, наука, идеология. Всего 8 типов.

Среди реальных типов, модифицировав схему цивилизации А. Тойнби, мы в качестве основных выделяем египетский, крито-минойский (или эгейский), шумерский, вавилонский, хеттский, ассирийский, персидский, иудейский, индийский, китайский, греческий, римский, европейский средневековый, византийский, мусульманский, мезоамериканский, андский, западный, американский, южнославянский, русский. Всего 21 основной тип.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МИСТИКА: НЕЗРИМАЯ КУЛЬТУРА

Только пожертвовав собственной личностью, можно соединиться с Единым.

Что такое мистика?

Слово «мистика» происходит от греческого «mystikos» — «таинственный» и обозначает практику, нацеленную на единение с тем, что лежит за пределами чувственного мира. В более широком плане мистика — нерациональное знание, основанное на интуиции и сопричастности с Универсумом. Мистика находится на доречевом и допонятийном уровне. Ее трудно анализировать и описывать, потому что она вне и до слов, но это не дает основания ее отрицать.

Дж.Мак-Тоггарт в книге «Мистика» утверждает, что в основе мистики лежат две фундаментальные идеи: 1) доктрина мистического единства, согласно которой реально существует большая степень единства, чем та, которая распознается в пределах обычного опыта; 2) доктрина мистической интуиции, согласно которой существует способ познания, ставящий познающего в более тесное и непосредственное отношение к тому, что познается, чем отношение между познающим субъектом и познаваемым объектом в обычном опыте. Мистическая интуиция является примером мистического единства. Третьей фундаментальной характеристикой называют мистическую любовь.

Мистическая сопричастность, по Л.Леви-Брюлю, до- и внелогична. Источник мистики, как и искусство — не логика, а эмоции. Логика начнет преобладать со времени становления мифологии.

Леви-Брюль прав в том, что мистика не соответствует логике, и возможность ее развития облегчается тем, что первобытные люди не замечают очевидных противоречий. «Эта позиция тесно связана, с одной стороны, с мистической ориентацией их сознания, которое не придает большой важности физическим или логическим условиям возможности каких-либо вещей, а с другой стороны, с малой склонностью к выработке понятий» (Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1937. С. 259).

Мистика отвлекается от всего, находящегося в чувственном мире и зовет в иной мир, который становится миром духовной культуры. Создание культуры невозможно без отвлечения от мирского. Мистика — начало духовной культуры в фило- и онтогенетическом смысле. Каждый творец должен пройти этап абстрагирования. Если он на этом остановится, не переходя к другим отраслям культуры, то остается в области мистики.

Формула мистики «все вещи имеют невидимое существование в такой же мере, как и видимое» применяется ко всем существам и явлениям природы. Название мистики сверхъестественным оправдано и в том смысле, что с мистики начинается культура как то, что отлично от природы. Сверхъестественное есть выходящее за непосредственно природное. Этот его аспект является новым и важным с точки зрения культуры.

Первая отрасль духовной культуры

Мистика отвечает на основные духовные вопросы, стоящие перед человеком: «Что есть истина?», «Что такое жизнь и смерть?», «Что такое сам человек?». В от-

личие от материальной культуры, духовная культура, включая все созданное человеческим духом, необязательно должна быть видимой. Первая форма духовной культуры — мистика — незрима. Именно с нее началась дифференциация мира и отделение от него человека и ее произведений.

Не нуждаясь в понятийном мышлении и слове, мистика возникает до появления разума и речи. Как заметил И.И.Мечников, «быть может, некоторые хорошо установленные явления «ясновидения» можно было бы свести к пробуждению особых ощущений, атрофированных у человека, но присущих животным» (Мечников И.И. Этюды оптимизма. М., 1987. С. 182). Многие психологи считают, что нижний этаж человеческой психики и познания человеком материального мира — это чувственное познание, осуществляемое независимо от какого бы то ни было воздействия речевых знаков и речевой коммуникации. Такое познание могло иметь место на уровне неандертальца, когда речи не было, но началось захоронение трупов. Одним из подтверждений этому служит тот факт, что слово «предок» у многих первобытных народов означает также мистическую силу, присущую явлениям природы. Отсюда берет начало культ, из которого развивается духовная культура. Если примем, что магия и религия исходят из мистического мироощущения, тогда понятно, каким образом духовная культура начинается до речи и разума.

Мистика могла появиться из культа почитания предков, которым передавались функции создателей мира и культуры. Фантазия соединялась с реальностью, как соединяются два мира — чувственный и сверхъестественный. Последующая духовная культура представляет собой материализацию мистического опыта. Поэтому духовная культура идет не столько от сельскохозяйственных культур, сколько от культа — первых ритуалов.

Облегчает переход от предков человеческих к предкам мифическим то обстоятельство, что «предки человеческого типа принадлежат, как и другие покойники, к миру невидимых сил. А этот мир очень близок к мифическому миру, если он даже и не сливается с ним... В обоих случаях сношения, которые можно иметь с этими предками, принадлежат к тому разделу опыта первобытных людей, который я, в отличие от положительного опыта, назвал мистическим» (Леви-Брюль Л. Цит. соч. С. 300–301).

Леви-Брюль демонстрирует, каким образом культ предков переходит сначала в мистику, а затем в мифы. Он прав в том, что выделение сверхъестественного мира не требовало предварительного философствования — философии в тот период не было. Мистика не результат рефлексии, а способ непосредственного освоения реальности. По Леви-Брюлю, первобытные умы ориентированы мистически, т.е. всегда готовы видеть во всем мало-мальски странном или необычном действии сверхъестественных существ. В соответствии с основной мистической установкой «внимание их сосредоточено на мире сверхъестественных и мифических существ, в котором находятся подлинные причины» (Там же. С. 326).

Все сверхъестественное познается путем мистического соединения с ним, не связанного логическими ограничениями. Это и дало возможность Леви-Брюлю выделить дологическое мышление, которое в то же время является интенсивно мистическим.

Для мистически ориентированного мышления не существует неизменных причинно-следственных связей. Все может быть и чудесное наиболее интересно. «Мистически ориентированные, эти умы сейчас же готовы признать позади существ и фактов нашего мира наличие невидимых сил и потенциалов. Они чувствуют их вмешательство каждый раз, когда что-нибудь странное или необычное поражает их. На их взгляд «сверхприрода»,

следовательно, облакает, проникает и поддерживает природу... Именно от нее возникают те мифологические темы, которые так озадачивают наш ум и которые обнаруживают столь любопытное сходство во всех частях света» (Там же. С. 357–358).

Культура господствует над жизнью, а не наоборот — таковой вывод делает в отношении мистики Леви-Брюль. «Мистический план является здесь предпосылкой утилитарного плана и господствует над ним, но не сливается с ним» (Там же. С. 419). Основы всей первобытной жизни определяются данной отраслью культуры. Выбрав огромную лиственницу, первобытный человек от нее ведет свой род. Дерево становится тотемом, т.е. прародителем данной группы. Представления о тотемном родстве носит мистический характер, поскольку тотем отождествляется с общественной группой.

Как можно одно и то же принимать за лиственницу, человека и бога? В тумане неясные очертания можно принять и за дерево, и за человека, и за сверхъестественное существо. Столь же туманно дологическое мышление. Разум не появился сразу, а развивался постепенно. И в этот период мышление человека не было логичным, как сейчас. Из того, что мышление ныне существующих примитивных народов является мистическим, Леви-Брюль делает вывод, что и мышление доисторических обществ было таковым. Строго говоря, ни один ныне живущий народ не является дологически мыслящим, так как у всех есть мифы, техника и т.п. Но у этих народов в большей степени сохранились остатки дологического мышления.

Аргументом в пользу мистики как первой отрасли культуры служит и биологический принцип связи фило- и онтогенеза. Физическое развитие ребенка, повторяющееся во внутриутробном состоянии все стадии эволюции живого, сопровождается после его рождения духовным развитием, повторяющим все стадии культуры,

начиная с мистики. На этапе дологического мышления Дед Мороз существует реально, куклы воспринимаются как живые. Ребенок, играющий с плюшевым мишкой, не проводит различия между живым и неживым, как и первобытный человек, которому лиственница представляется одушевленной. Лет до 12, если не до 14, дети верят, что Дед Мороз приносит им подарки на Новый год а, взрослея, спрашивают: «Правда, что Дед Мороз существует?» — и хотят услышать положительный ответ, а взрослые, поддерживая эту веру, отвечают: «Наверное, существует» или менее утвердительно: «Может быть», пока ребенок сам не перестает верить. Так и первобытные люди.

Мистика — духовное детство человека, когда он еще не умеет говорить, читать и писать, но по-своему духовно воспринимает мир.

Мистическое единство человека с природой

Для первобытного человека сверхъестественный мир интимно связан с природой. Мистическое единство основано на том, что сверхъестественное является общим для природы и человека. «Священные камни или деревья почитаются не благодаря их естественной сущности, а лишь потому, что они являются иерофаниями, потому что они «отражают» что-то, уже являющееся не минеральным или растительным, а священным — совершенно иным» (Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 141). Даже рельеф имеет мистическое значение.

Взгляд первобытного человека на природу, по Кассиреру, не является только теоретическим или практическим, а сочувственным. Он глубоко убежден в кровном родстве всех форм жизни («мы одной крови»). От-

сюда тотемизм. Данное всеединство было силой, позволяющей противостоять страху смерти, «несомненно, одному из самых общих и глубоко укоренившихся инстинктов человека» (Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 541).

Мистическое единство является следующим этапом после непосредственного единства человека и природы. Оно сменяет последнее, чтобы затем стать речевым и мифологическим.

На мистической сопричастности, слитности человека с явлениями природы и его возможности влиять на них основывалась магия. Вероятно, магические обряды были продолжением способности первобытного человека к подражанию и посредством этого к внушению как способу добиваться нужных результатов от животных (недаром существует термин «имитативная магия»).

Связывал человека с природой и тотемизм. Для человека тотемного периода живое не может быть просто жертвой. Между группой и ее тотемом существовало полное взаимодействие.

Среди первобытных верований присутствует фетишизм — вера в сверхъестественную силу природных или искусственных предметов; анимизм — вера в наличие души у животных; обожествление предков и т.п. Человек постепенно отходил от единства с природой, но в своем мышлении продолжал целостно воспринимать мир, а себя — как его часть. Первобытные народы ближе к природе за счет мистических связей, которые очевидны для них. По Леви-Брюлю, главное для них — сопричастность с природой. Душа и тело для них также нераздельны. Ощущение мистической все связанности, по Леви-Брюлю, — самая характерная черта первобытного мышления, объясняемая его синтетическим характером. Синтез превалировал над анализом, как в наше время анализ над синтезом. Преобладание коллективных, синтетических по своей сути, представлений Леви-

Брюль выводил из однородности строения общества. Эти коллективные представления остаются в человеке, опускаясь на бессознательный уровень (коллективное бессознательное).

Леви-Брюль пишет о сопричастности между землей и общественной группой, жившей на данной территории, когда каждая социальная группа, чувствует себя мистически связанной с той частью территории, которую она занимает или по которой передвигается. За каждым кланом закреплялось свое место и направление в пространстве. Отсюда символ земли в виде квадрата или четырехугольника с четырьмя остриями на каждой вершине угла.

Мистическое единство между территорией и живущими на ней человеческими и другими существами — «родство по местности». Природа, окружающая определенную группу, племя или группу племен, фигурирует в их представлениях не как система объектов или явлений, управляемых законами согласно правилам логического мышления, а как подвижная совокупность мистических взаимодействий. Поэтому первобытный человек заботился о сохранении и поддержании того, что для нас является естественным порядком вещей.

Древние культы

Зачатки культов, по-видимому, появляются у неандертальцев. Культ предков у первобытных народов означает, если так можно сказать, культ культуры, потому что предки являются ее создателями. Сами предки называются «вечными и несотворенными» и этим подтверждается торжество культуры.

В древних культах нет представления о высших существах, отделенных от мира, потому что нет еще дифференциации, которая связана с возникновением логи-

ки. Древние люди не разделяли себя с миром. В этом суть мистики. Когда такое разделение начинается, мистика переходит в мифологию.

По Леви-Брюлю, мистическое у первобытных народов слито с физическим, а стало быть, здесь мы имеем дело с генезисом мистики. Имеет место «двойное присутствие» — естественного и мистического. В древних культах целью является осуществление мистического сопричастия между общественной группой и животными и растительными видами, необходимыми для ее существования. В более развитых цивилизациях это перейдет в мистическое взаимодействие между человеком и богом,

Отсюда представление о мистической силе, заключенной в предметах-талисманах. В китайской мифологии говорится, «что люди потом сами научились защищаться от бесов, вырезая из дерева фигурки Шань-гу и Юй-лэй, в руках которых была веревка» (Всемирная галерея. Древний Восток. СПб., 1994. С. 497). Та же роль у вещей птиц, мистическая сила которых переходит на почву. Любой камень необычайной формы имеет мистическое значение и может быть объектом почитания.

Первобытному человеку представляется совершенно естественным, что одна и та же мистическая сила может в одно и то же время действовать сразу в нескольких местах. Принцип древних мистических культов таков: нет ничего такого необычайного и странного, что не могло бы случиться, раз вступившая в действие мистическая сила является достаточно могущественной.

М.Элиаде утверждает, что шаманский комплекс в примитивных обществах также основан на мистических переживаниях. Шаман говорит на языке животных, становится их другом и повелителем, подтверждая мысль, что человек на ранних стадиях своей эволюции обладал способностью внушения.

Составная часть культуры

С развитием речи и понятийного мышления мистика постепенно отходила на второй план, но так как основные психические структуры, обеспечившие ее становление, остались, то мистика заняла заметное место в других отраслях культуры. Искусство возникло как материализовавшаяся в культурах мистика.

Особенно большое значение имела мистика в поэзии, и воплотившие свои мистические переживания в стихи поэты порой рассказывали о них самих. Исчезновение моей личности, писал А. Теннисон, представлялось мне не уничтожением, а единственной настоящей жизнью.

«Умное делание», сосредоточение на мандалах (простейших знаках, сочетаниях слов), представление древних индийцев о Едином как истине и источнике всего существующего, йога, теософия, учение кришнаитов — везде встречаемся с очень сильной мистической струей. Д. Судзуки говорит о мистицизме восточной культуры как таковой и пишет «мистицизм, т.е. дзэн», поясняя, что «восточному уму присущи спокойствие, тишина и невозмутимость» (Судзуки Д. Основы дзэн-буддизма. Бишкек, 1993. С. 23). Таким образом, к мистике отнесен целый тип культуры.

Большое значение имела мистика в философии, зачастую составляя основу систем и направлений. Первоначальный хаос в философии Древней Греции напоминает мистическую нерасчлененность мира, как и концепция единого и неподвижного Бытия, разработанная Парменидом. Платон выдвинул представление о мистической любви к «миру идей». Продолжил Аристотель: «Действительно, знание тождественно с его объектом».

Сдобренный восточными, прежде всего индийскими, учениями, мистицизм оплодотворил философские системы Нового времени. Характерное для мистики

представление о тождестве бытия и мышления стало отправной точкой для Шеллинга и Гегеля. Можно сказать, что они философски обосновали современную мистику, хотя шлюзы для этого открыл Кант.

На протяжении всей своей истории философия, впрочем, имела и особое мистическое направление. По К.Попперу, мистика — реакция на крах закрытого общества, по своему происхождению направленная против открытого общества. «Эта реакция может быть охарактеризована как бегство в мечту о рае, в котором племенное единство раскрывается как неизменная реальность» (Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 389).

Мы видим мистику не только в плясках и заговорах, где она соединяется с искусством; в мифологических сюжетах, являющихся художественным воплощением мистических видений; но и в религиях, основанных как, скажем, христианство на мистической сопричастности, осуществляющейся путем схождения бога в мир для его спасения. Указывая на мистицизм как начало духовной жизни, В.Джемс полагает, что все корни религиозной жизни, как и центр ее, мы должны искать в мистических состояниях сознания. Мистицизм религий называется Джемсом «систематически культивируемым», а название книги Р.Штайнера «Христианство как мистический факт...» говорит само за себя. В этой книге не только христианство, но и философия, и мифология сводятся к мистике.

В основной корпус религий мистика входит как представление о связи между человеком, Богом и святыми. Все христианские таинства мистичны. Обычай приносить пищу на кладбище — остаток мистической всесвязанности. Молчаливость христианских подвижников, посредством которого они приобретали мудрость и ясновидение, несомненно, мистического свойства.

Все три мировые религии — буддизм, христианство, ислам — имеют свое мистическое направление — соответственно дзэн, старчество, суффизм. В них много общего, а различия зачастую оказывались малосущественными или вообще надуманными.

Православный оптинский старец Варсонофий различал такие виды молитвы как способа концентрации энергии и отказа от себя: устную, умную, сердечную, духовную и выходящую за пределы сознания. Это соответствует разделению тел человека на плотное, тонкое, астральное, ментальное и абсолютное сознание. «Души... имеют даже одежды, — подчеркивал о.Варсонофий, — только это будет не грубое тело, а более тонкое, газообразное». Каждый последующий вид молитвы основывается на — предыдущем. Умная молитва — молитва в уме, сердечная — молитва всем телом. Первая переходит во вторую. Вот результат одного конкретного переживания: «Я поняла тогда, что такое настоящая молитва: индивидуум выходит за пределы своего одиночного заключения, чтобы сознать свое единство со всем существующим, опускается на колена, как смертный, и поднимается приобщенный к бессмертию» (Джемс В. Цит. соч. С. 315).

П.Минин писал, что «поскольку христианская мистика сохраняет в человеке самое дорогое для него — его свободу и его личность, и поскольку она общение с Божеством, даже в самой таинственно-интимной стороне его, рассматривает как общение личностей, она, в отличие от языческой натурмистики, может быть названа мистикой личности» (Мистическое богословие. Киев, 1991. С. 342). Но заключительная ступень «умного делания», о которой говорит о. Варсонофий, когда человек отказывается от своей личности, позволяет вспомнить индийскую мистику. Божественный мрак, в котором человек познает бога, сродни буддийской нирване, а смирение и самоукорение входит в восьмерич-

ный путь Будды. Христианский мистик Я.Беме говорит о видении трех миров, причем внешний видимый мир представлял собою порождение двух миров, внутреннего и духовного. Это соотносится с представлением о трех мирах, о которых говорилось в первой главе.

Во многих выдающихся людях была мистическая жилка. Дж.Бруно с сочувствием пишет о словах некоего теолога, «что поскольку источником света являются не одни лишь наши умственные способности, но равно и стоящие далеко впереди божественные силы, то и следует этот свет почитать не речами и словами, а молчанием» (Бруно Дж. О героическом энтузиазме. Киев, 1996. С. 160). Многие произведения светской культуры в своей основе мистичны, а сам Дж.Бруно сочетал мистику с наукой.

В науку мистика входила в качестве представления о жизненной силе (концепция, идущая от Аристотеля к Дришу) и физических теорий XX века. Многие нынешние по наружности вполне рациональные концепции, как, скажем, концепция ноосферы Тейяра де Шардена с ее идеей свертывания взаимоотношений человека и природы в точку Омега, являются завуалированной мистикой.

Не обходится без мистики и идеология, проявляя мистическое отношение к вождям, классам, нациям, принципам. Таким образом, мистика пронизывает все другие отрасли, что не удивительно, так как она в основе культуры.

Современная мистика

Наше время зачаровано мистикой. Особенно волна мистических увлечений захлестнула Россию. В современной мистике много от представлений первобытных народов. Все нынешние суеверия имеют древнюю ос-

нову. По мнению Элиаде, «экстаз временно и для ограниченного числа людей-мистиков — воссоздает первоначальное состояние человечества» (Элиаде М. Цит. соч. С. 70). Так называемые посвященные — это люди, могущие поднять со дна духовной культуры раковины с жемчугом.

Мы сталкиваемся с двумя вещами: с одной стороны, повышенный интерес к мистике; с другой — искреннее удивление, как цивилизованный человек может вдруг в такое впасть. Может, во-первых, потому, что он — потребитель культуры, а во-вторых, возврат к мистике как древнему феномену, который навсегда остается внутри нас, никогда не исключен. Правополушарное мистическое мышление может выйти на первый план в любой момент в случае, если левое полушарие подчинится ему и будет нейтрализовано. Люди проваливаются в мистику, как в сон, когда снимаются более высокие этажи культуры.

Современная мода на мистику вызвана падением престижа всех других отраслей культуры. Скатывание в мистику происходит, когда нет возможности удержаться за уступы философии, науки и т.д.

Возможно ли сообщаемое в тысячах мистических сочинений? В принципе да, тем более, что в мистике имеем дело со знанием, которое трудно проверить. Сейчас много жертв мистических увлечений, поскольку она очень удобна для внедрения: 1) ее нельзя опровергнуть (как науку); 2) не надо обосновывать (как философию); 3) она не нуждается в таланте (как искусство); 4) не обременена соблюдением традиций (как религия); 5) не навязывается (как идеология); 6) не нуждается в каких-либо материальных механизмах (как техника); 7) в знании преданий (как мифология).

Особенность современного исследования мистики заключается в том, что она изучается не в рамках какой-либо другой отрасли культуры, а сама по себе в

своей самоценности и первозданности. Это по крайней мере позволяет сделать вывод, что мистические озарения идут из глубин человеческой психики, из ее нижних (по происхождению изначальных) этажей. В мистических рассказах описывается исчезновение пространства, времени и ощущения личности. Остается чистое абсолютное Я и откровение смысла жизни. Мир теряет и форму и содержание, но Я продолжает существовать.

Мистицизм обычно противопоставляют рационализму. Это справедливо в том смысле, что роль мистицизма в обществе в принципе постепенно убывает, а роль рационализма увеличивается. Это два процесса, идущие в разные стороны. «Источник этих (мистических — А.Г.) интуиций, — пишет В.Джемс, — лежит в нашей природе гораздо глубже той шумно проявляющейся в словах поверхности, на которой живет рационализм» (Джемс В. Цит. соч. С. 70–71). Это так, потому что более раннее находится в психике глубже обрзовавшегося позднее.

Значение мистики

Значение мистики прежде всего в том, что она формирует представления о сверхъестественном и культурных героях, являющихся создателями всего существующего на Земле. Образ культурного героя есть образ «предка», с захоронения которого начались культы. В нем культура хранит воспоминание о своем исходном пункте (слово «захоронение» однокоренно «хранению»). То, что культурные герои зачастую оказываются полуживотными-полулюдьми, свидетельствует о том, что в мистических представлениях мир культуры тесно связан с миром природы и миром человека, причем между этими мирами существует единство, которое может быть названо не только мистическим, но в широком смысле слова

культурным. «Предки» понимаются великими скорее в духовном, чем в физическом отношении, обладающими способностями, в сильнейшей степени превосходящими способности нынешних колдунов и экстрасенсов.

Культурные герои в современных учениях порой принимают вид Учителей Человечества. Одно из достижений мистики заключается в представлении о высших совершенных существах, восходить к которым должен человек.

В мистике человек отождествляет себя и культурного героя-предка и пытается сохранить то, чего он лишился в процессе эволюции. М.Элиаде пишет, что уход от времени и отказ от истории являются существенно важными элементами всех мистических переживаний. Первое помогает преодолению страха смерти. «Достигнув этого состояния мистического экстаза, первобытный человек не чувствует себя больше беззащитным перед неподдающимися предвидению угрозами сверхъестественного мира. Он обрел в этом мире нечто даже большее и лучшее, чем помощь, чем защиту, чем союзников. Сопричастие, реализованное церемониями, — вот в чем его спасение» (Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении... С. 129). Значение мистики в том, что оно дает «анестезиологическое откровение», сообщающее покой душе, дает разгадку тайны, содержащейся в самой этимологии данного термина, хотя ее нельзя передать другим в силу неизреченности мистических интуиций. Последующие отрасли культуры и пытаются найти словесную формулировку данных откровений.

В сознании неизбежно присутствует личное Я, а стало быть, представление о смерти. Выход из сознания (или как еще говорят, приобретение космического сознания, сверхсознания) позволяет преодолеть осознание смертности и страх смерти. Борясь против смерти, мистика соединяет человека с Вечным. «Это не было

убеждение, что я достигну бессмертия, это было чувство, что я уже обладаю им», — говорится в одном из сообщений (Джемс В. Цит. соч. С. 318).

С мистикой тесно связана магия, которая находится в таком же отношении к мистике, как техника к науке. Магия — техника мистики, а магические обряды — прообразы последующих более развитых ритуалов. Многие магические действия основаны на стремлении вызвать какое-либо явление природы путем подражания ему, и это свидетельствует о больших возможностях подражания первобытного человека и значении, которое он этому придавал. Мистический закон сопричастности по форме (нарисуй изображение врага и проколи его — враг умрет) и по содержанию (заклинание, прочитанное над волоском с головы человека, гарантирует его любовь) — как хорошо должны были первобытные люди относиться друг к другу, боясь обидеть ближнего, если верили в это! Мистическая культура не создала цивилизации, так как мистика не выходит вовне из сферы духа. Но без нее последующая эволюция была бы невозможна.

Мистическая духовность еще не является в полном виде разумной деятельностью, но она также и не относится к области чувств, так как ее истоком не являются пять чувств человека (иногда, имея ее в виду, говорят о шестом чувстве). Это как бы нечто переходное между чувствами и разумом, особый канал связи и приобретения информации.

Мистику можно сопоставить с первым фазисом теологического мышления по О.Контю. Говоря о трех фазисах теологической стадии мышления — фетишизме, политеизме, монотеизме — Конт, по существу, имеет в виду три отрасли культуры: мистику, мифологию, религию. На стадии фетишизма, по Контю, преобладают инстинкт и чувство; на стадии политеизма — воображение (главное, что необходимо для искусства, которое упустил из виду Конт). Конт считал, что во втором

фазисе предметы лишаются навязанной им жизни, переносимой отныне на вымышленные существа. Здесь подмечен переход мистики в мифологию и процесс становления логического мышления. Внутренняя жизнь отходит от вещей и рассматривается сама по себе. Затем, полагает Конт, разум начинает все более и более сокращать прежнее господство воображения. Происходит постепенный переход от мифологии к философии, от теологической к метафизической стадии. Теперь ясно, что на пути рационализма можно выделить не три, а больше стадий. Все началось с дологической стадии, на которой сформировались мистика и искусство. Лишь на стадии мифологии появилась логика, необходимая для того, чтобы имело место объяснение как таковое. Каждая предыдущая стадия не сдавалась (да и не сдалась до сих пор), а пыталась взять реванш в иной форме с использованием достижений других стадий, что и удалось дважды (религия и идеология).

Мистика жертвы

Считая древнейшим культ умерших, Г.Спенсер относил к первоначальному виду жертвоприношений «кормление» покойников. Вторая стадия жертвоприношения — жертвоприношения духам и богам, третья — принесение в жертву себя. Без этого невозможно соединение с Единым.

Когда появились жертвоприношения, сказать нельзя, но они известны в самых примитивных культурах собирателей. Принесение в жертву представляет собой освящение жертвы, которой может быть и животное (в том числе тотемное), и человек. Так как жертва почитается священной, то вкушение жертвенного мяса — это как бы поедание бога (в христианстве такую роль выполняет причастие: люди распяли пожертвовавшего собой бога и

во время литургии в символической форме причащаются его телом и кровью). Получалось так, что священное животное, родовое божество приносилось как бы в жертву самому себе.

Мистика присутствует в жертвоприношениях на всех его исторических стадиях, например в представлении о мистических свойствах крови как очистительного средства. Часто жертва приносилась в начале строительства, и таких примеров можно привести множество. Подобные вещи Леви-Брюль квалифицирует как «мистическую гигиену». Вспомним, что кровопускание долгое время рассмаривалось медициной в качестве универсального лекарства от всех болезней для животных и людей. Кровь в этом случае выступает как мистическая сила. Это справедливо, однако, лишь в случае, когда кровь выходит из тела преднамеренно, т.е. когда речь идет о жертве.

В мифологии это мистическое представление трансформируется в идею очистительной жертвы, которая приносится во время обряда жертвоприношения.

Освободиться от своих грехов можно и с помощью так называемого «козла отпущения», в роли которого выступают различные животные и даже растения.

По мнению Робертсона Смита, кровь тотемического животного символизирует единство общины, а ритуальное умерщвление и поедание тотемического животного есть заключение «кровного союза» общины с ее богом.

К теме «культура и жертва» мы будем возвращаться не раз. Пока отметим, что захоронение предков было первой жертвой человека, породившей духовную культуру. Человек все более отходил от окружающего мира, но стремился вернуться в него с помощью жертв, призванных восстановить утрачиваемое единство. Развитие словесной культуры сопровождалось мистическим отказом от слова (христианские молчаливники), поскольку, как утверждал еще Лао-цзы, «говорящий не знает, а

знающий не говорит». Мистика отказывается и от разума, от всего, присущего человеку на более высоких стадиях развития. Наконец, мистика настаивает на отказе от личности, т.е. на жертве основным, что есть у человека и что рассматривается тождественным самой его жизни. Это присуще буддизму, в котором отказ от личности составляет высшую ступень восьмеричного пути Будды; есть это и в христианской мистике. В видении одной женщины, описанном В.Джемсом, Бог, по ее словам, «как бы покупал ценою моей боли свое существование... Через меня Он свершил нечто, что именно и по отношению к кому, не знаю — употребив на это все страдание, на какое я была способна» (Джемс В. Многообразие... С. 313). Вывод: «Вечная необходимость страдания и его вечное назначение свидетельствовать о том, что кроется за ним» (Там же). «Гений похож на человека, — заключает В.Джемс, — который приносит в жертву свою жизнь, чтобы приобрести достаточно средств для спасения от голода своей округи; и в то время, как он, умирающий, но удовлетворенный, приносит сотню тысяч рупий, необходимых для покупки хлеба, Бог отбирает у него эти деньги, оставляя ему лишь одну рупию, со словами: «Вот это ты можешь отдать им; только это ты приобрел для них. Остальное — для Меня» (Там же. С. 314).

Человек приносит в жертву самое дорогое для него — разум, речь, личность. Ради чего? Ради истины, которую говорящий не может высказать; ради культуры, которая сопровождает человека на всем пути его становления и существования. Жертва предстает как двигатель жизни — и не только в первобытной культуре.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ИСКУССТВО: СТАНОВЛЕНИЕ ВИДИМОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Искусство требует жертв

Что такое искусство?

Искусство — отрасль культуры, выражающая не практическое, а эстетическое отношение к действительности. Предпосылкой возникновения искусства выступает мистическое воображение, направленное на достижение определенных культурных целей. «Вряд ли можно сомневаться в том, что все человеческое искусство первоначально развивалось на службе ритуала и что автономное искусство — «искусство для искусства» — появилось лишь на следующем этапе культурного развития» (Лоренц К. Агрессия. М., 1994. С. 83). Постепенно воображение отрывалось от мистических корней и становилось самоценным. А когда оно довлеет и претендует на решение основных проблем, стоящих перед человеком, искусство становится главенствующей отраслью культуры.

Искусство — синтез мистики и языка (в том числе языка живописи, пластики и иных форм культуры), и чем большее значение приобретали речь и мышление, тем выше становилась роль искусства. Когда слово появилось, оно должно было рассматриваться как нечто сверхъестественное, хотя бы потому, что имело огромное социальное значение, и это отразилось на значе-

нии искусства. Литература выростала из словотворчества, творила язык, который затем использовался для создания мифологии.

Искусство создает эмоциональные связи в условиях, когда логические связи еще отсутствуют. В этом смысле искусство названо «мышлением в образах». Вначале так и было. На следующем этапе эмоциональные связи будут заменяться логическими, приближая искусство к мифологии и философии.

Танцами, наскальными рисунками искусство было на службе мистики, а точнее магии, которая вдохновлялась мистическими представлениями. И тем не менее это была не только видимая, но и рационализированная мистика, поскольку в самой дифференцированности произведений искусства, их построении, композиции и содержании должны присутствовать элементы рациональности. Говоря точнее, искусство изначально не мышление в образах, а образы, ведущие к мышлению. В своем развитом виде искусство — целостное мышление-чувствование, в котором слиты отражательный, воображательный и смысловой моменты. Этим искусство отличается от науки, религии и философии, поскольку в первой преобладает отвлеченно-рациональный отражательный момент, во второй — отвлеченно-чувственный воображательный, а в третьей — смысловой, определяемый главным для философии — поиском смысла жизни как высшего идеала.

Искусство рассматривалось Л.Н.Толстым как способ единения людей на чувственном уровне. «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их» (Толстой Л.Н. Что такое искусство? Собр. соч. Т. XV. М., 1983. С. 80). Это определение искусства хорошо согласуется с высокой ролью подражания и внушения в жизни первобытного человека.

Это же рождающееся чувство сопереживания, общее для всей культуры, роднит искусство с мистикой. Как и мистика, искусство основано на отождествлении. «Настоящее произведение искусства делает то, что сознание воспринимающего уничтожается разделением между ним и художником, и не только между ним и художником, но и между ним и всеми людьми, которые воспринимают то же произведение искусства. В этом-то освобождении личности от своего отделения от других людей, своего одиночества, в этом-то слиянии личности с другими и заключается главная привлекательная сила и свойство искусства» (Там же. С. 165). Это слияние достигается не непосредственно, как в мистике, а опосредованно через звуки, слова, движения. Цель искусства, то Толстому, — любовное единение всех людей, и вдохновляется оно любовью, помогающей передавать свои чувства другим.

Вывод Толстого имеет отношение к культуре в целом. Вся культура является способом единения людей, а различные отрасли ее отличаются тем, как именно оно осуществляется. Искусство объединяет людей на уровне воображения, как религия — на уровне веры, философия — на уровне понятий, наука — на уровне универсальных теорий. Искусство в социальном смысле отличается от других отраслей культуры формой, но не сутью.

Главным мерилom искусства Толстой считал степень заразительности, хотя важно, конечно, и внутреннее совершенство. Подлинное произведение искусства способно перевернуть душу человека и его жизнь. Искусство самоценно в себе самом и не должно подчиняться какой-либо внешней идее. Но как отрасль культуры оно отвечает высшим потребностям людей и главенствует тогда, когда составляет сердцевину их поисков и переживаний. Вершиной искусства остается время, когда, появившись в форме обрядов и ритуалов, оно

играло основную духовную роль в жизни людей, объединяя в них то, что преобладало, пока они не стали видом Homo sapiens — их чувства.

Происхождение искусства

Духовную культуру можно разделить на невидимую и видимую. К первой относится мистика. Искусство — начало видимой духовной культуры. В своем происхождении оно не что иное, как объективизация мистики. Духовная культура в целом исходит из культа и искусство является видимым проявлением его, можно сказать, видимой мистикой. Искусство фиксирует прозрения мистики и практической деятельности людей. Выйдя из мистики, искусство — следствие и отрицание ее. В начале искусство интенсивно мистично, потом все дальше отходит от мистики, но никогда насовсем.

Если истоки мистики коренятся в самом происхождении мира, то истоки искусства — в эволюции природы, и мы замечаем их в животном мире. Искусство основывается на чувствах, а чувства в большей или меньшей степени испытывают и животные. К.Лоренц пишет о триумфальной песне диких гусей, а Д.Вико полагал, что героический стих родился из ликования.

Для того, чтобы сформировалась новая отрасль культуры, необходимы три условия. Первое — соответствие ее стадии развития человека. Это условие налицо на этапе перехода от неандертальца к Человеку Разумному, когда стали формироваться образы, мышление и речь. Искусство появляется, когда вычленяются образы, но нет еще понятийного мышления. На пути от неандертальца к Человеку Разумному (а истоки подобного подхода прослеживаются в животном мире) брали какую-нибудь одну черту предмета и называли ею его целиком: «голова» вместо «человека», «парус» вместо

«корабля», «острие» или «железо» вместо «меча» и т.д. До сих пор у некоторых примитивных народов обобщающая сила мышления столь слаба, что они имеют, скажем, много слов для обозначения разных видов снега, но не имеют слова, обозначающего снег как таковой. Это частное определение и ведет к появлению в первую очередь более метафоричных видов искусства. Отсюда Вико и делает вывод, что «Поэзия зародилась вследствие недостаточности человеческого рассудка и что из-за появившихся впоследствии Философии, Искусства, Поэтики и Критики, и даже как раз вследствие их, не появилось другой Поэзии, даже равной, не говоря уже о большей» (Вико Д. Основания новой науки об общей природе наций. М.-Киев, 1994. С. 137).

Второе. Каждая предыдущая отрасль создает почву для следующей. Это условие в виде закона мистической всевызанности тоже соблюдается.

Наконец, третье условие — социальное. В обществе должны произойти изменения, которые дают стимул развитию данной отрасли культуры. Таковым стало, по Б.Ф.Поршневу, появление частной собственности.

Причина возникновения искусства в ранние времена видится многими исследователями в том, что искусство — это подражание природе, а подражание было сильно развито в первобытном человечестве, как и в современных детях. Как говорит Д.Вико, «люди детского мира были по природе возвышенными Поэтами» (Там же. С. 84). И чуть ниже: «детский мир состоял из поэтических наций, так как поэзия — не что иное, как Подражание» (Там же. С. 88). Здесь искусство возводится к начальным этапам культуры на том основании, что для него имеет большое значение подражание, свойственное детям и первобытным людям. Люди способны на подражание в высшей степени. Но почему эта способность именно в данное время привела к искусству? Чтобы иметь то, что запрещено после введения част-

ной собственности, отвечает Поршневу. За отождествление же образа и вещи ответственна мистика. Таким образом, каждая последующая отрасль вырастает из предыдущей и потребностей среды.

Эволюция жизни с сохранением особенностей мистического отношения к действительности привела к искусству. Искусство начинается с того момента, когда мы можем что-то сделать или сказать. И чем лучше мы делаем или говорим, тем мы искусней. Отсюда и производство называлось «поэма», а искусство — «технэ».

Искусство навсегда останется юностью человечества. «Как в старости человек вспоминает свою юность и справляет праздники воспоминания, так и отношение человечества к искусству будет скоро трогательным воспоминанием о радостях юности», — писал «мыслитель юности» Ф. Ницше (Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1996. С. 357). Противопоставляя Диониса и Аполлона, Ницше считал, что искусство как аполлоновское рождается из первоначального хаоса дионисийства. Этот первобытный хаос мистичен. Поскольку мистика лежит в основе духовной культуры, можно сказать, что в основе всех отраслей культуры лежит исходный хаос. Источником искусства, по Ницше, являются два бога — Аполлон и Дионис, красота и хаос. Красота появляется из хаоса и создает произведение искусства. Говоря о двух мирах искусства, различных в их глубочайшем существе, Ницше нащупывает историческое место искусства между мистикой Диониса и мифологией Аполлона. Искусство идет от Диониса к Аполлону. Для того, чтобы мистическое начало искусства не разрушило индивида, требуется, по Ницше, гармония Диониса и Аполлона, называемая им предустановленной гармонией. Говоря о взаимодействии Диониса и Аполлона в создании искусства, Ницше в мифологической оболочке представил процесс вырастания образов из мистики.

В мистике образ тождественен предмету. Следуя закону сопричастности, наскальные рисунки пронзенных стрелами диких животных появились потому, что первобытные охотники верили в то, что такие изображения воплотятся в жизнь на охоте. Связь данных изображений с местами захоронений позволяет также предполагать, что доисторические рисунки в пещерах должны были активизировать магические силы, обеспечивающие удачную охоту покойника. Такая гипотеза подтверждается анализом искусства Древнего Египта, которое было преимущественно магическим. Лишь затем постепенно выясняется, что образ не тождественен предмету. Искусство выросло из мистической веры, себя не оправдавшей. Это становится ясно, и отказ от собственности выступает как плата за создание искусства.

Психологическую неудовлетворенность человека представляет в качестве предпосылки развития искусства З.Фрейд. В какой мере можно здесь говорить о жертве? В человеке формируется образ предмета как психологическая компенсация за невозможность владеть им как собственностью. Через какое-то время человек осознает, что образ не дает ему, вопреки мистическому закону сопричастности, реального владения предметом. Нарисованное блюдо не насыщает и в нарисованном доме не укрыться от холода. Если человек отказывается от стремления к обладанию собственностью и продолжает творить, наслаждаясь образами самими по себе, то этот момент есть точка перехода от главенства мистики к лидирующей роли искусства.

Искусство с присущей ему образностью противопоставляет себя потребительскому отношению к действительности, материальному вообще в пользу непрактического, созерцательного наслаждения красотой. «Красота спасет мир», потому что заставляет отказаться от эгоизма собственности, силы вещизма, разделяющей людей. В этом смысле можно сказать, что отказ от

собственности после возникновения института частного владения ею — главная жертва художника. Здесь мы находимся в области догадок, потому что практически ничего не известно о времени возникновения искусства. По-видимому, оно потрясло основы общества. В дальнейшей истории искусства мы видим даже слишком много частных жертв, восходящих к главной.

В искусстве кристаллизируются образы, возникшие из мистической ориентации первобытного человека. В процессе развития языка и мышления они превращаются в мифы, связывающие более или менее логично мир повседневного опыта с миром сверхъестественных сил, который в мифе не менее реален, чем чувственный мир.

В выходящем из мистики мифологическом искусстве много сокрытого специально, чтобы профаны не проникли в тайники народного духа. «Женщины и непосвященные знают только их букву, тогда как их глубокий смысл и мистическая сила, на которой основана вся действенность их мифов, открыты лишь мужчинам, которые считаются достаточно квалифицированными для того, чтобы быть в них посвященными, чтобы их сохранять и передавать, чтобы выполнить те тайные церемонии, которые с ними связаны» (Леви-Брюль Л. Первобытная мифология. М., 1930. С. 265).

По мере развития речи и понятийного мышления искусство все дальше отходит от мистики. Обряды и мифы усложняются и постепенно начинает забываться источник их, придававший искусству объективное значение. С утратой мистических основ искусство субъективируется. Тяготение великих художников к мистике (например, Толстого, Достоевского и других к Оптиной Пустыне) представляет собой стремление вернуться к корням и обрести объективное содержание.

Преобладает та отрасль культуры, которая определяет жизнь людей. Таковым было искусство, когда оно было священным. Искусство было господствующим

тогда, когда еще недостаточно развилось понятийное мышление и не возникла потребность в систематизации всего культурного наследия. Когда эти предпосылки проявились, из синтеза мистики и искусства сформировалась мифология. Искусство должно было накопить большое количество произведений, для того, чтобы наступил следующий этап культуры — мифологический, являющийся по существу систематизацией первобытного искусства.

Древнее искусство

Древнее искусство было изобразительным, пластическим и словесным. Последнее воплощалось в мифах, а к современным людям дошло в виде сказок, созданных человечеством в детстве и любимых детьми.

Точка зрения происхождения мифологии из искусства, в соответствии с которой искусство как бы переходная ступень от мистики к мифологии, позволяет подвергнуть сомнению представление о том, что ранее существовали целостные мифы, которые потом распались или деградировали. Скорее вначале они были разрозненными сказаниями, а затем стали соединяться с помощью логики в нечто целое, зависящее от того, насколько логично мышление данного народа и развита в нем мифология.

Одно из объяснений верхнепалеолитических рисунков, с которых начинается наше знакомство с древним искусством, заключается в веровании, что тот, кто владеет изображением, располагает полной властью над его оригиналом. Леви-Брюль обвиняет защитников данной гипотезы в том, что они приписывают авторам этих рисунков и скульптур чисто утилитарные замыслы. Действительно, в искусстве утилитарное отходит на второй план, но в качестве предпосылки развития искусства

имеет место. Поршневу объясняет эти изображения запретом на пользование оригиналом. Продолжая мысль в этическом плане, можно заключить, что тяга к добру порождает сказки, в которых оно побеждает. В этом смысле прав Ницше, утверждая, что «искусство не есть исключительно подражание природной действительности, а как раз метафизическое дополнение этой действительности, поставленное рядом с ней для ее преодоления» (Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и пессимизм. Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1966. С. 153). Искусство выполняет, таким образом, компенсаторную роль восполнения в сфере чувств того, чего человек оказывается лишен в жизни. Это, впрочем, свойственно любой отрасли духовной культуры.

В первобытном искусстве особенно проявляется его способность быть средством общения и единения людей, к чему стремятся ритуалы как таковые. Они выходят из искусства и, будучи сопричастны миру сверхприроды, создают тем самым мир духовной культуры, который первоначально мистичен, а воплотившись в искусстве мифологичен. В мифах запечатлен бессознательный архетип данного племени, и потому он так оберегается «стариками» — хранителями мудрости.

Древнее искусство повторяет подвиги культурных героев, которые считаются предками и творцами данной общественной группы, создателями всех ее обычаев, обрядов, празднеств и церемоний. В том, что предкам приписывается создание всего существующего, воплощается в уважении к ним как творцам культуры. Культурный герой является главным персонажем мифов и в то же время этим же словом называется главное мистическое начало. Тот, кто породил культуру, отождествляется с порожденным. В самом имени, слове пребывает мистическая сила.

Функцию слова в тот период, когда искусство было главной отраслью культуры, выразил Н.Гумилев в знаменитом стихотворении «Слово»:

«В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине».

Многие гениальные поэты чувствовали мистическую силу слова, и с этим связано представление о художнике как пророке, возвещающем истину. Насколько всерьез можно относиться к таким претензиям? Настолько же, насколько серьезно можно относиться к мистике вообще. А известно, что там, где в примитивных обществах так относятся, осуществляется ее обещание. Здесь имеют значение еще два момента. Во-первых, обожествление слова в начальный период после возникновения речи. И во-вторых, то отмеченное Вико обстоятельство, что «первый Язык в первые немые времена наций... должен был начаться со знаков, или жестов, или тел, имеющих естественное отношение к идее» (Вико Д. Цит. соч. С. 144). Поэтому «логос» означал у древних греков еще и вещь, и слово было едино с делом.

То, что первоначально все виды искусства связаны с мистикой (литература, живопись, музыка, танцы), очевидно, так как мистика была предшествующей отраслью культуры.

Следует согласиться с Леви-Брюлем, что первобытные мифы и церемонии — не «элементарные формы религиозной жизни», как полагал Э.Дюркгейм, а скорее «до-религия». «Самый термин «до-религия», хотя он и не включает идеи необходимости эволюции, ука-

зывает, что дело идет о стадии, на смену которой может явиться религия в полном смысле слова» (Леви-Брюль Л. Первобытная мифология... С. 482).

Сказания древних народов — элементы, из которых складывается целостная мифология. Развитие искусства в процессе слово- и мифотворчества, порой соединяющихся вместе, ведет к ней.

Отдельные виды искусства также связаны между собой и помогают становлению друг друга. Поэзия возникла не только из словотворчества, но и, по Ницше, из подражания музыке, а трагедия — из дифирамба и хора. Существование трагедии — «видимая символизация музыки... (Ницше Ф. Рождение трагедии... С. 112).

Перманентность искусства

Гипотеза дологичности первобытного мышления хорошо объясняет первичность мистики и искусства по сравнению с мифологией, философией и другими отраслями культуры. Но по мере того, как мышление становится все более логичным, искусство теряет главенствующую роль и лидирующую позицию занимает мифология. С появлением логики жизнь, конечно, не становится всецело логичной. Соответственно мистика и искусство остаются перманентно действующими, но теперь уже в условиях наличия конкурента, развитие которого они сами подготовили.

Искусство, имея культовую основу, постепенно уходит все дальше от практики, пока не забирается в «башню из слоновой кости», в которой можно заниматься «искусством ради искусства». Однако полностью уйти в себя искусству не удастся никогда. Художника называли пророком, потому что функция его была той же, что и у пророка. Любое культурное творчество — будь то художественное, религиозное или какое-либо еще — есть пророчество.

В отдельные моменты истории в лице своих гениев искусство вспоминает о своей некогда главенствующей роли и поэт слышит голос: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, исполнись волею моей». В эти минуты он не принадлежит самому себе. Состояние вдохновения бросает его в иной мир, в котором творец чувствует себя, как дома. Его самого тянет из мира материальной жизни на мистический простор, где все сходится воедино. Неприкаяемость в этом мире порождает стремление художников, наподобие Байрона или Лермонтова, к жертвенной смерти.

Всякое истинное произведение искусства (как культуры в целом) противопоставляет себя материальному миру и таким образом обрекает на борьбу со средой. Коллизия «поэт и царь» проходит через всю историю. Творец сталкивается не только с властью, но и с массой, которая не понимает его не имеющих практического смысла устремлений. Эта борьба фундаментальна в человеческой истории, выражая противоречие между культурой и материальной жизнью. Положение художника в обществе обобщил Ф.Ницше.

Развитие искусства шло также в борьбе со всеми другими отраслями культуры. Помогало искусству то, что, например, в отличие от мифологии, оно не претендовало на абсолютную истину и готово было без боя уступить главенствующую роль. Порой казалось, что искусство может снова занять лидирующую позицию, но подмены ослабляли его творческие возможности. И.Тэн пишет о ситуации в Италии после великого полувековья конца XV — начала XVI вв., «когда живописец, дотоле наивный ремесленник, превратился в вежливого кавалера, когда лавка и работники-ученики уступили место «Академии», когда смелый, вольный художник... сделался дипломатом-царедворцем, убежденным в своей важности, блюстителем этикета, сто-

ронником мелочных правил, тщеславным льстецом прелатов и вельмож» (Тэн И. Философия искусства. М., 1996. С. 118).

В истории мы встречаем такие подмены неоднократно. В книге «Умирание искусства», посвященной искусству современному, В.Вейдле пишет, что «подмена искусства утилитарно-рассудочным производством, сдобренным эстетикой, привела к чему-то, в принципе общепонятному и потому сплывающему, пригодному для массы, и не так-то легко бороться с тем, чью пользу и удобство докажет любая газетная статья, что одобрит на основании присущего ему здравого смысла всякий лавочник. Эстетические потребности убить нельзя, но искусство убить можно. У человека нельзя отнять зачатков «хорошего вкуса» или вообще вкуса, но его можно отучить от творчества» (Вейдле В. Умирание искусства. // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 289).

Современное искусство

Искусство каждой эпохи несет на себе отпечаток времени. Искусство начала XIX века романтично, середины XIX века реалистично — и то и другое проникнуто верой в грядущее торжество разума; искусство конца XIX — начала XX века символистично или декадентно и проникнуто напряженным предчувствием страшного. Искусство XX века формалистично или документально. Оно трагично потому, что трагичен век, и отражение судеб века делает искусство трагичным по содержанию. Настоящий художник не может не чувствовать отчаяния, связанного с тем, что его значение ничтожно в век идеологии и НТР, и отчаяние переносит в звуки, на бумагу, полотно. Всякая умильность кажется ложной перед лицом бессилия человека.

Искусство XX века осознало и отобразило трагизм современного существования. Искусство абсурда — ответ на бессмысленность современной жизни. Но для создания полноценного произведения надо подняться над абсурдом бытия, выйти из его пределов и посмотреть на него как бы со стороны. Тот, кого абсурд поглотил и подмял под себя, не в силах понять самой абсурдность своего существования, а в лучшем случае только смутно догадывается об этом.

В идеологизированный век с искусством борется и часто побеждает его идеологизированное массовое псевдоискусство — оружие борьбы идеологии с подлинным искусством. Оно особенно пропагандируется средствами массовой информации, находящимися в руках идеологии. Герои массового искусства — преступники или разведчики — люди расчетливые, хитрые, живущие широко и удовлетворяющие все свои желания, которым все дозволено и которые сами позволяют себе все. Цель псевдоискусства — сформировать ложное, идеологизированное представление о мире.

В идеологизированном мире искусство отходит на второй план, и сами художники, чувствуя и понимая неуместность искусства в современной жизни, создают, выражая время, антиискусство. Получается парадокс — антиискусство в искусстве. Искусство, по С.Лангер, призвано интенсифицировать чувства. И вот художники интенсифицируют чувство ненужности искусства в нашем мире. Художник пытается прорвать в своем воображении этот мир, идеально взорвать его, и он обречен на непонимание обывателями.

Искусство постоянно подпитывается мифами и фольклором и в период кризиса искусства возникает теория возврата к мифотворчеству. Это вызвано не только стремлением вернуться к первоистокам, но и тем, что первобытное искусство выполняло важную практическую магическую функцию, которую утеряло. Это тос-

ка по «золотому веку» искусства. В начале XX в. Вяч.Иванов выдвинул идею искусства как мифотворчества и даже попытался ее реализовать. В широком смысле слова искусство всегда выполняло эту миссию, которая издревле была для него основной.

Некоторые современные поэты обращаются и к другой древней функции искусства, связанной со словотворчеством. Словотворческая миссия искусства сохраняется в качестве атавизма до наших дней и именно художники изобретают неологизмы. Современное искусство выполняет также роль прояснения того бессознательного, что находится за пределами чувственной реальности. Все эти функции определяют перманентность искусства.

Художниками вновь начинает осознаваться мифологичность искусства. Современный миф — феномен культурного синтеза. В свою очередь, синтетическая культура зачастую мифологична. Через миф идет связь искусства с другими отраслями культуры. Есть современные произведения, в которых миф — подспорье. Таковы «Мастер и Маргарита», «Иосиф и его братья». В первом миф используется для нужд психологически-индивидуалистического романа, во втором — для нужд романа эмпирико-реалистического. Но есть произведения, в которых миф самоценен. В романе столпа современного мифотворчества Вяч.Иванова «Сказание о Светозаре Царевиче» творение самого мифа заново в новой обстановке — основная задача.

Настоящий художник не бесстрастно копирует действительность, создавая бледные подоби́я жизни, но и не отворачивается от нее. Он ищет и накапливает жизненный материал, стремясь к победе над ним, заключающейся не в подведении его под какую-либо жесткую схему, а в шлифовании и перераспределении его в живом доме нового художественного мира. Художник

вкладывает в свое знание мира и свое произведение дух и душу и погружается в стихию творчества, оставаясь земным человеком.

Искусство берет отдельные куски жизни и конструирует из них новое целое в соответствии с идеями, которые вкладываются в произведение. Оно может выпятить какую-нибудь черту действительности, чтобы она стала лучше видна. По существу, создание так называемых типических образов — своеобразный гротеск, когда из многих прототипов конструируют персонаж, в котором ярко выражены наиболее характерные черты, свойственные представителям данной группы. В искусстве жизненность соединяется с условностью, которая, впрочем, не менее реальна, чем эмпирическая жизнь; всегда что-то недоговаривается, что-то придумывается, а остальное фактом, что попало на бумагу, кажется искусственным и тем самым скрывает свою естественную природу. В искусстве всегда присутствует игровой момент, но эта игра, сквозь которую проглядывает нечто серьезное, имеющее отношение к смыслу жизни. Этим, кстати, искусство отличается от рекламы или, скажем, порнографии, которые если представлены в искусстве (как можно видеть в поп-арте), уже не функционируют сами по себе, а представляются в их отношении к смыслу жизни, и рассмотренные под этим углом зрения сразу обнаруживают свою ущербность. Подлинное произведение искусства всегда синтез реалистически-отражательного, фантастически-воображательного и идейно-смыслового моментов.

Искусство принципиально отличается от всех иных отраслей культуры, например науки. Искусство направлено на синтез субъекта и объекта, наука — на объект. Основной метод искусства — понимание, науки — анализ. Источник искусства — интуиция, в науке главную роль играет дискурсивное мышление. Основной нерв искусства — любовь, человечность; наука равнодушна.

Искусство имеет личностное отношение к бытию, наука безлична. Поэтому ни одно научное открытие само по себе не страшно власти имущим, в отличие от истинного произведения искусства. Они готовы даже допустить половинчатое искусство, полуистину в искусстве (в реалистических произведениях), или истину, которая как бы сама отказывается от себя, обращая все в шутку (в сатирических произведениях), но целостной истины боятся как огня. Ведь основа политики — насилие, противоречащее основе искусства. В то же время в народе искусство пользуется большей популярностью, чем другие отрасли культуры. Искусство менее рационалистично и потому более понятно массам. Оно всегда отталкивается от реальных конкретных событий, которые не менее важны и интересны, чем мысли и составляют основу мышления. Сила произведения искусства в том, что оно, отталкиваясь от конкретных событий, поднимается к вершинам обобщений.

От современной техники, которая тоже когда-то имевалась искусством и которая тоже творит мир, но эмпирически, искусство отличается тем, что оно по природе консервативно. Лучшие произведения искусства всегда выполняли функцию совести. Эту этическую задачу осуществляет создаваемый искусством живой духовный мир. В нем истина неразрывно связана с добром и красотой. Но художник отличается от моралиста. Когда писатель перестает переживать сам и за себя (переживание за себя — неотъемлемая часть переживания вообще), он тем самым отрицает себя как писателя и превращается в моралиста. Писатель может проникнуть в душу другого человека, и глубина его проникновения зависит от того, насколько он способен пережить то же самое.

Искусство — способ творческой деятельности, в максимальной степени соответствующий целостной природе человека, и потому искусству принадлежит

великая роль преодоления расщепления. Современные попытки синтеза искусства с наукой, как и попытки синтеза искусства с религией в средние века, весьма полезны, поскольку с их помощью до уровня искусства поднимается все творческое, что есть в науке и религии. Синтез искусства и философии присутствует во всех выдающихся произведениях искусства.

Специфичность произведения искусства как особого духовного мира осложняет его связи с жизнью. Выдающиеся художники всегда чувствовали это. Крупнейший современный кинорежиссер М.Антониони заявил, что искусство не может влиять на общественную жизнь, по-видимому, хорошо понимая, что у культуры своя внутренняя жизнь, она развивается по своим законам, и влияние, например, искусства на политику невелико. Если искусство хочет непосредственно воздействовать на текущую жизнь, ему придется утратить свою специфику. Утилитаристское направление в искусстве никогда не поднимется выше схемы, тогда как сторонники «искусства для искусства», если верны подлинному призванию искусства — творению живого духовного мира, — создадут нечто выходящее по значению за рамки «чистого искусства».

Искусство отлично от эмпирической жизни своей способностью проникать в тайники души, изображать нереализованные возможности. Оно отражает жизнь в диалектическом сочетании действительности и возможности. Для создания хорошего произведения надо иметь талант, творческий настрой и чувство меры. Последнее рождается из умения посмотреть на свое произведение как бы со стороны, как на нечто в себе самоценное. Чтобы что-то создать, надо на время отрешиться от себя. Но чтобы копить впечатления, надо быть собой, чувствовать, думать, мечтать. Что же касается творческого настроения, переходящего в горение и перевоплощение, то оно бывает, по-видимому, у каждого, но не каждый способен использовать его в полной мере.

Значение искусства

Уже в индийской культуре искусство считалось божественным. «Арийцы верили, что «боги рождаются из воздуха, выдыхаемого певцом», а следовательно, существуют лишь постольку, поскольку существует вдохновенное настроение их почитателя» (Мечников Л.И. Цит. соч. С. 414). В «Ведах» утверждается, что мир и существующее в нем возникло из песнопений богов.

Искусство прокладывает новые пути для человечества, обеспечивая посредством воображения поиск альтернатив будущего; творит прекрасное и открывает гармонию в мире; «примиряет с жизнью» (Н.В.Гоголь); дополняет и завершает бытие, «соблазняя на дальнейшую жизнь» (Ф.Ницше). Искусство — способ внутренней гармонизации личности, вид магического воздействия на мир, имитация действительности с целью ее изменения. Искусство выполняет компенсаторную роль при запрете прикосновения к предмету, создавая его двойники. Искусство делает вечным слово, и человек — носитель слова — присоединяется к вечному. Это способ художника преодолеть смерть.

И трагедия и музыка, по Ф.Ницше, ведет к вечному. «Мы верим в вечную жизнь!» — так восклицает трагедия, между тем как музыка есть непосредственная идея этой жизни» (Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм... С. 121). Героическая смерть в трагедии, вынужденная или добровольная, вызывает катарсис у зрителя — чувство очищения, подъема и воодушевления. И Аполлон, символизирующий искусство, прославляет вечность явления. Так искусство ведет к вечности, преодолевая страх смерти, т.е. осуществляя высшую цель культуры.

Значение искусства определяется и тем, что слово понимается как тождественное обозначаемому им. Давая имена, искусство раскрывает сущность мира. Этим объясняется то, что после мистики оно было главенствующей отраслью культуры.

Искусство выполняет и игровые, развлекательные функции, и будет существовать столько, сколько соответствующая потребность.

Искусство является способом передачи культуры в древнем обществе, в котором оно может быть столь же тайным, как и мистика, но скрыть которое гораздо труднее. Видимый характер культуры способствует ее самосохранению, облегчает передачу следующим поколениям, но одновременно затрудняя ее сокрытие. В этом диалектика древнего искусства.

Значение искусства и в том, что оно уравнивает две разновидности духовной жизни — нерациональную мистико-религиозную и рациональную научно-философскую. Их видимая противоположность рождает представление о том, что только нерациональное мистико-религиозное мышление духовно. Это имеет свое объяснение в том, что появившаяся рациональность противопоставила себя прежней духовности, но это не значит, что сама она не была духовной. В искусстве гармонично сочетается и та и другая духовность. Обе нужны для полноценного существования и создания полноценного произведения.

Исходя из функций искусства, можно понять формулу Достоевского «Красота спасет мир», дополненную Рерихом — «осознание красоты спасет мир» или в варианте «творение красоты спасет мир». Понимание и открытие мира в аспекте прекрасного есть выражение непрактического, неэгоистического отношения к действительности, причем культура не нечто добавляемое к миру с целью его раскрашивания, а, как указывал

Гете, важнейшая онтологическая характеристика бытия. Суть спасительной функции искусства в жертве собственническим отношением к миру.

Жертвенность искусства

Афоризм «искусство требует жертв» настолько самоочевиден, что, кажется, никогда не оспаривался. В искусстве жертва играет такую же роль, как в мистике, подтверждая, что в культуре в целом жертва есть двигатель жизни. В отличие от мистических культов, где жертва — посторонний человек или «козел отпущения», в искусстве жертвой является сам творец, начиная от безвестного древнего бродячего певца и кончая самыми последними примерами из жизни любого государства. Идея жертвы близка художникам, и сами они очень часто становились жертвами власти, толпы, своего искусства. Причина конфликта в том, что творец, уходя в сферу культуры от мирских практических взаимоотношений, всегда оказывался отделенным и противопоставленным остальной массе населения, включая ее вождей. А так как сила и количественное превосходство на стороне массы и правителя, художник неизбежно оказывается трагической стороной конфликта. Как правило, он хорошо себе представляет, на что идет, и таким образом его жертва добровольна. Тот огонь, который он чувствует в своей груди, призвание, которое в себе ощущает, не дают ему права свернуть с пути.

«Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, в заботы суетного света он малодушно погружен». Здесь слово «жертва» можно понимать буквально, и сам Пушкин тому пример. Деятель культуры в столкновении с жизнью выполняет роль жертвы, но это не значит, что он проигрывает. Благодаря телесной жертве он побеждает как творец, и тем самым культура одерживает

ет победу. Наступает момент, когда Аполлон требует поэта к священной жертве, и поэт сознательно кладет свое сердце на алтарь культуры. В основе искусства лежит жертвенная любовь к миру.

Творец живет в двух мирах — мире духовной культуры и мире материальной жизни, и имеет две природы — творческую и потребительскую, противоречие между которыми разрешает жертвенная смерть. Искусство понимало значение жертвы. «Мать, мать! На крови твоего сына созидается храм будущего — раскрой же мне сердце твоей чудесной властью и благослови на смерть», — восклицает герой романа Л.Андреева Погодин (Андреев Л. Сашка Жегулев. Собр. соч. в 6 т. Т. 4. М., 1994. С. 141). Н.А.Некрасову, воспевавшему жертвенность, принадлежат такие строки:

«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других».

И его же:

«Дело прочно, когда под ним струится кровь».

С пронзенных животных наскальной живописи до героев классической литературы (Фауста, который жертвует своей душой; «Идиота» Достоевского; «Живого трупа» Толстого и т.д. и т.п.) мы постоянно встречаемся в искусстве с жертвой. Архетип искусства как такового выразил С.Есенин:

«Не ищи меня ты в Боге,
не зови любить и жить.
Я хочу на той дороге
Буйну голову сложить».

Творец жертвует собой, но культура побеждает. Так мы приходим к глубинному пониманию того, что остается неясным в древних ритуалах жертвоприношения. Художник жертвует, чтобы жило искусство. Стремление к гибели Байрона, Пушкина, Лермонтова, метания

Гоголя, терзания Достоевского, уход Толстого объясняются желанием добровольной жертвы. Стихи и романы — содержание искусства, жертва — ее энергия. Это та «энергия сожжения», из которой создается пламя духа. Поэтому Достоевский хвалил свое заключение, Толстой просил Леонтьева поскорее исполнить желание написать на него донос. В идее жертвенности непонятый смысл учения Л.Толстого о непротвлении злу насилием.

И в XX в., когда из всех искусств важнейшим стало кино, гениальный режиссер А.Тарковский назвал венчающий его карьеру фильм «Жертвоприношение». Он советовал молодым кинематографистам принести себя в жертву кино и воплотил идею жертвоприношения на экране. С обывательской точки зрения поступок героя, сжегшего собственный дом, — сумасшествие. С точки зрения изначальной жертвенности искусства — это жертва в чистом виде, возвращение к той жертве, с которой началось искусство.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МИФОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ ОСНОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Дела, совершенные не ради
жертвы, — оковы для мира.

Бхагаватгита

Что такое мифология?

Слово «мифология» происходит от «mythos» — предание, сказание, но как отрасль культуры есть целостное представление о мире, передаваемое, как правило, в форме устных повествований.

Мифология связана с антропоморфизмом (приписыванием явлениям природы человеческих свойств и поступков), фетишизмом (представлением о наделенности неодушевленных предметов сверхъестественной силой), тотемизмом (представлением о происхождении человеческих групп от животного или растительного предка), анимизмом (верой в одушевленность всего существующего).

Мифологию порой путают с мистикой, поскольку мистические представления занимают в мифах важное место. Многие мифы начинаются с представления о первобытном хаосе как мистической нерасчлененности бытия, хотя не останавливаются на этом. В качестве одной из своих аксиом Вико выдвигает такую: «Все варварские Истории имеют мифологические начала» (Вико Д. Основания... С. 86). Мифология, будучи связанной с захоронениями предков, является сущностным

свойством человека. «Первых в мире богов создал страх», — писал римский поэт Папиний Статий (45 г. — ок. 99 г. н.э.). Добавим, страх смерти, сильнейший из всех для большинства людей.

Миф отличается от сказки или легенды тем, что воспринимается как реальность. Р.Барт определяет миф в противоположность поэзии как «семиологическую систему, претендующую на то, чтобы превратиться в систему фактов; поэзия — это семиологическая система, стремящаяся редуцироваться до системы сущностей» (Барт Р. Избранные работы. М., 1994. С. 101).

О соотношении мифа с мистикой и искусством можно заключить из значений слов. Мистика — это таинственное, искусство — это сказание. Миф — сказание о таинственном. Мифология — это синтез мистики и искусства, дошедший до своего воплощения в целостных духовных произведениях, призванных объяснить наиболее важные события, преимущественно начала истории. А.Н.Афанасьев выводил мифологию из особенностей образования языка и словотворчества. Творчество языка, которое все более иссякает и передается забвению, продолжается в новом виде творчества — мифологическом. Исходный смысл древних речений становился все темнее и загадочнее и начинался неизбежный процесс, как говорит А.Н.Афанасьев, «мифических обольщений».

Из искусства появляется мифология, так как, по Вико, «Первые Поэты наделяли тела бытием одушевленных субстанций, обладавших только тем, на что они сами были способны, т.е. чувством и страстью; так Поэты создавали из тел Мифы, и каждая метафора оказывается маленьким мифом» (Вико Д. Основания... С. 146). Итак, механизмом превращения искусства в мифологию был антропоморфизм.

Мифология появляется в виде разрозненных сказаний. Пока логическое мышление развито недостаточно, разноголосица между мифами не смущает. «Так как

соотношение между каждым мифом и остальными таково, как если бы их друг для друга не существовало, то совершенно неизбежно, что между ними возникают противоречия. Однако какими вопиющими эти противоречия ни казались бы нам, туземцев они не смущают ни в малейшей мере. Они не уделяют им никакого внимания» (Леви-Брюль Л. Первобытная мифология... С. 257).

В мифологических текстах боги похожи на людей и обладают их достоинствами и пороками. Это результат того, что для первобытных людей не ясна разница между естественным (жизнью людей) и сверхъестественным (жизнью богов). Для того, чтобы божественное предстало в идеальном варианте, необходим длительный период абстрагирующей деятельности. Своим идеальным характером религия отличается от мифологии. Это последующий этап развития культуры.

Интересна мысль К.Леви-Строса, что миф образует мост между эмотивным опытом и интеллектуалистической мыслью. Мы бы сказали, мост между искусством, в основе которого лежат образы, и философией, в основе которой рациональное мышление. Постепенно под влиянием тенденции рационализации мифы становятся все более абстрагированными, усложненными, логичными и последовательными.

Мифология развивалась и из отдельных произведений искусства, которые не обобщались до становления великих речных цивилизаций. Их создание — переломная точка перехода от искусства к мифологии. Мистика и искусство не отмирают, они отталкиваются на периферию культуры. Мифология же достигает своего расцвета в Египте, ближневосточных цивилизациях, Индии, Китае, Греции, переходя в Индии в религию, а в Греции в философию.

Становление цивилизации — социальная предпосылка развития и господства мифологии над другими отраслями культуры. Антропологическая — рост ло-

гичности мышления. Мистика вместе с искусством создает внутрикультурные условия для победы мифологии. Хотя есть доля истины в концепции Эвгемера о мифологизации истории, все же в мифологию изначально входит мистический компонент. В мифе соединяются мистика, искусство и жизнь в лице действующих культурных героев.

Мифологическое отношение человека к природе

Древнейшие памятники культуры свидетельствуют об отношении человека к природе, которое можно назвать мифологическим. Э.Кассирер утверждал, что чувство единства с природой — самый сильный импульс мифологического мышления. Примитивный человек, по Кассиреру, способен делать различия между вещами, но гораздо сильнее у него чувство единства с природой, от которой он себя не отделяет.

Становление мифологических представлений накладывается на речевое единство человека и природы, которое переходит в единство мифологическое (комплекс мифологических представлений называют язычеством). Выстраивается цепочка: первая сигнальная система → слово → миф, и соответственно непосредственное единство человека с природой → мистическое → речевое → мифологическое. Речь была формой единства человека с природой в той мере, в какой имел место процесс словотворчества. С прекращением этого процесса язык мог разделять человека и природу и потребовались иные формы единства. Таковыми стали мифы.

Каждый вид единства имеет качественное своеобразие, которое формируется на основе некоторых общих компонентов и специфических особенностей. В мифе

большое значение имеют особенности психологии народа и его своеобразных представлений о жизни и смерти, которые не всегда заметны в наличном языке.

Для мифологического единства, помимо сочувственного созерцания природы, значение имеет все более полно сознаваемая любовь к ней, которая, впрочем, занимает важное место и на стадии речевого единства. При этом любовь понимается не как лишь человеческое свойство. В соответствии с присущей мифологической стадии мышления параллели между природой — макрокосмом и человеком — микрокосмом, сопоставления идут не только по линии уподобления внешнего облика человека явлениям природы (солнце, луна, гром, ветер, а в человеке — очи, глас, дыхание и «мгновение ока — яко молния»), но и по линии его душевного состояния и поведения. Любовь приобретает поэтому космическое значение и уподобляется теплоте от огня (сравни выражение «пламя страсти»), весеннему брачному соитию неба и земли.

В своем мифологическом мышлении человек воспринимал природу как живое существо, одушевлял и одухотворял ее. Отголоски этого находим в языке («солнце всходит и заходит», «ревела буря» и т.п.). Последнее, по-видимому, подтверждает идею А.Н.Афанасьева о том, что в самом начале творческого создания языка силам природы придавался личный характер и таким образом речевому единству человека с природой также было присуще одушевление и одухотворение природы. Афанасьев объясняет всеобщее обожествление внушением метафорического языка и выводит, стало быть, мифологическое единство из языкового. Спецификой мифологического единства, по-видимому, является не обожествление и не его более творческий характер, чем у единства речевого, а скорее целостность, попытка представить человека и природу и их взаимодействие в космическом масштабе.

Символом обожествленного космоса с подчеркнутой идеей связи земного и небесного была концепция древа жизни. Природа мыслилась совершенной и гармоничной. Человек в своем творчестве также стремился достичь состояния совершенства и в то же время как бы обязывался поддерживать и прославлять совершенство в природе, чувствовал себя ответственным за это, поскольку не воспринимал природу как функционирующую независимо от его действий. На поддержание и сохранение порядка в природе были направлены ритуально-драматические обряды, элементы которых организовывались в соответствии с принципами соразмерности и гармонии. Гармония здесь общий признак, одинаково присущий творчеству и природе.

Для мифологического единства человека и природы характерны персонификация всей природы в виде единого божества с дополняющей его иерархией богов и представление о вечном воспроизводстве этого единства. Скажем несколько слов об одном божестве, важном в плане нашей темы. Это Лада — богиня брака и веселья, по А.С.Фаминцыну, связанная с весенними свадебными обрядами. Называя ее еще и богиней растительного плодородия, Б.А.Рыбаков сопоставляет ее с греческой богиней Лато и римской Латоной. То, что именно Лада является богиней брака, вполне понятно по самой этимологии слова, поскольку для семейной жизни столь важна гармония тех, кто семью составляет. Но наделение ее еще и функцией растительного плодородия свидетельствует о зачатках соединения гармонии социальной с тем, что может быть названо гармонией экологической.

Миф, по Р.Барту, превращает историю в природу. «Задача мифа заключается в том, чтобы придать исторически обусловленным интенциям статус природных, возвести исторически преходящие факты в ранг вечных» (Барт Р. Избранные работы... С. 111).

Мифология и цивилизация

Природные условия имели первостепенное значение для развития ранних цивилизаций. «С нашей точки зрения, основной причиной зарождения и развития цивилизации являются реки», — писал Мечников (Мечников Л.И. Цивилизация... С. 355). Соглашаясь с этим утверждением, нельзя не отметить причины культурной.

Цивилизация может возникнуть только на определенном этапе развития культуры, с которой связана неразрывными узами, находясь на границе мира культуры и мира материальной жизни человека. Как указывал О.Конт, «... образование всякого действительного общества, способного к устойчивому и длительному существованию, неизбежно предполагает непрерывное и преимущественное влияние некоторой предварительной системы общих воззрений, которые в состоянии достаточное время держать в узде бурное естественное развитие индивидуальных различий в мнениях». Эта роль настолько важна, что жрецы были особым и руководящим классом в различных обществах. Обратной стороной процесса омащования культуры было то, что «повсюду цивилизация нарушала естественное равновесие способностей и склонностей, подавляла одни из них и преувеличивала другие, жертвовала будущей жизни настоящей, божеству — человеком, государству — личностью; она создала индийского факира, египетского или китайского чиновника, римского законника и сыщика, средневекового монаха, подданного, подначального (и опекаемого повсюду) гражданина новых времен» (Тэн И. Философия искусства. М., 1996. С. 208).

Обеспечившие материальными благами людей цивилизации возникли на мифологической основе. Именно мифология смогла культурно объединить людей в громадные сообщества. Цивилизация стала возможной с главенства мифологии в культуре, давшей набор об-

сезначимых образов и ритуалов. Сплачивавшая население мифология как система взглядов на мир, позволявшая говорить о едином мировоззрении целых народов, является духовным ядром цивилизации.

Цивилизация потребовала письменности для общения, работы той гигантской мегамашины, которая была создана в Египте в первую очередь для постройки пирамид и для запечатления в вечности напутствий умирающему человеку. Поэтому первым письменным произведением стала «Книга мертвых». С изобретения письменности культура растекается по широким массам, и как вода в долине, теряет свою энергию и силу. Это совпадает с наступлением бронзового века. Тогда же возникают города — большие скопления людей в огороживаемом месте, имеющем рынок.

Не только культура ведет к становлению цивилизации как своей конечной стадии, но и цивилизация влияет на развитие культуры. Она создает человека, умеющего пользоваться папирусом, но разница между культурным и цивилизованным человеком такая же, как между произведением культуры и его копией.

Шаг от культуры к цивилизации сделан с помощью мифологии, но за него пришлось заплатить отказом от свободы ради единства. Эта жертва потребовалась для создания новой отрасли культуры и обеспечила ей главенствующее положение в обществе.

Мифология и жертва

У всех так называемых примитивных народов важнейшие обряды связаны с жертвоприношениями духам. Во многих культурах жертвоприношения являются главным мифологическим действием. Они остаются в развитых мифологических культурах и затем переходят в религии.

В мифологии впервые оформилась идея появления мира как жертвы. В японском мифе о сотворении мира встречаем представление о зарождении съедобных растений непосредственно из тела Богини. «Это зарождение соответствует смерти Изанами, то есть ее самопожертвованию» (Элиаде М. Мифы... С. 212). Элиаде делает общий вывод, что сотворение полностью завершается или иерогамией, или насильственной смертью. В соответствии с имеющим широкое распространение и встречающимся во множестве форм и разновидностей мифом, продолжает Элиаде, ничто не может быть создано без жертвоприношения, без жертвы... Жизнь может произойти только от другой жизни, которая приносится в жертву. Насильственная смерть созидательна в том смысле, что приносимая в жертву жизнь проявляется в более выдающейся форме и на другом уровне существования. Это жертвоприношение приводит к огромному переносу: жизнь, сконцентрированная в одной личности, выходит за ее пределы и проявляется на космическом или совокупном уровне. Единственное существо трансформируется в Космос или возрождается во множестве видов растений или человеческих рас. Живое «целое» разрывается на фрагменты и рассеивается мириадами одушевленных форм» (Там же. С. 213, 214). Возможно, мифы эти созданы в период неолитической революции под влиянием перехода к сельскому хозяйству. Периодическая плодovitость земли отмечается праздниками, во время которых приносятся жертвы и даже происходят массовые самопожертвования, как во время римских сатурналий. Оргии символизируют возвращение в первоначальный хаос.

Обычай человеческих жертвоприношений относится к более развитым классовым обществам. Человеческие жертвоприношения, по-видимому, были распространены и в Старом и в Новом Свете, у греков, римлян, германцев и других народов.

Жертва в мифологии — знак покорности и благоговения человека перед божеством. А.Ельчанинов отмечает, что при жертвоприношении «подчеркивается именно момент жертвы, лишения, отказа поклонника от чего-либо ценного ради Бога» (История религии. М., 1991. С. 26). Причем этот момент в отличие от жертвы ради «насыщения» бога свое полное развитие получает в позднейших культах. «Классическим примером такого рода жертвы будет принесение финикийцами в жертву Молоху своих первенцев. Явно, что для насыщения бога безразлично, принесен ли в жертву единственный сын или нет, так что жертва измеряется не ценностью ее для бога, а тяжестью ее для жертвователя» (Там же. С. 21).

Бог и человек как бы соревнуются между собой. «Божество, довольно часто выступавшее в образе девушки, иногда — ребенка или мужчины, согласилось быть принесенным в жертву, чтобы из его тела смогли вырасти клубни плодоносящих растений. Это первое убийство радикально изменило образ бытия человеческой расы» (Элиаде М. Мифы... С. 47—48). Отсюда сама пища становится священной. «Убивая и поедая свиней во время торжеств и поедая первые плоды урожая корнеплодов, человек поедает божественную плоть точно так же, как и во время празднеств каннибалов... Съедобное растение не предоставлено природой. Оно является продуктом убийства, потому что именно таким образом оно было сотворено в начале времен» (Там же. С. 49).

В мифологической культуре, как и в первобытной, жертва предстает как источник и двигатель жизни. По Элиаде, «человек архаических обществ стремился победить смерть, придавая ей такое значение, что, в конечном итоге, она перестала быть прекращением, а стала обрядом перехода. Другими словами, для примитивных народов человек умирает по отношению к чему-то, что не является существенным, человек умирает для мирской жизни» (Там же. С. 264).

Жертва в мифологии — коллективная жертва, как само мифологическое сознание — коллективное сознание. Начиная с философии, появляется индивидуальное сознание и личная жертва, доходящая до жертвы собственной личностью.

Как подчеркивает Элиаде, в большинстве мифов речь идет о добровольной смерти. С добровольной жертвой связан образ Феникса, который «вечно приготавливает сам для себя костер и сгорает на нем, а из пепла его вечно возникает обновившаяся молодая, свежая жизнь» (Гегель Г. Цит. по: Философия истории. М., 1995. С. 94). Это уже философская интерпретация мифологии.

В мифах различных народов жертвоприношение совершается для победы над силами зла (это подробно объясняется в зороастризме). Языческие жертвоприношения очищают человека от грехов и обеспечивают милость богов и нормальное функционирование мира. В дальнейшем мы увидим, что смерть и жертва дают рождение новым отраслям культуры.

Основные мифологические сюжеты

В том или ином виде они встречаются у большинства народов Земли. Заимствуются ли они или каждый народ создает их сам, а сходство — результат одинаковости мышления и обстоятельств? Антропологи отмечают, что имеет место, и заимствование и независимое творение близких сюжетов.

Сотворение мира

Наиболее известное повествование о сотворении мира находится в Библии в книге Бытия. Здесь встречаем рассказ о 6 днях, в которые Бог создал последова-

тельно свет (первый день), небо и воду (второй день), сушу и растения (третий день), звезды (четвертый день), животных (пятый день), человека (шестой день). Не вполне ясно в сопоставлении с другими текстами, что появилось раньше: небо, земля или свет, но в целом эта схема напоминает эволюционную картину развития Земли.

Рассказ о сотворении мира, изложенный в Библии, восходит, по мнению исследователей, к так называемому Жреческому кодексу, составленному еврейскими жрецами во время вавилонского пленения (VI в. до н.э.) или сразу после него. Во второй главе Библии имеется еще один рассказ, который отличается от предыдущего. Здесь говорится о создании сначала человека, потом низших животных и позже женщины из ребра Адама. Этот рассказ написан на несколько столетий ранее, вероятно в IX в. до н.э. и различие между двумя образами Создателя характеризует постепенную эволюцию представлений о нем. «Более поздний автор Кодекса имеет абстрактное представление о боге как о существе, которое недоступно человеческому глазу и творит мир простым велением. Более ранний автор Яхвиста представляет себе бога в конкретной форме, как существо, которое говорит и действует подобно человеку, который лепит человека из глины, разводит сад, гуляет в этом саду в часы дневной прохлады» (Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985, С. 14–15). Изменения идут в направлении от мифологического восприятия к религии, отражая эволюцию человеческого мышления.

Библейский рассказ является одной из трех модификаций основной мифологической структуры сотворения мира. Двумя другими являются создание мира не из ничего, а из хаоса и из организованного существа.

Представление об образовании мира путем деления неба и земли встречается у многих народов. Иногда оно дополняется очень поэтичными и трогательными

ми картинами. Так в мифе народов Океании несмотря на отделение беспредельного Неба от своей супруги Земли, «их взаимная любовь продолжается. Нежные вздохи летят к Небу из земной груди, поднимаясь над лесистыми горами и долинами. Люди называют эти вздохи туманами. И беспредельное Небо, отделенное от своей возлюбленной, скорбит о ней долгими ночами и роняет слезы на ее грудь. А люди называют эти слезы каплями росы (Хрестоматия по истории мировой культуры. М., 1998. С. 29).

Интересно, что человек по-древнееврейски «адам» — мужской род от «земля» («адама»), что объясняет творение его из глины. Подобный миф существовал у вавилонян и египтян. У первых бог Бел отрезал собственную голову, а другие боги собрали кровь, смешали ее с землей и из этого кровавого теста вылепили людей. В египетской мифологии Хнум, отец богов, вылепил людей из глины на гончарном круге. Прометей также вылепил первых людей из глины. По представлениям австралийских аборигенов, создатель Бунджил большим ножом срезал три крупных куса древесной коры, положил на один из них кусок глины и тем же ножом вымесил ее, а затем вылепил человеческие фигуры. После этого он стал дышать им в рот и они ожили. Аналогичный миф встречаем у маори в Новой Зеландии. Бог Тика назвал созданного им человека Тики-агуа, то есть подобие Тики.

На Таити бог создал женщину из одной из костей («иви») человека. Параллель вплоть до фонетической: иви — Ева. На островах Тихого океана первые люди созданы из глины, замешанной на крови различных животных, и от этого зависит их характер: люди, в которых течет кровь крысы — воры, змеи — трусы, петуха — храбрецы. Иногда боги обсуждают созданные модели и улучшают их. Создают человека из деревьев, скал, но все же глина остается наилучшим и наиболее распространенным материалом. Порой бог трудится не

покладая рук, вылепляя каждого младенца, которому предстоит родиться на свет. Иногда людей создают птицы, и мы возвращаемся к тотемизму.

На Филиппинских островах есть легенда о сотворении богом моря, земли и растений, а затем человека. Аналогичные рассказы существуют в Индии, Африке, у американских эскимосов и на территории России у марийцев. Различный цвет кожи у разных рас объясняют цветом глины. Хорошие люди созданы из хорошей глины, плохие — из плохой.

По словам индейцев племени майду в Калифорнии, первые люди созданы существом, которое спустилось с неба по веревке, сделанной из птичьих перьев. Его тело сияло, как солнце, но лицо было закрыто и невидимо для глаз. Данный миф не может не вызвать интереса у уфологов, ищущих следы внеземных цивилизаций.

Изгнание из рая (грехопадение)

Библейский рассказ о рае и изгнании из него переключается с имеющимся у многих народов представлением о золотом веке. В данном мифе присутствует идеал счастливой жизни и объясняется, почему он недоступен людям, а заодно и происхождение греха и смерти. Дж.Фрэзер считал, что в первоначальном варианте речь шла не о древе познания добра и зла, а о древе жизни и смерти. Боги не хотели, чтобы человек стал, как они, бессмертным. Косвенным подтверждением этой версии служит объяснение библейским Богом своего недовольства тем, что, съев плод с одного дерева, люди могут съесть плод и с другого — древа жизни. Другое объяснение можно найти в китайской мысли. В «Дао дэ цзине» говорится: «Когда узнали, что доброе хорошо, появилось зло».

Верующие порой выступают против любых интерпретаций изложенного в Библии, а все неясные места относят к непостижимости путей господних. Но трудно удержаться от параллелей между библейскими и мифологическими текстами. С данным рассказом сопоставляют легенды, в которых змей, заяц, собака и другие животные приносят человеку ложную весть о его смертности, желая обмануть его; или на самом деле не веря в это; или проклинают его сами, не встретив достойного приема; или по забывчивости. Иногда не бог посылает весть людям, а люди отправляют животных к богу с поручением сообщить, что они хотели бы после смерти снова вернуться к жизни. Иногда божество колеблется: давать бессмертие или нет.

В более раннем, чем Библия, шумерском сказании о Гильгамеше бог открыл герою существование растения, которое обладало волшебной способностью возвращать утерянную молодость, но змей украл его. Змей является отрицательным героем многих мистерий, соблазнителем и источником низшего познания.

Древние люди верили, что спустя три дня после смерти наступало Воскресение в соответствии с трехдневным промежутком между исчезновением старой луны и появлением новой. Многие народы связывают возможность бессмертия с фазами луны.

По легенде племени банар (в Восточном Кохинкине) первоначально людей хоронили под деревом лонг-бло, и через некоторое время покойники всегда воскресали. Поэтому земля была очень густо населена и представляла собой один сплошной город. Люди до того размножились, что ящерица не могла свободно ползти по земле без того, чтобы человек не наступал ей на хвост. И она подала совет хоронить людей под деревом, под которым они не будут оживать. Неприглядная роль змей и ящериц связана, по мнению Фрэзера, с завистью к существам, меняющим кожу.

Интерпретация Фрэзером древа познания добра и зла как первоначального древа жизни и смерти снимает многие вопросы, но при этом пропадает один важный сам по себе мотив — познания как такового. А в нем проявляется тенденция рационализации, которая вела к смене отраслей культуры, и обнаруживается в измененном виде то обстоятельство, что развитие данной тенденции не такое уж тривиальное дело. Познание — плата за смертность людей.

Братоубийство

Библейскому Каину после убийства Авеля было запрещено общаться с людьми. Боясь, что каждый встречный может отныне убить его, Каин стал жаловаться Богу, и Бог сделал ему знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.

Обычай изгнания убийцы из племени широко распространен у многих народов, поскольку существовало убеждение, что земля, на которой он находится, после такого преступления осквернена и не может родить. В древней Аттике убийца, подвергнувшийся изгнанию, в случае новых обвинений имел право вернуться для защиты, но не мог ступить ногой на землю, а должен был говорить с корабля. Ноги человекоубийцы как бы источали яд, который вредно действовал на самого преступника и от которого должна быть защищена земля. В древнегреческом мифе об Алкмеоне, убившем мать, говорится, что он своим поступком осквернил всю землю. Это переносится на народ. В книге Левит евреи предупреждаются, что оскверненная земля свергнет их с себя, как народы, бывшие до них. Земля выступает в роли божества, которого оскорбляет пролитие человеческой крови и которое поэтому следует умилостивить жертвоприношениями (у африканских племен Верхнего Сенегала).

Существовало поверие о том, что убийцу преследует дух убитого. Поэтому часть жертвенного животного следовало оставить ему. Жертвоприношения часто приносятся только если убит представитель своего клана.

С этой точки зрения упоминаемая в Библии «каинова печать» могла обозначать, что убийца полностью отплатил (в том числе в буквальном смысле) за совершенное преступление; целью ее также могло быть изменение вида убийцы до неузнаваемости, чтобы он мог спастись от преследования духом убитого; или приобретение им такого отталкивающего или устрашающего вида, что у духа пропадает охота приближаться к нему.

Сопоставление с широко распространенными мифами позволяет разрешить то противоречие в библейском рассказе, что Бог наложил на Каина печать, чтобы обезопасить его от мести со стороны людей, но мстить Каину некому, потому что все население земли состояло из убийцы и его родителей.

Возможно, в данном рассказе присутствуют отголоски верования, что дух умершего мстит живым, что могло послужить основанием для захоронения предков и заботы о них.

Всемирный потоп

Самая древняя легенда о Всемирном потопе, как и о рае и изгнании из него — шумерская; от них вавилоняне приняли ее вместе с другими элементами цивилизации. Сказанию о потопе больше 4 тысяч лет. Самые древние записи относятся к правлению вавилонского царя Хаммурапи. К тому времени шумеры перестали существовать как отдельный народ, и, стало быть, легенда возникла до занятия семитами долины Евфрата. Легенда о потопе присутствует в рассказе о сотворении мира, тоже имеющем шумерские корни (Фрэзер даже

говорит о шумерской «книге Бытия»). Евреи могли принести с собой эту легенду при их переселении из Вавилонии около 4 тысяч лет тому назад в Палестину или узнать ее от более древних жителей Палестины — ханаанеян, получивших ее опять-таки от вавилонян.

Представление о потопе не было известно древним ариям, но имелось у дравидов, которых завоевали арии. Здесь та же ситуация, что и в отношении вавилонян к шумерам. Греческая легенда о Всемирном потопе во многих чертах напоминает шумерскую, но греческие историки говорят о трех потопах. Причиной потопа называют дожди, поднятие уровня моря и даже разбитие сосудов с водой. Все было затоплено, кроме вершины одной из гор, на которой спасались люди.

Не все применяли ковчег или лодку. Иногда использовали черепаху с панцирем, покрытым мхом и т.п. О том, что вода сошла, сообщали голуби и другие птицы, которых выпускал человек с разведывательной целью.

Рассмотрев варианты сказаний о потопе, Фрэзер делает вывод, что их различия не дают оснований усматривать в них копии библейского оригинала, тем более, что имеется более древняя шумерская легенда. Многие предания о потопе обусловлены воспоминаниями о действительно происшедших природных катастрофах, что подтверждает тот факт, что они преобладают в местах земного шара, где реально могли иметь место разрушительные наводнения — на Ближнем Востоке, в Южной Азии, в Америке, на островах Тихого океана, и их мало или почти нет в Китае, Африке, Европе. Находимые высоко в горах раковины морских организмов служили материальным подтверждением подлинности рассказов о потопе.

Вавилонская башня

Данная легенда отражает мотив богоборчества или желание человека сравниться с богом, за которое бог покарал смешением языков. Исследователи приписывают происхождение сказания глубокому впечатлению, которое великий город произвел на простодушных кочевников-семитов, попавших сюда из уединенной и безмолвной пустыни. В Вавилоне имелись два огромных храма, которые могли дать повод для легенды о Вавилонской башне, и реальное смешение языков разных народов. На близлежащих территориях также находились храмы-башни, в том числе недостроенные, возведенные в 3 тыс. до н.э., то есть до рождения Авраама, который мог их видеть.

Аналогичные легенды существуют в Африке и Америке. В сказании о Вавилонской башне выражено и стремление людей после изгнания из рая попасть на небо, то есть тоска по золотому веку, и стремление узнать, что находится в небесах, которым вдохновляется нынешнее освоение космоса.

У различных народов существуют разные легенды о смешении языков, не обязательно связанные с Вавилонской башней.

Значение мифологии

Мифология отвечает на запросы становящегося все более рациональным человека объяснить происхождение и развитие мира. Первичная функция мифа, по С.А. Токареву, — ответ на детские вопросы «почему?» и «зачем?» Отвечали также «дети», и ответ с современной точки зрения может показаться детским. Но первобытного человека он устраивал. Для вопросов и ответов использовались достижения предыдущих стадий развития культуры: мифологические сфинксы и т.п.

В социальном плане мифология обеспечивает цивилизационное единство народов. Искусство слишком индивидуально и субъективно для выполнения данной миссии. Смысловая сторона мифа отмечена Ницше: «Миф может наглядно восприниматься лишь как единичный пример некоторой всеобщности и истины, неуклонно обращающей взор свой в бесконечное» (Ницше Ф. Рождение трагедии... С. 124). Господство мифологии в культуре служит фундаментом становления цивилизации.

Мифология играет такую же интегративную роль в духовном плане, как реки в плане физическом. Впоследствии функция рек переходит к морям и океанам, а мифологии — к философии, религии и науке. В индийской, а затем греческой цивилизации уже не столько привлекают сами мифы, сколько выводы, которые из них следуют.

Говоря о функциях мифологии, У.Н.Браун пишет, что «если люди простые и неискушенные могут считать миф реальностью, то для посвященных он является только символом, отталкиваясь от которого, они переходят в дальнейшем к строгому и логическому анализу. В этом смысле мифология является как бы преддверием философии» (Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 333). Браун справедливо подчеркивает преемственность отраслей культуры, но до философии доходят не все, а лишь достаточно развитые мифологии. Миф проясняет бытие, но пока не на понятийном уровне, как философия.

Мифологическое произведение состоит как бы из двух уровней — верхний, образный и внутренний, понятийный. Постепенно ценность верхнего уровня начинает убывать в процессе роста рациональности мышления; наконец, мифологическая оболочка прорывается, и внутренний уровень выходит на поверхность в своей автономности и самооценности. Эта точка пере-

хода от главенства мифологии к главенству философии. Мифология предшествует религии, но непосредственно стыкуется с ней в тех культурах, в которых отсутствует философия.

М.Элиаде обосновал господство в течение длительного времени мифологии в культуре тем, что она обещала, как ранее мистика и искусство, избавление человека от смерти, для чего и возникает вера в богов. Одна из задач мифа — сделать бытие вечным и неизменным, остановить мгновение, чего жаждет человек и для чего создает культуру. Миф, как и культура в целом, выполняет функцию борьбы со страхом смерти.

Мифологический подход играет ту же роль, что и философский, религиозный, научный. Отказ от мифологических представлений не означает, скажем, отказа от жертвенности, но изменяет ее содержание. В мифологической культуре жертвуют в основном животными. На смену приходят добровольные человеческие жертвы. Функции мифа сохраняются другими отраслями культуры, которые выполняют их по-своему.

Каково положение мифа в современном мире? «Мы не можем сказать, что современный мир полностью исключил мифологическое поведение, изменилось лишь поле его деятельности: миф больше не доминирует в существенных секторах жизни, он вытеснен частично на более скрытые уровни психики, частично во второстепенную и даже в безответственную деятельность общества» (Элиаде М. Мифы... С. 39). Следы мифа находят в искусстве, идеологии, политике. Во всех сферах культуры обнаруживается мифологическая сторона, свидетельствующая о значении данной отрасли культуры. Без мифа, писал Ницше, «культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы: лишь обставленный мифами горизонт замыкает целое культурное движение в некоторое законченное целое» (Ниц-

ше Ф. Рождение трагедии... С. 149). Усилиями Р.Барта и других методологов почти все в культуре стали называть мифом — и религию, и идеологию, и даже науку. В этом есть рациональное зерно: созданное после мифа несет на себе его отпечаток.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФИЛОСОФИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Если вы меня казните, меня назовут мудрым всерьез. А если вы дадите мне спокойно умереть, меня скоро забудут.

Сократ

Что такое философия?

Мы определили мифологию как систему из двух уровней: образного, доставшегося ей от искусства, и более глубокого — понятийного, который по мере эволюции логического мышления становится все более важным. В определенное время в определенном месте этот развившийся из мифологии глубинный уровень прорывает оболочку образов и выходит на поверхность, заявляя о своей самоценности. Философия начинается с осознанного применения понятий. Это и есть точка перехода от мифологии к философии.

В переводе с греческого философия определяется как любовь к мудрости, и это исходный пункт ее становления. В целом, философия представляет собой отрасль культуры, вдохновенную любовью к мудрости и занимающуюся рациональным поиском ответов на все те же основные вопросы: каково происхождение и устройство мира; что такое человек; как познается мир; в чем смысл жизни; что такое истина, добро, красота и т.п. Размышление над этими вопросами отличает мудрость, которую Г.Марсель относит к мегатехническому уровню, поскольку она «часто вынуждает ставить под воп-

рос технические приемы и вообще технику как таковую» (Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы. // Само-сознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 352).

Одна из главнейших проблем философии — проблема жизни и смерти. «Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью» (Платон. Федон. 64). Под умиранием можно понимать способ философского мышления — использование вечных понятий, и жизнь философа, который, умирая для всего временного и обретая знания, готовит себе бессмертие. «Стремление к мудрости имеет то общее с умиранием, что человек отвращается от телесного», — комментирует Штайнер Сократа (Штайнер Р. Христианство как мистический факт... С. 47). Итак, умирание представляет собой жертву телесного духовному. Философы стремятся к отделению души от дела, т.е. к смерти. В этом нет ничего нового. Рассматривая мифы, Элиаде делает вывод, что «Смерть также символизирует и Мудрость» (Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии... С. 264). Обретение мудрости — задача философии. Данная параллель ведет к пониманию всей культуры как жертвы и мудрости как жертвоприношения собой. Философствование есть медленное умирание для преодоления смерти. В этом диалектика как сознательное разрешение противоречия между жизнью и мышлением.

Философию сравнивают и с родами. Метод вопрошания, помогающий духовному рождению человека и его самостоятельному приходу к истине, Сократ по аналогии с ремеслом своей матери-повитухи назвал «майевтикой». «В моем повивальном искусстве почти все так же, как у них; отличие, пожалуй, лишь в том, что я принимаю у мужей, а не у жен и принимаю роды души, а не плоти. Самое же великое в нашем искусстве — то, что мы можем разными способами допытываться, рож-

дает ли мысль юноши ложный призрак или же истинный и полноценный плод» (Платон. Теэтет. 150). Здесь прослеживается связь между философией и обрядами инициации у примитивных народов. «Сама мудрость, а значит, и все созидательные знания постигаются как плод инициации, т.е. как результат и космологии, и духовного рождения. Сократ не ошибался, сравнивая себя с акушеркой, так как он помогал людям родиться в самосознании» (Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии... С. 265).

В процессе философской рационализации мифа боги из личных существ превращаются в безличные категории. Постепенное выхолащивание мифологических представлений хорошо видно на примере перехода от образа Психеи к понятию души.

Предпосылкой становления философии служит введение отвлеченных сущностей, а окончательно укрепляется она тогда, когда эти сущности начинают рассматриваться как понятия, формирующиеся в мозгу человека и выступающие в качестве предмета мышления. От вечных и неизменных понятий берет начало философия, и именно они — гарант бессмертия человеческого духа.

Когда говорят, что философия — высшее достижение человеческого разума, то под этим можно иметь в виду, что в философии достигает своего расцвета отличающее человека от животных понятийное, отвлеченное, абстрактное мышление. В этом смысле философия в наибольшей степени соответствует понятию *Homo sapiens*. Так можно переинтерпретировать известный афоризм Декарта «я мыслю, следовательно, я существую», существую как представитель человеческого рода.

Философия — искусство рассуждения, способ обучения критическому мышлению. Только возникновением новой традиции критического обсуждения мифов и теорий, основу которой составляет «изобретение кри-

тического мышления», можно «объяснить тот факт, что в ионийской школе три первых поколения философов создали три различных философских учения» (Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992. С. 371).

Начиная с философии, развитие культуры происходит на наших глазах, что облегчает ее анализ. Философия имеет дело с теми же проблемами, что и мифология, но рассматривает их по-своему.

Философское рождение в самосознании предполагает личные усилия, а критическая направленность мышления заставляет подвергать сомнению не только общепринятые архетипы, но и собственные выводы. В обсуждение фундаментальных проблем, стоящих перед человечеством, тем самым вносится новая, личностно-трагическая нота. Впрочем, развитие как природы, так и культуры, предполагает драматические повороты.

Становление философии и роль Сократа

Примерно 2500 лет тому назад мифологическому периоду с его спокойствием и самоочевидностью пришел конец. Сразу в нескольких точках — в Древней Индии, Древнем Китае, Древней Греции — «началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа... и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов бога» (Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 1. М., 1991. С. 31). В результате целостность мифа была разрушена и он стал элементом рефлексирующего сознания. Новое вопрошание, обращенное к миру, привело к иным ответам. Человек открыл внутри себя духовный источник, поднявший его над самим собой и миром. Общим было растущее осознание человеком себя как индивидуальности в пределах целого.

Политическая ситуация в трех регионах была сходной: небольшие свободные государства, взаимодействующие друг с другом. Индийская и китайская культуры подготовили появление философии, но возникла она в культуре греческой. Более того, философия в отличие от мистики, искусства и мифологии не является всеобщей отраслью культуры, т.е. свойственна не всем народам. Мистицизм Востока помешал становлению философии в Индии и Китае, а греческая мифология помогла, создав набор образов, перешедших в понятия. На то были особые причины. Греция — страна наиболее четкой, последовательной и логичной мифологической системы. Мотив жертвы предстал в ней особенно выпукло (вспомним Прометея). По мере роста драматизма мифы очеловечивались; не даром именно в Греции возникла концепция Эвгемера о том, что боги — это мифологизированные культурные герои. Человекоподобное изображение богов подрывало веру в мифы (на что справедливо указывали впоследствии христиане) и способствовало переходу к философии, который совершается, когда мифология достигает апогея.

Древние греки обладали наиболее рациональным складом ума из всех древних народов. Имели значение социальные условия, которые находятся в соответствии с психологией и менталитетом народа, а именно становление демократического образа правления. В демократическом обществе, утверждал Перикл, бесполезным считается тот, «кто вовсе не участвует в государственной деятельности. Мы сами обсуждаем наши действия или стараемся правильно оценить их, не считая речей чем-то вредным для дела; больше вреда, по нашему мнению, происходит от того, если приступать к исполнению необходимого дела без предварительного уяснения его речами» (Фукидид. История. II, 40). Стало быть, каждый афинянин не только имел право, но и обязан был как гражданин высказывать о делах государства,

понимая его как республику («общее достояние»), свое мнение и отстаивать его, рассчитывая на восприимчивость слушателей к рациональным доводам и не опасаясь наказания за суждение. Собственное мнение надо уметь обосновывать. Эта государственная необходимость в демократическую эпоху требовала обращения к философии. Люди, умеющие говорить логично и красиво, выходили победителями в спорах и пользовались престижем и славой.

Так родилась первая из двух философских цивилизаций — греческая. Вторая — римская, много заимствовала от греческой после завоевания Греции, что привело к расширению ареала философии на все пространство великой Римской империи и приобщение к ней других народов. Заметим, что становление новой господствующей отрасли культуры произошло в цивилизации нового типа — морской: недаром подчеркивалась роль образа жизни населения морской торговой державы в становлении философии и общего высокого уровня культуры. Греки много сделали для создания целостной личности и том смысле, что хотели видеть таковыми всех свободных людей.

Необходимость систематизации мифов вела к формированию логики и правил понятийного мышления и тем самым была внутренней культурной причиной, приведшей к возникновению философии. Выход философии из мифа хорошо виден в «Диалогах» Платона, например «Пире», где миф, во-первых, выступает в качестве отправной точки философствования, а во-вторых, в качестве иллюстрации.

Помогла становлению философии известная предусмотрительность, если не хитрость, Сократа, о которой пишет Ксенофонт. «Когда он сам разбирал какой-либо вопрос, то приступал к нему путем общепринятых истин, считая это основанием речи. Оттого-то, когда он говорил, у него более всех, насколько я знаю, ока-

зывалось соглашающихся слушателей. Он говорил, что и Гомер потому придал Одиссею славу надежного оратора, что тот умел вести речи путем общепризнанных истин» (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. VI, 15). Конечно, за такими «общепринятыми истинами» было собственное понимание вещей, как в притчах Христа был иной, более глубокий смысл. Прием Сократа напоминал христианский — в том и другом случае это было необходимо, чтобы слушатели лучше поняли и скорее согласились с говорящим.

Миф широко использовался в период становления философии как удобная, привычная всем согражданам форма, в которую вкладывается новое, рациональное содержание. Например, вспоминается, что для обеспечения возможности совместной жизни боги решили «ввести среди людей «стыд и правду», но что такое это определяется с философской точки зрения. Исследователи отмечают, что довольно длительное время античная философия была своеобразной рационалистически стилизованной мифологией.

Корни философии — в обычных представлениях, прошедших стадию мифологизирования. В одной из основных философских категорий — материи, обозначающей объективную реальность, данную в ощущениях, слышится слово «мать», которое в мифологии поднялось до символа Матери-Земли, Матери-природы, как бесконечного пространства, понимаемого в виде бесформенной протяженности, доходящей до бескачественности в философском понятии материи. А в понятии идеи, как образца для всех вещей, — отголоски представления об отце или, в мифологизированном варианте, об Отце-Небе, как основателе и творце мира. Отыскивая корни философии, можно уйти и глубже — в мистику.

Еще одной составляющей философии были правила ведения спора, которые начали формироваться в Греции под влиянием странствующих учителей мудрос-

ти — софистов, и вызывались практическими потребностями демократической системы управления полисом. Разногласия людей могут быть результатом различного понимания слов. Один говорит: «человек — это звучит гордо». Другой заявляет: «не было более вредного существа на Земле». Первый исходит из того, что в каждом человеке есть искра божия; для второго человек — существо с двумя руками на двух ногах. Они могут согласиться друг с другом только договорившись об определении слова «человек». Однозначно определенное слово есть понятие. Ввел понятия как инструменты поиска истины Сократ. Коль скоро есть понятия и любовь к истине, ее можно найти посредством размышления и спора. Итак, нужно определить слова и спорить о них — таков метод философствования, с помощью которого приходим к общечеловеческой истине. Сам Сократ не говорил, что нашел ее, а что ее надо искать и можно обрести, тем самым стимулируя поиск.

Суть своего метода, приведшего к становлению философии, Сократ передает так: «Я решил, что надо прибегнуть к отвлеченным понятиям и в них рассматривать истину бытия, хотя уподобление, которым я при этом пользуюсь, в чем-то, пожалуй, и ущербно... Как бы то ни было, именно этим путем двинулся я вперед, каждый раз полагая в основу понятие, которое считал самым надежным; и то, что, как мне кажется, согласуется с этим понятием, я принимаю за истинное — идет ли речь о причине или о чем бы то ни было ином, — а что не согласно с ним, то считаю неистинным» (Платон. Федон. 100 а-в). Здесь видна и вера Сократа в наличие истины, без которой невозможно плодотворное философствование и его изначальная скепτικότητα («я знаю, что я ничего не знаю»), которая отошла затем на второй план у Платона и Аристотеля, но всегда присутствовала в качестве критической функции философии и в конце концов стала преобладающей, чтобы ослабить философию и лишить ее лидирующей роли в культуре.

Представление о том, что для всех людей существуют одни и те же ценности, есть главная заслуга Сократа. Ныне это модная тема, но еще 2500 лет тому назад философ задал вопрос: что нужно в формальном смысле, чтобы социальная жизнь была гармоничной, и ответил: чтобы глубинные духовные ценности были одинаковы для всех людей. Существует противоречие в том, что, с одной стороны, данный человек — мера всех вещей, а, с другой, этические нормы универсальны. Сократ преодолевает его своим методом, он отличался от софистов тем, что не просто учил, то есть передавал знания, а пользовался методом приведения людей к истине, благодаря которому каждый приходит к ней сам. Довести до сознания индивида дремлющее в нем знание и призван сократовский метод майевтики как «духовного повивального искусства». Сократ считал, что спорить надо так, чтобы путем последовательных рациональных шагов мысли человек сам приходил к истине, поскольку истину нельзя внушить, а можно только самостоятельно открыть ее для себя.

Основным в учении Сократа было то, что к благу, даваемому общезначимым знанием, каждый приходит, что называется, своим умом. Никакие внешние предписания не могут заставить человека вести себя хорошо (в этом Сократ соглашался с Конфуцием). Человек должен понять, что надо поступать именно так, но ему нужно помочь «родить плод добродетели». Отвечая на обвинения, Сократ говорил, что никогда никого ничему не учил, а только не препятствовал другим задавать ему вопросы и задавал вопросы сам. Это составило суть того метода диалога и приведения к истине, который исповедовал Сократ.

Диалектика Сократа отличалась от китайской, которая была объективной и не знала искусства спора. «Великое дао не [может быть] названо; великий спор не [может быть] решен] словами» (Древнекитайская

философия. Т. 1. С. 258). А для становления философии нужно именно рациональное обсуждение как способ достижения истины. В этом проявился древнегреческий дух и гений Сократа. Метод Сократа хорош тем, что человек не принуждается к истине, а приходит к ней свободно. Философия — это свобода мысли, а не закабаление ее.

Ученик Сократа Платон использовал его метод как форму своих произведений, и даже в его первом произведении, написанном не в форме диалога — «Апологии Сократа» — диалог между Сократом и его обвинителями присутствует.

Для того, чтобы дремлющее в душе человека знание проявилось, надо, чтобы он совершил над собой усилие познать то, что заложено в нем. Сократ обратил человека к самому себе, призвал к самопознанию. Отсюда афоризм, который он часто повторял: «Познай самого себя». Это важнейший принцип, с которого берет начало практическая философия, размышляющая не над тем, как устроен мир, а над тем, что делать человеку и кто он такой.

Благо не то, что индивиду в какое-то мгновение кажется таковым, а то, что при всяких обстоятельствах и каждым на основании его собственного усмотрения признается благом. Если что-то считается хорошим, то это хорошо для всех, а не для кого-то одного. Коль скоро достижение всеобщего знания ведет к общим нормам поведения, всякий зол не по собственной воле, а лишь по неведению, таким образом, знание способно сделать всех людей добрыми.

Добро и зло Сократ отождествлял соответственно со знанием и незнанием. Любовь к мудрости и обретение истинного знания становится основной предпосылкой добродетельного поведения и адекватного взаимодействия людей, а зло уподобляется невежеству. Разум становится высшим критерием жизни и смерти. Истин-

ное знание существует в форме понятий, создаваемых философами. Так «олицетворение философии» Сократ обосновывал господствующие положения философии и ее право на руководство человеческими делами. Все, существовавшее ранее, было в лучшем случае правильным мнением, но не знанием. С философией приходит знание и даруемое им счастье.

Обосновывая свое понимание добродетели и идею блага в качестве высшей, Сократ первый четко провозгласил: жертва возвышенной победы; лучше претерпеть несправедливость, чем причинить ее. Сократ обосновывает свой главный этический тезис космологически, кармически и философски. Космологический аргумент в пользу своего основного нравственного принципа Сократ формулирует следующим образом: «Мудрецы учат, Калликл, что небо и землю, богов и людей объединяют общение, дружба, порядочность, воздержанность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную «порядком» («космосом»), а не «беспорядком», друг мой, и не «бесчинством», ты же, мне кажется, этого в расчет нисколько не принимаешь, несмотря на всю свою мудрость, ты не замечаешь, как много значит и меж богов и меж людей равенство, — я имею в виду геометрическое равенство, — и думаешь, будто надо стремиться к превосходству над остальными» (Платон. Горгий. 508).

Основной нравственный принцип и философское понимание значения знаний Сократ переносил и на государство, считая, что править должны знающие, критикуя правление, основанное на насилии. Подчеркивая недолговечность тирании, Сократ отмечал, что тиран, казнящий неугодных ему здравомыслящих и дельных граждан, непременно будет в скором времени наказан сам.

Речь Сократа завораживала, потрясала и превращивала души его собеседников. Можно критиковать отождествление Сократом знания, добродетели и счас-

твѣ, но при принятии этого тезиса отсутствие счастья позволяет сделать вывод, что мы невежественны и тем самым стимулируют мышление. А этого и хотел Сократ.

Разговор Сократа с его оппонентами в «Горгии» весьма показателен. Здесь философ разговаривает с людьми, которые защищают обычные эгоистические взгляды, и создается впечатление, что логика Сократа действует на его друзей, но не на противников, которые хотя и вынуждены соглашаться под напором доводов, но будут и дальше поступать по-прежнему. Последующее осуждение и казнь Сократа доказали это, как и другое. Великий философ не тот, кто хорошо, глубоко и логично рассуждает, но тот, кто, обладая мировоззрением и являясь образцовым гражданином, на деле следует своим убеждениям. Можно сказать, что в диалоге «Горгий» Сократ теоретически подготовил свое последующее решение умереть. За словом последовало дело — добровольная жертва, доказавшая, что культура сильнее смерти и приведшая к победе философии.

Смерть Сократа

До своего осуждения Сократ дважды был в ситуации, когда его мужественные поступки по велению совести грозили ему смертью. «Я доказал не словами, а делом, что мне смерть, попросту говоря, нипочем, а вот воздерживаться от всего несправедливого и нечестивого — это для меня все» (Платон. Апология Сократа. 32 с-е), — говорил Сократ на суде.

Официальное обвинение Сократа состояло из трех пунктов. Первый — повинен в отрицании богов, признанных городом» (надо сказать, что в присяге которую восемнадцатилетние юноши давали при приеме в афинские граждане, были слова: «я буду чтить отеческие святыни»). Второй пункт — о «введении новых бо-

жественных существ». Обвинители Сократа имели в виду его демоний, внутренний голос. Конечно, здесь натяжка по принципу «все средства хороши», но и подозрительность коллективного сознания по отношению к индивидуальности. Ведь демоний был личным авторитетом Сократа. Из двух пунктов вытекал третий — «совращение молодежи». Как знакомо! Обвинение не кажется таким уж убийственным, но учитывая время, в которое оно сделано, его можно приравнять к сильнейшим идеологическим наветам современного периода.

Несмотря на оправданность обвинений с позиций господствующей отрасли культуры — мифологии, они несправедливы, потому что Сократ ни в чем не провинился перед родным городом. Он был патриотом афинского полиса и хотел, по существу, заменить одну отрасль культуры другой. Он был мучеником за философию, и философия после его казни победила, как позже распятие Христа привело к победе религии над философией.

Сократ умер не только за конкретную идею, но за идею как таковую, и с его идей-понятий начинается философия. Прав Ницше, называя Сократа специфическим не-мистиком. В его утверждении, что Сократ боролся не только с мифологией, но и с трагедией и поэзией вообще, есть резон, если признать, что Сократ создавал новую отрасль культуры. Но борьба с другими отраслями культуры была не столь актуальна, как борьба с господствующей мифологией. Сократ заплатил жизнью за превращение богов в понятия, мифологической истины в философскую. Первое философское жертвоприношение не выходило за рамки общекультурной схемы жертвоприношений; сами рамки раздвинулись и вышли за пределы мифологии. Но есть и важное отличие. На стадии философии культура поднялась до понимания жертвы как самопожертвования. Случилось это в «осевое время» (термин Ясперса), основной

характеристикой которого было становление личности, резкое скачкообразное развитие самосознания под влиянием тенденции рационализации.

Шпенглер пишет, что рождение «я» и мирового страха тождественны между собой. Страх смерти есть плата за осознание жизни. К этому добавляется самопожертвование с образованием триады: личность — страх — личная жертва. Жертвенность есть способ преодоления страха личностью. Поэтому именно с осевого времени встречаем личную жертву. В эту же эпоху выступил против традиционных жертвоприношений Будда. Личностное начало, которое появилось в осевое время, выразилось в следовании Сократом собственному внутреннему голосу и к отказу от личности у Будды. Общим была готовность пожертвовать своей личностью во имя культуры. В философии это имело особый эффект, поскольку посредством добровольной жертвы она заняла господствующее положение в культуре.

Как только отрасль культуры начинает уничтожать своих врагов, ее значение неуклонно падает, так случилось с мифологией. Если бы Сократ не погиб, люди, быть может, долго еще жили бы в мифологическом мире и верили в Зевса и Афродиту.

Сократ не только был готов умереть, но и в какой-то степени стремился к этому. Ницше не далек от истины, полагая, что приговора «к смерти, а не к изгнанию...», по-видимому, добился сам Сократ» (Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Соч. в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 108). Апофеоз философии в словах Сократа, что только для истинного философа смерть означает конец мукам и начало вечной блаженной жизни. Это и есть, по Сократу, достижение доступного смертному человеку бессмертия. За такие обещания философия стала на пять веков в Греции и Риме главной отраслью культуры. Она пообещала то, что ранее обещала мифология, но во что уже перестали верить;

дала «метафизическое утешение, что под вихрем явлений неразрушимо продолжает течь вечная жизнь» (Там же. С. 126).

Философы выбрали путь борьбы со смертью через рациональное разделение души и тела и объявление души бессмертной. Сократа привела к смерти вера в истинность своей философии, которая оказалась сильнее смерти. Этот пример стал архетипом для Греции и Рима вплоть до появления христианства и даже далее в процессе борьбы философии и религии за лидерство в культуре.

Смерть для Сократа не переход к небытию, а встреча и общение с душами великих людей древности и вечная блаженная жизнь на небесах. Нравственным принципом «лучше претерпеть несправедливость» Сократ расчищал дорогу жертве и этике непротивления злу насилием. Будучи приговоренным, он не пытался уклониться от смерти, а шел навстречу ей, как после него Иисус Христос и Джордано Бруно.

Сократ «сумел не только жить, но — что гораздо более — и умереть; оттого-то образ умирающего Сократа, как человека, знанием и доводами освободившегося от страха смерти, есть щит с гербом науки, напоминающий каждому о ее назначении, а именно — делать нам понятным существование и тем его оправдывать» (Ницше Ф. Рождение трагедии... С. 114).

Особо следует сказать о сократовской иронии, которая могла привлекать к нему людей, но в какой-то степени послужила причиной его осуждения, когда в последнем слове он предложил вместо наказания устроить ему бесплатный обед в Пританее, после чего за казнь было подано больше голосов, чем до него. Можно сказать, что Сократ подтолкнул сограждан к такому решению. «Ты умираешь несправедливо», — горестно заметила Сократу его жена Ксантиппа, на что Сократ ответил: «Разве ты хочешь, чтобы я умер справедли-

во?!» «Ирония, — писал Вико, — не могла возникнуть до времен рефлексии» (Вико Д. Основания новой науки... С. 149).

Всегда босой, в старом плаще Сократ шагнул с улиц и площадей Афин в историю культуры. Как случилось, что в небольшом городе, в котором насчитывалось около 20 тыс. граждан, родились Сократ, Платон, а к ним стекались сотни учеников со всей Греции и философия росла наподобие снежного кома? Отправной точкой стала казнь Сократа. Платон стал Платоном, каким мы его знаем, наблюдая за осуждением и смертью Сократа (его первый знаменитый диалог «Апология Сократа»), а дальше начался процесс, который, то затухая, то снова воспламеняясь, — продолжается по сию пору.

Сократ — «одна из поворотных точек и осей так называемой всемирной истории» (Ницше Ф. Рождение трагедии... С. 115). Если бы вся пробужденная Сократом сумма сил была бы обращена не на познание, а на эгоистические цели индивида, то тогда, по Ницше, произошла бы всеобщая губительная борьба народов.

Сократ сформулировал определенное мировоззрение и своей жизнью и смертью подтвердил верность своим взглядам. И если поверим современному философу Г.Марселю, что истина есть то, за что человек может умереть, то Сократ истину нашел. Сам Сократ самокритично сказал в своей речи, что дельфийский оракул, признавший его мудрейшим из всех людей, воспользовался его именем ради примера, все равно, как если бы он сказал: «Из вас, люди, всего мудрее тот, кто, подобно Сократу, знает, что ничего поистине не стоит его мудрость» (Платон. Апология Сократа. 23 в). Но мудрость Сократа стоила торжества философии. «Страстный философский порыв Сократа к полям блаженным на том свете обернулся духовным бессмертием на этом свете» (Нерсесянц В.С. Сократ. М., 1977. С. 31). Тот свет связан с этим, культура — с жизнью.

Чтобы отстоять себя духовно, Сократ пожертвовал собой физически. «Он защищался ради правды с той искренней готовностью к смерти, которая так расковывает и освобождает человека... Согласие на смерть — необходимое и неизбежное условие борьбы за справедливость, если, конечно, эта борьба серьезна и принципиальна» (Там же. С. 132, 136). Услышав фразу: «Афиняне осудили тебя, Сократ, к смерти», — он спокойно ответил: «А их к смерти осудила природа».

Сократ входит в историю как культурный герой. Его слова, взятые в качестве эпитафии, поразительны по глубине предвидения: так смерть движет развитием культуры, несмотря на, а, пожалуй, благодаря внешнему противодействию. Б. Рассел сомневается, что описываемый Платоном и Ксенофонтом Сократ вообще существовал. Что ж, в изображении любого культурного героя присутствует элемент фантастичности, и в этом смысле Сократ также оказался похож на легендарных героев, на статус которых он претендует по своей роли в развитии культуры.

Торжество философии

Можно, пожалуй, точно указать момент, когда философия победила мифологию. Это случилось не во времена, когда ионийские мудрецы пытались найти первооснову мироздания и видели ее в воде, воздухе, огне, земле и в сочетании данных элементов, а во времена, когда возникла и оформилась афинская демократия, и Сократ, презрев размышления о природе, выдвинул программу поиска истины в споре — так сказать демократический вариант любви к мудрости в рабовладельческом государстве. Из смерти Сократа, как Феникс из пепла, родилась философия.

То, что последовало за осуждением Сократа — сплошная его апология не только потому, что с «апологиями Сократа» выступили его ученики Платон, Ксенофонт, а в дальнейшем и другие философы. Это «апология» философии. Вскоре его обвинители были казнены или изгнаны, и во всех античных спорах о Сократе успех сопутствовал его приверженцам, которые превосходили противников талантом, числом и организованностью.

Философия при жизни Сократа вышла за пределы Афин. Антисфен, живя вне города, ежедневно приходил послушать Сократа и после его смерти основал школу киников. Эвклид проделывал еще более дальний путь из Мегар и после смерти Сократа основал мегарскую школу. Ученик Сократа Федон из Элиды основал у себя на родине элидскую школу. Потом приезжали учиться у его учеников: Аристотель приехал из Стагир в платоновскую академию и т.д. Постепенно философия завоевала мир. Подобно древнеиндийскому мифу о сотворении людей из тела Пуруши, можно сказать, что из Сократа вышла вся античная философия: из его разума — академики и перипатетики, из его чувств — киники и киренаики, из его иронии — скептики, из его смерти — стоики.

Наиболее известным учеником Сократа был Платон. Сократ выработал принцип единства понятий, который позволил Платону создать «мир идей». Ему осталось выделить эти понятия в особое место вне чувственного мира. После казни Сократа философия преисполнилась такой дерзости, что Платон не только основал свою школу — Академию и она пользовалась большим успехом, но и, продолжая мысль Сократа о том, что «править должны знающие», сформулировал концепцию, в соответствии с которой философы как наиболее мудрые люди должны управлять государством и пытался реализовать свое представление об идеальном государственном устройстве на практике, для чего ездил в Сицилию к тиранам Диони-

сию Старшему и Дионисию Младшему. В Платоне появляется то величие, уверенность в себе и в важности своих занятий, которых никогда не было у философа ранее.

С торжеством философии начинается новый этап развития человечества, которое Вико характеризует такой последовательностью: леса, хижины, деревни, города, академии. Платон создал Академию, Аристотель — Лицей, и культура до сих пор сохраняет подобные оазисы знаний.

Смерть Сократа, как пишет П.Тиллих, весь античный мир воспринял одновременно и как реальное событие, и как символ. «Она стала примером мужества, которое способно утверждать жизнь, потому что оно способно утверждать смерть» (Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 14). Точнее, утверждать культуру вопреки смерти. «Именно такое мужество помогло многим в различных частях древнего мира найти «утешение в философии» в период катаклизмов и перемен» (Там же). Защищая философию, Сенека пишет о мужестве умереть, провозглашенном ею.

Став, благодаря своему «демиургу» Сократу, самостоятельной и поднявшись выше смерти, философия заняла на пять веков господствующее положение в культуре. И потом, побежденная религией, она сохранила свою привлекательность, периодически возобновляясь во всем своем разумном величии.

Перед ней же встала проблема объяснения жертвенности. Ницше, следуя Дарвину, признал последнюю мешающей развитию человечества. Почему же она воспроизводится? Она антиэволюционна с позиций обыденной жизни, но имеет положительный смысл для развития культуры. Если отказаться от этого вывода, то все мифологические сказания, обряды инициаций, да и вся философия и религия окажутся лишь бегством от абсурда существования, столь ярко выраженного экзистенциалистами.

Сразу же после смерти Сократа в философии возникло два направления, для одного из которых главным была совесть и ответственность, а для другого — удовольствия и материальное благосостояние. Они прослеживаются от соперничества Антисфена и Аристиппа, киников и киренаиков, и доходят до наших дней. Постепенно второе направление получало все больший перевес и осуществлялась подмена, которая лишила в конце концов философию лидирующей роли в культуре и обществе.

Что есть истина?

спросил римский прокуратор Понтий Пилат, демонстрируя знание философии и скептическую усталость. Ответ Христа «Я есть истина» символизировал победу религии над философией. Поражение философии предопределено пониманием истины Пилатом и Христом. Христос ответил Пилату своей добровольной жертвой, еще раз подтвердив правоту слов экзистенциалиста-неосократика Г.Марселя, умудренного опытом двухтысячелетней христианской цивилизации.

В ответ на философский вопрос «Что есть истина?» побеждает очевидность жертвы. Отсутствие очевидности мешает, как потом это же помешало религии в ее споре с наукой и науке в ее споре с идеологией. Отрасль культуры становится все более сложной и уходит от очевидности, после чего люди уходят от нее.

Философия вышла из мифологии и дошла до религии (скептицизм подвел к вере). О том, что смена лидирующей отрасли культуры назревала, свидетельствуют и неудачные попытки создать религию из философии с обожествлением Пифагора и Плотина. О.Конт проследил смену трех стадий человеческого мышления — теологической, метафизической и позитивной, —

поставил религиозное знание перед философским, что исторически не совсем точно. Сначала появилась метафизика, потом теология. Философия как бы забежала вперед, оказалась тяжела для человечества своей рациональностью и отошла на второй план, уступив место религии и став ее служанкой, а позже служанкой науки и идеологии. Она еще раз вспыхнула в Европе в Новое время в период борьбы за власть между религией и наукой, особенно в наиболее рациональном ее регионе — в Германии, оказав сначала помощь науке в обосновании ее претензий на истину (континентальный рационализм и английский эмпиризм, соединившиеся в Канте), а затем в попытке дать общекультурный синтез в лице Гегеля. Таков ее незаконченный путь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РЕЛИГИЯ: СОЗДАНИЕ МИРОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

Истинно говорю вам: если пшеничное зерно, упав в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода.

Евангелие от Иоанна

Мир завоевала не христианская проповедь, но христианский мученик, и тем, что у него достало на это сил, он обязан не учению, но стоявшему у него перед глазами образу — человеку на кресте.

О. Шпенглер

Что такое религия?

Слово религия происходит от лат. religio — благочестие, святость, связь. «Религия — это тот образ, каким человек чувствует себя духовно связанным с невидимым миром или с не-миром» (Карлейль Н. Теперь и прежде. М., 1994. С. 7). По мнению Д.Вико, религии связывают человека моральными предписаниями и страхом перед Богом.

Религия основывается на вере и соответствующих действиях (культы). Если невозможно достичь истины с помощью рациональных умозаключений, к чему стремилась философия, значит, в этой истине надо себя уверить. Так на смену и в дополнение к разуму в каче-

стве *высшей духовной силы* приходит вера. Провозглашается, что имеющий веру хотя бы с горчичное зерно может сдвигать горы. Это радикальный *переворот в культуре*. «Вера — распятие разума», — говорили Кьеркегор и Унамуно. Действительно, чтобы прийти к вере, приходится отказаться от многих достижений разума, сменить точку отсчета, перейти к иному миропониманию.

Тертуллиан (ок. 160–220 гг.), прославившийся фразой «верую, потому что нелепо», противопоставил религиозную веру античной философии: «Мы не нуждаемся в любознательности после Христа, не имеем нужды в исследовании после Евангелия», «Что общего у Афин и Иерусалима, у Академии и Церкви?» Итак, главное — вера, а начало мудрости — страх Господень. У религии существует коллизия между верой и разумом, и человек поставлен перед необходимостью выбора, как Авраам, которому было предложено принести в жертву собственного сына.

Притча об изгнании из рая — еще одно столкновение между разумом и верой. Первые люди предпочли плод познания с древа добра и зла запрету Бога и, стало быть, вере в его справедливость и всесилие, и за это были наказаны.

В то же время вера объявлялась вполне разумным состоянием человека. Б.Паскаль разделял людей на *три категории*. «Одни обрели Бога и служат Ему; люди эти разумны и счастливы. Другие не нашли и не ищут; эти безумны и несчастливы. Третьи не обрели, но ищут Его; это люди разумны, но еще несчастны». Между философией и религией есть немало сходства, которое иногда не замечают, видя лишь борьбу. Уже Платон обожествил понятия, которые для того, чтобы стать религиозными, должны были только сбросить свою рациональную одежду. Без платоновского мира идей и высшей идеи Блага не возникло бы представление об *идеальном всеблагом Боге*. Если бы не философия, мифологичес-

кие сюжеты не скоро бы превратились в религиозные представления о Святом семействе, значительно отличающиеся именно своей идеальностью от языческого пантеона, в котором слишком много приземленно-человеческого.

Хотя Христос проповедовал вдали от философских центров, само христианство было эллинизировано апостолом Павлом, и без этого церковь могла бы и не утвердиться. Религия возникает на основе философии в ее развитой (как в Греции) и неразвитой (как в Индии и Китае) форме. Вот почему самые продвинутые религии — *христианство*, а позже *ислам* — оформляются в своем завершенном виде именно на эллинистической почве. Причем данные религии благодаря своей доступности приобретают гораздо большее распространение, чем философия, которая уступает свою лидирующую роль.

Чтобы появилась религия, должно было появиться слово, т.е. логос, разум. После того, как человек должен был сначала стать достаточно рациональным, «слово стало плотью» (Иоанн. 1, 4), т.е. логос воплотился в жизнь. С религией появляется дух в полном смысле слова (до этого преобладает чувство в искусстве, чувство-разум в мифологии, разум в философии), и возникает *духовенство*, как особый социальный слой. Недаром духовность часто отождествляют с религиозностью.

Христианский Бог отличается тем, что представляет собой, по Д.Вико, *чистый ум*, в то время как в языческих богах тело и ум нераздельны. Перейти к религии помогла философская абстракция, более того, в религии человек начал испытывать чувства по отношению к тому, что в философии было абстракцией.

Сыном человеческим называют человека и Бога, создавшего человека по своему образу и подобию. «Слово было у Бога и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна). Человек — это разум, одетый плотью; не человек,

поднявшийся к разумности, а разум, спустившийся к человеку. Вера в религии поднялась над разумом, но не уничтожила его. В свою очередь разум зрел в религии, чтобы через полторы тысячи лет сформировать новую отрасль культуры — науку.

Таким образом, религия, зародившись в другой, менее рациональной культуре из мифологических представлений, стала альтернативой философии. Ее мифологичность очевидна из сопоставления мифологических сюжетов с религиозными (См. гл. 4), хотя и здесь имеются принципиальные различия. Религия, по А.Кассиреру, дает начало чувству индивидуальности, тогда как в мифологии преобладает коллективное сознание. Понятие «религия» применимо и к церкви, как совершенно и полно организованной системе чувств, идей и учреждений, и к личной вере. Как правильно отмечает В.Джемс, «фетишизм и колдовство исторически, по-видимому, предшествовали личной вере, — последняя вообще не уходит так далеко в глубь времен. И если фетишизм и колдовство рассматривать как стадии развития религии, то придется, конечно, признать, что личная вера в интимном смысле и чисто рассылочная церковная догматика, которая основана на ней, представляют образования вторичного и даже третичного порядка» (Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. С. 40). Многие исследователи первобытных народов, например Дж.Фрэзер, настойчиво противопоставляли колдовство религии.

Религия начинается с того момента, когда индивидуум пытается *этически* соотносить себя с Богом. Где чувство индивидуальности, там и сознание ограничения. Возникает понимание отличия человека от Бога, которое пытаются преодолеть в неистовых молениях и экстазе. С другой стороны, появление чувства индивидуальности является стадией рационализации мышления. Следовательно, религия возникает после «осевого периода» (по Ясперсу). Миф был доинтеллектуальным, религия — надинтеллектуальной.

«Христианство как мистический факт есть ступень в поступательном развитии человечества; мистерии же древности и их воздействия суть подготовка к этому мистическому факту» (Штайнер Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности. С. 132). Р.Штайнер подчеркивает личностный характер религии. Христос взял «на себя задачу Своей личностью стать для общины тем, чем был прежде культ мистерии для его участников. Отныне то, что было достижимо прежде только мистическими методами, заменилось отчасти у членов христианской общины убеждением, что божественное было дано в обитавшем с ними Слове. Отныне уже не личная духовная подготовка каждого являлась единственным мериллом, но то, что видели и слышали окружавшие Иисуса, а также и переданные ими традиции (Там же. С. 86). Христианство вынесло содержание мистерии из сумрака храма на дневной свет, для всенародного обозрения и приобщения. В религии, в отличие от мистики, искупление становится уделом не отдельных посвященных, а всего народа, который спасает Мессия. Христос был первым, кто предпринял невероятную попытку спасти всех — «и иудеев, и эллинов». Он создал для этого условия, но все не захотели спастись — «Много званых, мало избранных».

Важным фактором становления религии является, как ни странно, отрицание богов либо вообще, как в буддизме, либо переход от политеизма к монотеизму, т.е. почитанию одного Бога вместо многих.

Религия выполняет важную *нравственную миссию*. Она учит почитать родителей, любить и прощать, каяться в своих грехах, не зазнаваться и т.п. Но религия может и расходиться с обыденными нравственными правилами и ожиданиями, поскольку имеет примат над человеческим пониманием добра и зла. В религии Бог становится *моральным примером* для человека, высшей идеей, облекшейся в плоть и кровь.

Религия в лице церкви как института играет и социально-консолидирующую роль. Т.Гоббс называл религию необходимым и подходящим *политическим инструментом*. Имея в виду в целом влияние религии на индивидуальную и общественную жизнь, Вольтер со свойственной ему афористичностью провозгласил: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать», а анархист Бакунин со своих позиций преобразовал данное высказывание следующим образом: «Если бы Бог был, его следовало бы упразднить».

З.Фрейд с точки зрения психоанализа полагал, что «религиозные представления произошли из той же самой потребности, что и все основные завоевания культуры, из необходимости защитить себя от подавляющей сверхмощи природы... Это иллюзии, реализации самых древних, самых сильных, самых настойчивых желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний» (Сумерки богов. М., 1989. С. 110, 118), главное из которых — жизнь после смерти, продолжающая земную, но отличающаяся от нее исполнением всех недостижимых на Земле чаяний. Объясняя монотеизм, З.Фрейд отмечал: «Народ, которому впервые удалось такое соединение всех божественных свойств в одном лице... вышелушил отцовское ядро, которое с самого начала скрывалось за всяким образом бога; по существу это был возврат к историческим началам идеи бога... Теперь, когда бог стал единственным, отношение к нему снова смогло обрести интимность и напряженность детского отношения к отцу» (Там же. С. 108). Иными словами, Бог есть *возвысившийся отец*; тоска по отцу — корень религиозной потребности. Психологическое объяснение возникновения религии столь детским образом вряд ли может удовлетворить всех, но подкупает своей простотой.

Истоки христианства

Древняя иудейская религия сформировалась в контакте с религиозными представлениями других народов, в чем-то повторяя, а в чем-то отличаясь от них. Э.Ренан пишет, что в Израиле «жрец всегда был подчинен индивидуальному вдохновению... здесь уже слышатся до той поры неведомые мотивы, восхваляющие мученичество и прославляющие могущество «человека скорби» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. М., 1990. С. 57). Некоторые из пророков, подобно Иеремии, обагрят своей кровью улицы Иерусалима. Другие народы внесли представление о рае в прошлом (шумеры) и о золотом веке в будущем после окончательной битвы сил добра и зла (зороастризм).

В отличие от мифологии, которая все время возвращает нас к началу бытия, ветхозаветные пророки больше говорят об Апокалипсисе — *конце света*. В этом есть нечто близкое к индийскому стремлению преодолеть цепь рождений и смертей.

Главное мифологическое действо — жертвоприношение — переходит в религию, но меняется его смысл. Оно уже не связывается с необходимостью поддержания мирового порядка, а скорее выражает *любовь к Богу*, благодарность за дарованную им жизнь и желание загладить вину или совершенный грех. С иудейского пророка Исаяи внешнее формальное понимание жертвоприношений вызывает критику.

Этот момент очень важен для выявления соотношения иудаизма с христианством. Э.Ренан считает, что «христианство получило начало в VIII в. до Рождества Христова, когда первенствующие пророки, овладев израильским народом, сделали его народом Божиим, призванным ввести в мир чистое богочитание... Переворот совершился в тот день, когда вдохновленный человек, не принадлежавший к духовенству, осмелился

сказать: «Как можете вы думать, что Богу угодны курения ваших жертв и тук ваших козлов. Оставьте эти жертвоприношения, которые суть мерзость перед Господом; делайте добро» (*Ренан Э.* Марк Аврелий и конец античного мира. М., 1991. С. 7).

У пророков радикально меняется отношение и к посту. «Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень его, и от единокровного твоего не укрывайся» (Исайя. 58, 6–7). Рядом призыв перековать мечи на орала и пророчество всеобщего мира.

Исайя будто видел сквозь толщу веков, что произойдет с очеловечившимся Богом. «Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, *что* Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего *было* на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригушим Его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь» (Исайя. 53, 4–8).

Из яростных слов пророков в муках рождалось христианство. В течение веков они старались поддерживать в людях *огонь любви к Богу*. Пророки создавали настроение последних дней и прихода Господа, т.е. атмосферу, которая приближала христианство. Они меняли время обыденное на время сакральное.

Что же понадобилось христианству для того, чтобы стать мировой религией? *Проповедь жертвы* и сама *добровольная жертва Христа*, который шел по тому же пути

культуры, по которому шли Сократ и Будда. Э.Ренан замечает, что «величайшие люди нации зачастую именно те, которых она предает смертной казни» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 78*).

Жизнь Христа

Приход Христа — это радикальный сдвиг в культуре. Наказующий Бог Ветхого Завета сошел на землю и превратился в Бога, жертвующего собой. Бог, которому все приносили жертвы и который готов был отказаться от них, лишь бы люди не грешили, отдал себя на заклание. Поверить в такую трансформацию Бога не легче, чем в его трехипостасность. Выполняя программу пророков, Христос переосмыслил ветхозаветные заповеди, понятия жертвоприношения, поста, Субботы и т.п. Это отчетливо прозвучало в его Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злumu. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую... Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... (Матф. 5, 38—39; 43—44).

Нагорная проповедь — символ веры в торжество жертвенности и ее религиозное обоснование. Значение слов Христа в полной мере можно оценить, только осознав роль жертвы в развитии культуры. Иначе неизбежны интерпретации, изменяющие смысл той или иной фразы на противоположный: Христос-де выражался образно и только глупцы все сказанное им понимают буквально. В действительности Нагорная проповедь и другие притчи Христа обосновывают его *будущую жертву* и свидетельствуют о том, что она не случайна. В притче

о зерне говорится, что оно должно погибнуть, чтобы появились тысячи зерен. О том же и притча о жертве в основании здания.

Нагорная проповедь аналогична платоновскому диалогу «Горгий». Это Слово, за которым последовало Дело. А противопоставление религии философии путем прославления «нищих духом» — обычный выпад в борьбе двух отраслей культуры за господство.

Много споров по сей день вызывают слова Христа: «Не мир пришел Я принести, но меч». Как их понимать? Каждая отрасль культуры утверждает в борьбе с другой, главенствующей в данный момент. Схватка неизбежна. Но меч, применяемый в культурной борьбе — духовный, а не реальный меч, который извлек один из бывших с Иисусом в момент ареста и остановленный словами Христа: «возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут...» (Матф. 26, 52).

Отношение к жертвоприношениям, проповедь братства и милосердия ко всем сближают Христа с Буддой. «Не было человека, быть может, за исключением Сакья-Муни, — замечает Э.Ренан, — который до такой степени попирал ногами семью, все радости бытия, все мирские заботы» (Жизнь Иисуса. С. 293). Чудеса Христа напоминают рассказы о возможностях йогов. В кажущихся жестокими словах «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» (Матф. 10, 37) слышатся отголоски ответа Сократа на предложение бежать, чтобы не оставлять жену и детей. Христос предвидит свое будущее и готов к нему. Об этой же реальной борьбе говорят слова: «Кто не со Мною, тот против Меня» (Матф. 12, 30), которые так полюбились идеологам, помешанным на вражде.

Объясняя ученикам, почему он «говорил народу притчами и без притчи не говорил им» (Матф. 13, 34), Христос практически дословно повторяет слова Сократа: «потому говорю им притчами, что они видя

не видят, и слыша не слышат, и не понимают» (Матф. 13, 13). Вопреки философскому скепсису относительно достижения истины, одним из самых распространенных оборотов Христа становится «Истинно говорю вам».

Самое сильное обещание Христа — обещание Царства Божия на Земле в ближайшее время «Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Матф. 16, 28). Ветхий мир действительно закончился и начался мир христианский. Царство Божие, о скором наступлении которого возвестил Христос, не ограничивается социальными изменениями, оно представляет собой преобразование всей природы. Переворот, к которому стремился Христос, был не политическим, а *нравственным*.

Следует согласиться с Э.Ренаном, что Иисус Христос «создал и самый объект, и исходную точку будущей веры человечества». Постоянные напоминания, что Царствие Небесное приближается, должны были закончиться какой-то катастрофой и очистительной разрядкой. Должна была произойти *жертва*. «Идея, что всемогущество достигается страданиями и смирением, что над силой можно восторжествовать чистотой сердца, такова собственная идея Иисуса» (*Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 120*). Отсюда связанная с жертвенностью идея Иисуса, что победят кроткие, смиренные, униженные именно своей кротостью, смирением и унижением. Эпитет «Сын Человеческий» связан с идеей сыновнего страдания за человечество. Э.Ренан также добавляет: «Что за беда, раз его мечта дала ему силу встретить смерть и подержала его в борьбе, которая в противном случае была бы для него слишком неравной?» (Там же. С. 201).

Смерть Христа

В Ветхом Завете Бог требует от Авраама принести в жертву сына. В Новом Завете Бог сам приносит в жертву Сына. Мотив умирающего и воскрешающего Бога, широко распространенный в мифологии, накладывается на иудейскую культурную традицию. Исправить людей могла только жертва, и Бог принес ее, причем это — *вершина жертвенности*. С другой стороны, человек, стремящийся к самопожертвованию, — Бог. И если ныне христианство — самая распространенная в мире религия и величайшее культурное достояние, то причина этого в жертве Богочеловека. «Пальма же первенства принадлежит тому, кто был силен и на словах и на деле, кто не только прочувствовал добро, но своей кровью дал ему восторжествовать» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 102). Э.Ренан отмечает, что «видя в своей смерти средство основать свое Царство, он *сознательно и обдуманно* вел к тому, чтобы заставить убить себя... Собственная кровь представлялась ему водой второго крещения, которою ему предстояло омыться, и казалось, будто им овладела странная поспешность идти навстречу этому крещению, которое одно только утолить его жажду» (Там же. С. 219).

Мы видим внутреннюю борьбу Христа в Гефсиманском саду, когда он «пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но, как Ты» (Матф. 26, 39). Остановив извлекшего меч, чтобы защитить его, Христос сказал: или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? как же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Матф. 26, 53. 54). Отговаривавшему его от добровольной жертвы Петру Христос говорит: «ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое» (Матф. 16, 23). Горь-

кий смысл убийц: «других спасал, а Себя Самого не может спасти!» (Матф. 27, 42), только подтверждает идею Христа: спасать не себя, а других.

Человек объявляет себя Богом и истиной. Напрашивается вывод: если уничтожить его, значит, можно уничтожить истину. Понтий Пилат удивляется просьбе первосвященника поставить охрану перед гробницей Иисуса, но тот отвечает, что мертвый Христос опаснее, чем живой.

Жертва Христа *заменяла* жертвы, установленные древним законом. Сравнение Христа с агнцем очень показательно: древние жертвоприношения составляли суть мифологии, философия же, отбросив мифологическую оболочку мысли, привела к человеческой жертве. Все ветхозаветные жертвы отныне закончились. Грехи человечества искуплены жертвой Бога.

В этом свете по-новому предстает судьба Иова. Его страдания по воле Бога — прообраз страданий Христа. Смысл Книги Иова в том, что Бог хочет, чтобы человек понял ценность страдания для своего совершенствования, не только узнал об этом, но и почувствовал бы на собственном опыте. «Свет страстей Христовых открыл нам, — подчеркивает А. Тойнби, — что страдание необходимо постольку, поскольку оно есть необходимое средство спасения и созидания в условиях временной и краткой жизни на Земле» (*Тойнби А.* Постигание истории. С. 226). Разница, правда, в том, что Христос приносит жертву осознанно, Иов же лишен права какого-то ни было выбора. *Добровольность жертвы* увенчала собой здание религии и стала, используя выражение Христа, закваской, вызвавшей брожение теста. В неожиданном с точки зрения здравого смысла событии — Бог, презрев свое могущество, добровольно гибнет в муках на кресте — открывается роль добровольной жертвы в развитии культуры и человечества.

Воскресение Христа

До сих пор не затухают споры относительно воскресения Христа. Этот вопрос можно поставить и так: хватило бы только жертвы Христа для победы религии над философией и всей Римской империей или необходимо было его воскресение? Некоторые видят в воскресении главное событие христианства. Почему? Оно не более трудно для Бога, для которого все возможно. В обывательском плане жажда чуда воскресения более фантастична, но в культурном плане именно жертва связала неразрывными нитями Бога и человека.

Воскресение Христа аналогично прекращению цепи рождений и смертей, о котором говорил перед казнью Сократ. Здесь мы имеем дело с возрождением на философском уровне мифологической идеи жертвы как *способа обновления мира*. Если вспомнить Будду, то жертва предстает в мистическом свете как возвращение к Единому. Праздник воскресения — Пасха — означает освобождение. Переход к вечной жизни в раю — аналог буддийского освобождения от перевоплощений. Цель, по существу, одна, различия определяются культурными особенностями нации — верой древних индийцев в перевоплощение. Относительно Единого следует подчеркнуть, что более древняя религия более мистична. Если понимать воскресение как рождение духа в человеке, то придем к концепции второго рождения, известного из индийской культуры.

Р.Штайнер интерпретирует жизнь Христа как достижение следующего духовного этапа после Будды. «Он не умирает физически в то мгновение, когда его просветляет свет мира. В это мгновение Он — Будда. Но в это же самое мгновение он восходит на ступень, находящую свое выражение в более высокой степени посвящения. Он страдает и умирает. Земное исчезает. Но

не исчезает духовное, свет мира. Следует его Воскресение» (*Штайнер Р.* Христианство как мистический факт и мистерии древности. С. 85).

Догмат воскресения существовал в Израиле задолго до Христа. Этому догмату следовали фарисеи, в отличие от саддукеев, верных более древнему иудейскому учению. Воскрешение из мертвых — идея совершенно отличная от бессмертия души, подчеркивает Э.Ренан.

Важнейший аргумент в споре о воскресении — жизнь учеников Иисуса. «Наиболее потрясающим доказательством истинности Евангелия является жизнь ранних христиан. Но следует спросить себя: что, какая сила заставила последователей Иисуса идти и проповедовать весть о воскресшем Господе по всему миру? Приносили ли их усилия какие-либо видимые блага: авторитет, богатство, более высокое общественное положение? Если да — тогда мы можем попытаться объяснить их поведение, их полное, самозабвенное подчинение себя идее «воскресшего Христа» — материальными причинами. Но в награду за свои усилия многие ранние христиане подвергались избиениям, их пытали и казнили самыми мучительными способами: побивали камнями, бросали на съедение львам, распинали. А они продолжали жертвовать своими жизнями, тем самым вручая грядущим поколениям окончательное доказательство их полной уверенности в истинности своей проповеди» (Макдауэлл Д. Свидетельство о Воскресении. М., 1993. С. 21).

Воскресение Христа признается решающим фактом в пользу веры в Бога и самой религии. В более общем плане воскресение есть достижение цели в результате *осуществления жертвы*, модель торжества жертвы, которая известна не только в христианстве, но и в мифологии (например, птица Феникс, восстающая из пепла), а также в обычной жизни. Весть о воскресении залог конечного *торжества культуры*, побеждающей благодаря жертве.

Мучения христиан

Христианское мученичество, которое было ответом добровольной жертвы Христа, вступило в бой с античной философией и Римской империей. «Вера, энтузиазм, стойкость первого христианского поколения объясняются только предположением, что все движение было обязано своим происхождением личности колоссальных размеров» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 287). Радость, с которой христиане принимали мучения и даже сами стремились к ним, объясняется просто: они хотели повторить главное деяние Христа, заключавшееся в его жертве. В свете сказанного настроенность христиан на мучения, а впоследствии на аскетизм и самоистязание есть лишь продолжение той модели поведения, которую продемонстрировал Иисус, чтобы приблизиться к временам, дарующим жизнь вечную.

Сам Христос сказал, что признаком его пришествия и конца века будет наступление времен, когда «будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (Матф. 24, 9). Здесь вступал в действие принцип «чем хуже, тем лучше», чем больше будут мучить и убивать христиан, тем скорее наступит царство Божие на Земле. Э.Ренан отмечал, что всем культам, которые были терпимы к другим, жилось очень свободно в империи; причина же исключительного положения христианства и, ранее его, иудаизма заключалась в их *нетерпимости*.

Христиане действовали по завету: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Матф. 10, 28). История знает случаи массового стремления к мученичеству. «Когда проконсул Азии, Арий Антонин, приказал однажды принять суровые меры против нескольких христиан, то в его судилище явилась вся масса христиан города с требованием подвергнуть их участи единоверцев, обреченных на мученичество. Взбешен-

ный Арий Антонин приказал казнить немногих, а остальных прогнал со словами: «Убирайтесь вон, несчастные! Если вам так хочется умереть, у вас есть пропасти, есть веревки» (Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. С. 40—41).

Ранние христиане выполняли то, что, как признавалась Жанна д'Арк, повторяли ей божественные голоса: «Терпи и покоряйся, не страшась мученической кончины, ибо через нее войдешь в царствие небесное» (Твен М. Личные воспоминания о Жанне д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря. СПб., 1993. С. 346). Святой не тот, кто хорошо говорит или пишет, а тот, кто поступает в соответствии с тем, что говорит и пишет, и ради утверждения идеалов не убивает других, а жертвует собственной жизнью. Так и поступали христианские мученики, доказывая своей кровью жизненность церкви.

В культурной борьбе между рабами и их хозяевами «победили рабы и боги рабов» (*Тойнби А.* Постигание истории. С. 168). И здесь победил *слабейший*, но уже во внутренней, а не внешней борьбе. Причина гибели римской цивилизации не столько в силе завоевателей, сколько в ее внутреннем ослаблении, в том числе ослаблении ее мифологических и философских культурных основ в борьбе против нового феномена — христианской религии.

Философия в то время господствовала не только в культуре, она, образно выражаясь, восседала на троне (См. гл. 5). Как мы уже отмечали, осуществившийся в римской цивилизации единственный в своем роде случай философа-правителя закончился *поражением философии*. «Фактически царь-философ обречен на поражение, потому что он пытается объединить в себе две противоположные природы» (Там же. С. 469). Это относится не только к философу, но к любому деятелю культуры. Марк Аврелий доказал невозможность что-либо сделать для культуры на троне. Меч не подходит для торжества

философских идей — его применение дискредитирует философию. Это относится и к религии, как позже докажут римские папы.

При Марке Аврелии «философы стали властью в государстве, известным конституционным учреждением, тайным советом, имевшим огромное влияние на ход общественных дел» (Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. С. 29). Марк Аврелий был не менее добродетелен, чем отцы христианской церкви, и если отличался от них каким-либо недостатком, то разве только тем, что не был мучеником. Казалось, все было в руках философии при Марке Аврелии, но она не смогла претворить в жизнь идеалы, за которые отдал жизнь Сократ, чуть не был продан в рабство Платон и по счастливой случайности не осужден Аристотель. Марк Аврелий не делал уже никаких попыток преобразовать государство в соответствии с философскими идеалами и даже скрывал свои занятия философией. В этих условиях гонимая им религия не могла не победить.

Марк Аврелий ссылаясь на низкие моральные качества людей, и был прав. Но не он ли огнем и мечом преследовал безоружных христиан, наделенных лишь силой духа? Почему прекраснейший философ, доброта и порядочность которого так воспевались современниками и потомками, преследовал христиан, которые вели себя вполне стоически? Можно предположить, что, принадлежа к другой отрасли культуры, Марк Аврелий не понимал мотивов действий христиан, называя их фанатиками, и оправдывал только такое жертвование, которое является плодом собственного суждения, а не простого противодействия, как у христиан. Добрый и милосердный государь смотрел, но не видел. Кстати, фанатиками считал христиан и другой знаменитый стоик — Эпиктет, и, стало быть, дело здесь не в личностях, а в том, к какой отрасли культуры они принадлежат.

Марк Аврелий на вершине власти горько заявил: ничего нельзя сделать. Да, на вершине власти сделать ничего нельзя. Но был способ, который открыл Сократ и которому последовал Иисус. Именно с его последователями боролся Марк Аврелий, думая, что ничего сделать нельзя. Таким образом, уже при Марке Аврелии философия убеждается в своей полной несостоятельности, и христианство побеждает явно.

Э.Ренан называет смерть Марка Аврелия «предельной гранью античной цивилизации» (*Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира. С. 5*). Наступало другое, нефилософское время. Попытки Марка Аврелия доказывают: если культуре суждено изменить свою форму, даже правитель не может этому помешать.

Торжество христианства

«Иисус создал в человечестве религию, как Сократ создал в нем философию» (Ренан Э. Жизнь Иисуса. С. 286). Религия победила философскую цивилизацию Рима и похоронила ее. Древний мир закончился.

Христианство боролось против рационального знания — человек должен просто иметь страх Божий и выполнять волю бога, не полагаясь на свой слабый разум. Такое отношение к рациональному определяется *«маятником культуры»*: люди устали от интеллекта, всегда находящегося в противоречии с чувствами, и устремились к вере.

Подобно Будде, критиковавшему кастовый строй Древней Индии, христианство провозгласило, что *«нет ни иудея ни эллина»*, и этим привлекло к себе весь мир. Именно религиозное учение впервые в истории человечества смогло выйти на мировой уровень. Степень объединения человечества, т.е. социальная предпосылка, была сформирована. Религия не столь рациональна,

как философия, и поэтому могла проникнуть к народам, которые в целом не поднялись до рационального уровня, позволяющего воспринять философию.

В 325 г. император Константин объявляет *христианство государственной* религией. В том же году для решения теологических вопросов созывается Первый Вселенский собор. В 395 г. по указу Феодосия Великого на территории Римской империи закрываются все языческие храмы. *Библия* объявляется Священным Писанием, в котором все — истина, не нуждающаяся в доказательствах. Появляются *священники* и *монахи*, принимающие обет безбрачия.

Вершина культового обряда христианства соответствует вершине культурного торжества. Это — *литургия*, бескровное повторение распятия Христа. Главная цель основного церковного действия — *бескровная жертва*, совершаемая в алтаре, соответствующем ветхозаветной «святая святых». Это таинство устанавливает связь между мистической и моральной сторонами христианства. Жертва, воспроизводящаяся в литургии, аналог мифологических жертвоприношений, благодаря которым, по повериям язычников, возможно сохранение и развитие мира. Евхаристия представляет собой средство духовного движения мира в сторону осуществления христианских идеалов и вечной жизни. Христианская литургия — жертвоприношение без насилия, повторение жизни, смерти и воскрешения Господа. Здесь религия возвращается к мифологии на ином, более высоком уровне (ислам, сохранивший жертвоприношения животных и возникший на содержательной основе Ветхого Завета, ближе к мифологии).

В основе литургии лежат слова Христа, сказанные на Тайной Вечере: «...примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета»

та, за многих изливаемая во оставление грехов» (Матф. 26, 26–28). Жертвоприношение осталось, но Христос перевел его в духовную плоскость.

Празднование Пасхи есть ежегодное возвращение к той жертве и вечной жизни, которую она даровала. Христианские культы, подобно мифологическим, направлены на постоянное *обновление веры в вечную жизнь*. Мифология возвращает человека к рождению, религия обещает вечность. Можно сказать, что смысл христианской церкви в том, что она является школой жертвенности. Составители «Всемирного писания» определяют религиозную практику как способ жертвоприношения. «Любое дело, — обобщают они, — подобает совершать как жертву» (Всемирное писание. М., 1995. С. 454). Сколько же было построено на этой жертве! На ней разместилось не только христианство, но и альтернативный ей ислам.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ НАУКА: СОЗДАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ

Так дорог мне костер, что жжет меня;
Так хороши силков мои плетенья,
Что эта мысль сильней, чем все стремленья!
Для сердца нет прелестнее огня,
Изящных уз желанье рвать не смеет.
Так прочь же тень! И пусть мой пепел тлеет!

Д.Бруно

Что такое наука?

Наука в ее современном понимании возникла в эпоху Возрождения, хотя ее зачатки можно обнаружить в предшествующих цивилизациях, особенно древнегреческой. Подлинная наука началась с Коперника, когда от обыденной очевидности и здравого смысла она перешла к идеальному эксперименту и математическому расчету и затем продолжала исследовать мир, спускаясь на более глубокие уровни реальности. Как сказал древний философ, «колодец — символ науки, ибо природа ее не на поверхности, а в глубине и не лежит у всех на виду, а любит прятаться где-то в незримом месте» (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 192).

Наука включает обыденное знание, магическую веру в существование неизменных объективных законов бытия, веру в целесообразность созданного Богом мира, философский рационализм. Она начинается с изучения

простых систем и постепенно распространяется на более сложные. В предметной экспансии видится дальнейший прогресс науки. Продемонстрировать, как наука появляется из мистики и мифологии, можно на примере превращения алхимии в химию, астрологии в астрономию. Миф обращает внимание на наиболее важные события в начале истории, а наука — на законы, лежащие в основании функционирования мира. Показать, как наука появляется из обыденного опыта, можно на примере превращения закона движения Аристотеля в классическую механику Ньютона. Задача науки — не только сформулировать понятия, но и связать их с эмпирической реальностью и сопоставить их с нею, что не обязательно для религии и философии.

Философы спорили о том, какое познание более важно: чувственное или рациональное. Наука соединила то и другое. Конечно, чтобы это стало возможным, потребовалось в философии отдельно и тщательно рассмотреть и сопоставить оба вида познания. Показать, как наука появляется из философии, можно на примере использования понятия атома Демокрита в физике Нового времени. Наука использует другую, чем философия, рациональность, опирающуюся на эмпирический опыт. Наука есть результат синтеза философской рациональности и эмпирического знания. Показать, как наука появляется из религии, можно на примере отношения к открываемым наукой законам как к божественному установлению. В научном познании нужны образы, как в искусстве, но наука не останавливается на них, а стремится к формулированию теории.

В целом можно определить науку как отрасль культуры, имеющую дело с теоретическим познанием мира, допускающим эмпирическую проверку или математическое доказательство.

Становление науки

Христос искупил грехи живших до него людей. Можно ли это распространить на живших после? Церкви самой пришлось отвечать за индульгенции и инквизицию кризисом религии. «Я не нуждаюсь в этой гипотезе», — ответил ученый Наполеону на вопрос, почему в его системе мироздания нет Бога, и действительно наука начала свободное плавание в океане явлений.

Социальные условия зарождения экспериментальной науки аналогичны древнегреческим в период зарождения философии — маленькие города и относительная независимость их жителей. Становление науки в эпоху Возрождения не могло не заставить ее вступить в смертельную схватку с не желающей уступить свое господство религией. Соперничество сначала велось исподволь, а затем после создания Коперником гелиоцентрической системы мира выплеснулось наружу и дошло до костра инквизиции, на котором был сожжен Джордано Бруно.

И.Пригожин писал, что в Новое время «интеллекту ученого, в сущности, передавались функции только что вытесненного бога» (Краткий миг торжества. О том, как делаются научные открытия. М., 1988. С. 315). При Копернике наука еще не смела вступать в борьбу с религией. Это случилось при Д.Бруно и его казнь помогла Галилею отстаивать свои взгляды, хотя он и вынужден был от них отречься. Почему пострадал именно Д.Бруно? Потому что он вышел за рамки собственно науки в ее стремлении к господству. «Ни сам Коперник, ни его последователи Кеплер и Галилей не сделали философских обобщений из развитой и обоснованной ими гелиоцентрической системы мира. Честь философского осмысления новых открытий выпала на долю Джордано Бруно» (Бруно Д. О героическом энтузиасте. Киев, 1996. С. 9). Наука, как любая отрасль

культуры, тогда становится главенствующей, когда отвечает на вопросы о смысле жизни. Этим, по существу, и занимался Д.Бруно, и потому был опасен для церкви больше, чем Коперник, который не выходил из рамок науки.

Коперник и Галилей, раздвигая рамки науки, неизбежно сталкивались с областью религии, хотя не хотели этого. Должен был объявиться человек, рвущийся в бой. Чтобы во имя научных истин пойти на казнь, нужно верить, что наука сделает человека счастливым, что с ее помощью можно создать Новую Атлантиду, которая будет процветать благодаря применению научных достижений. Необходима особая атмосфера веры в науку, подстать первому веку новой эры, когда создавалось христианство. Эта атмосфера привела сначала к жертве Бруно, а потом к торжеству науки.

Героический энтузиаст

«Именно в этот трудный для Европы период истории понадобилась личность, имеющая мужество не только самому возвыситься над социальными, религиозными стереотипами, но и стать светочем для других, способная зажигать сердца своим неистовым энтузиазмом. Вне всяких сомнений такой личностью был Джордано Бруно» (Бруно Д. О героическом энтузиасте. Киев, 1996. С. 10). Как новоевропейский человек, Д.Бруно готов обожествить само действие, и в этом по-своему прав. Кумир Бруно — свободное научное познание, благодаря которому человек поднимается к богу и становится богом. Бруно поставил ученого на место бога. «Он становится богом от умственного прикосновения к этому божественному объекту, и, во-вторых, его мысль занята только божественными вещами, и он выказывает нечувствительность и бесстрашие в делах, которые обычно более всего воспринимаются чувствами и более все

го волнуют людей; потому-то он ничего не боится и из любви к божественному презирает другие удовольствия и совсем не думает о жизни» (Там же. С. 72–73). Бруно основывает желание стать богом на христовых словах о том, что царство божие внутри вас. Это можно сопоставить с прислушиванием Сократа к внутреннему голосу и следование ему во всем. Так наука возникает из религии и противопоставляет себя ей. У Бруно, как у Христа, большое значение имеет притча, и он тратит много сил на разъяснение содержания своих стихотворений-аллегорий. Бруно говорит о человеке героическом, *Nomo heroicus*, о том, каким он должен быть, как должен бороться прежде всего с самим собой. Противоречие внутри энтузиаста в том, что страсть к жизни как таковой ведет в то же время к смерти, так как человек неизбежно умирает, а страсть к добровольной жертве и смерти ведет к божественной вечной жизни. Тут диалектика, сходная с Лао-цзы: «Пренебрегающий жизнью, сохраняет жизнь. Заботящийся о жизни, теряет ее».

Блестящий диалектик Бруно анализировал соотношение любви и ревности, жизни и смерти и т.п. Для мудреца, по Бруно, наслаждение не есть наслаждение, поскольку в настоящем он видит его конец; а мучение не есть мучение, так как силой умозрения он видит его окончание уже в настоящем. Говоря о социальной причине «слепоты» человечества Бруно пишет, что слепым можно стать вследствие обильно пролитых слез, когда глаза настолько потускнели, что человек не может направлять взгляда, чтобы сравнивать видимое и, особенно, чтобы снова видеть тот светоч, который видел некогда раньше. И если человек много плакал, то у него исчезает зрительная органическая влага, и он не может вести настоящей умственной жизни, что ослабляет его.

В своих стихах и прозе Бруно все время возвращается к казни и огню. «Чем яростнее жжет меня пожар, тем казнь свою люблю все боле рьяно... любимое пре-

вращается любовью в любящего так же, как огонь, наиболее действенный из всех элементов, способен превращать все остальные простые и составные элементы в себя самого» (Там же. С. 53, 51–52). Энтузиаст говорит, что «ему, как и Фениксу, от получаемого света и огня остается темный и теплый дым похвал за жертвоприношение своею расплавившейся субстанцией» (Там же. С. 160). Но Бруно и противопоставляет Феникса Энтузиасту: «Феникс, созерцая Солнце, меняет смерть на жизнь; Энтузиаст же, созерцая любовь, меняет жизнь на смерть» (Там же. С. 122).

А вот что говорит герой Бруно о соотношении истины и жертвы: «Об умственной пище надо сказать, что ею может быть лишь то, чего ум сильно желает, ищет, принимает и вкушает охотнее, чем что-либо иное, в силу чего он наполняется, удовлетворяется, получает пользу и становится лучше, — а это и есть истина, о которой в любое время, во всяком возрасте и во всяком состоянии, в каком находится человек, он всегда мечтает и при помощи которой презирает всякую усталость, выполняет всякое усилие, не обращает внимание на тело и ненавидит эту жизнь» (Там же. С. 193). Переход к научному пониманию истины виден у Бруно в следующем выводе: «Так как истина есть дело бестелесное, и так как никакой истины, ни физической, ни метафизической, ни математической, нет в теле, то отсюда вы видите, что вечная человеческая субстанция не находится в индивидах, которые рождаются и умирают» (Там же). Как это по-возрожденчески далеко от «Я есмь истина!»

Героический энтузиазм, героическая любовь Бруно связаны с жертвой осознанной, хотя и противоречивой, на которую способны только люди.

Когда летит на пламя мотылек,
Он о своем конце не помышляет;
Когда олень от жажды изнемог,
Спеша к ручью, он о стреле не знает.

Когда сквозь лес бредет единорог,
Петли аркана он не примечает;
Я ж в лес, к ручью, в огонь себя стремлю,
Хоть вижу пламя, стрелы и петлю.
Но если мне желанны язвы мук,
Тогда зачем огонь так едок ранам?
Зачем порывы стянуты арканом?
Зачем меня так остро жалит лук?
Зачем везде мне в сердце, в душу, в разум
Костры, арканы, стрелы метят разом? (Там же. С. 74).

Можно ответить, что потому и метят, что желанны. Противоречие здесь между желанием души и реакцией тела, но не между желанием души и действительным событием. Противоречие между душой и телом известно давно и оно в данном случае приводит к противоречию между развитием культуры и социальной жизнью.

Рассуждая о переносимости жертвы, Бруно говорит: «Эта нечувствительность имеет причиной то, что все охвачено заботой о добродетели, об истинном благе и о счастье. Таким образом, Регул не чувствовал лука, Лукреция — кинжала, Сократ — яда, Анаксарг — каменного резервуара, Сцевола — огня, Коклес — пропасти, а прочие — иных вещей, которые чрезвычайно мучили людей обыкновенных и низких» (Там же. С. 131). На возражение, что не все могут достигнуть того, на что способны избранные, герой Бруно отвечал: «Достаточно, чтобы стремились все; достаточно, чтобы всякий делал это в меру своих возможностей, потому что героический дух довольствуется скорее достойным падением или честной неудачей в том высоком предприятии, в котором выражается благородство его духа, чем успехом и совершенством в делах менее благородных и низких» (Там же. С. 82–83). Слова «нет сомненья, что лучше достойная и героическая смерть, чем недостойный и подлый триумф» (Там же. С. 83) напоминают тезис Сократа.

Люди героического духа могут, по Бруно, «использовать плен как плод большей свободы, а поражение превратить иной раз в высокую победу» (Там же. С. 154). Победить в борьбе значит победить страх — утверждает Бруно и это потом будут неоднократно подтверждать все великие философы Нового времени («раб тот, для кого жизнь дороже всего» и т.п.).

Сожжение Бруно

Неудовольствие инквизиции Бруно мог вызвать утверждением о возможности для героического энтузиаста возвыситься до бога. Не только познать природу и божественное стремился Бруно, но и надеялся с помощью этого стать богом. Желание, достойное сожжения. Представление об ограниченности и бесконечности познания тоже, видимо, не очень нравилось представителям церкви.

Постановки ученого-энтузиаста на место бога инквизиция не могла простить Бруно и она (вряд ли сознательно) решила проверить, действительно ли энтузиаст совсем не думает о жизни. Она провела расследование, завершившееся вполне в научном духе эмпирическим экспериментом сожжения и убедилась, что это так. Убедились все.

Коварство инквизиции в том, что она стремилась не только уничтожить, но предварительно сломить человека. Бруно провел в тюрьме 8 лет, и после стольких лет заточения сказал при вынесении приговора: «Вы с большим страхом произносите приговор, чем я выслушиваю его» (Там же. С. 25). Сожжение Бруно было следствием борьбы за господство в культуре между господствующей религией и становящейся наукой. В Риме, где когда-то мучили и убивали христиан, сами христиане через 1,5 тыс. лет сожгли Джордано Бруно. Три

великих культурных города: Афины, Иерусалим, Рим — были свидетелями трех самых ужасных казней, разных и сходных в одно и то же время. Все трое — Сократ, Христос, Бруно — хотели умереть и шли навстречу смерти. Если для Сократа главным был разум, для Христа — вера, то для Бруно — воля. Трое казненных выражали три главных составляющих части человека.

Много раз Бруно как бы напрашивался на смерть. После этого остаться в живых было бы странно. Бруно рассказал в поэме «О безмерном и неисчислимом», что с детства Везувий, близ которого он родился, представлялся ему другом и братом. День сожжения Бруно 17 февраля 1600 года совпал с сильным землетрясением при извержении Везувия, так что колебания почвы докатились до Рима. Такова связь между природными и культурными процессами.

А что можно сказать о тюремщиках и палачах Бруно? Прежде всего, что они заурядные люди, тогда как Бруно привлекает именно своим творческим настроем. Второе — что им дороже всего власть, которую они отождествляют со спокойствием народа. У них много общего с теми, кто осудил Сократа и Христа.

Бруно сравнивали с Прометеем — огонь его духа осветил на несколько столетий средневековую Европу. В эпоху индульгенций, когда за деньги можно было искупить грехи, Бруно «купил» истину ценой жизни, которую у него отнял мрачное порождение церкви — инквизиция. Власти денег и меча Бруно противопоставил все, что имел — свою жизнь.

Среди качеств, присущих Бруно, выделяют сверхчеловеческую волю, энергию любви, устремление к божественному совершенству, понимание природы, людей, ясное четкое образное мышление, способность к сосредоточению. Это сделало его светочем, от факела которого можно было воспламениться. Душевный огонь

внутри привел к внешнему огню инквизиции и соединился с ним в пламя, отсвет которого дошел до наших дней. Тело Бруно осветило мир.

Огонь олицетворяет действие, к которому всегда стремился Бруно. Он пылал, как Везувий, жаждой истины. Это духовный Везувий, который взорвался. Бруно называли кометой, осветившей тьму средневековья, которая, сгорев в плотной атмосфере невежества, все же оставила неизгладимый след в сознании людей. Духовная энергия идей Бруно, его жертвы жива. Образно говоря, наука произошла из костра, на котором сгорел Бруно. Он не создал гелиоцентрической системы, как Коперник, не сформулировал законы падения, как Галилей. Но его костер очистил атмосферу и сделал ее такой, что наука заняла господствующее положение и дала возможность спокойно и независимо работать миллионам ученых. Наука не признает незыблемых авторитетов и все подвергает критике. Но за такую возможность пришлось заплатить жизнью.

Имя Бруно сохранилось в записях Галилея, Кеплера, Декарта. Уничтожив его, религия в конечном счете проиграла. Бруно знал, на что шел и чего добивался. «И только лишь потому, что я со своим божественным идеалом истины подвергаюсь гонениям и издевательствам, я буду вознагражден судьбой и мое возвышение будет тем более стремительным, чем сильнее были прежние унижения» (Там же. С. 20).

Торжество науки

В 1600 г. Бруно сожгли, а в XVII в. наука восторжествовала. Ученый действительно занимает место бога, познавая природу и управляя ее законами, перестраивает ее в соответствии со своими целями, с помощью техники становится demiургом. Бэконовская «Новая

Атлантида» — это научная утопия, достойная Бруно, и подстать будущим идеологическим утопиям. Мощь науки требовала себе пространства, и науки получили полное развитие там, где оно было. Все западные цивилизации — океанические, в конце концов связавшие мир в единое целое и создавшие единое человечество и универсальную культурную систему — науку. Как мифология объединила людей в великие речные цивилизации, как философия объединила их в морские цивилизации, так наука послужила основой для создания океанических цивилизаций и благодаря своему универсальному языку спланивала людей везде, куда проникала.

Все европейские цивилизации сообща стали работать на науку, и в этом разгадка их прогресса. Ф. Бэкон в Англии, Декарт во Франции, Галилей в Италии, Лейбниц в Германии. Несмотря на различия культур во всех них оказалось общее качество, обеспечившее развитие науки — рационализм, не чуждающийся опыта. Спорили о том, что преобладает в новоевропейской культуре — рационализм или чувственность. П. Сорокин называл западную культуру чувственной, но точнее, наверное, определить ее как рационально-чувственную. Это было именно то, что необходимо для развития науки — сочетание разума и чувств. Наука получила развитие на основе особого западного менталитета. В философии Нового времени боролись английский эмпиризм и континентальный рационализм, но в науке они удачно дополнили друг друга.

Представитель эмпиризма Ф. Бэкон так писал в «Новом органоне» о роли понятий в развитии науки: «То, что до сих пор открыто науками, почти целиком относится к области обычных понятий. Для того, чтобы проникнуть в глубь и в даль природы, необходимо более верным и осторожным путем отвлекать от вещей как понятия, так и аксиомы и вообще необходима лучшая и более надежная работа разума» (Антология куль-

турологической мысли... С. 40–41). Он же обосновал необходимость эксперимента. Ф.Бэком писал о важности «рассекания мира и прилежнейшего его анатомирования», т.е. о роли анализа в научном познании.

Почему возможны были в то время культурные титаны, занимавшиеся одновременно наукой и искусством? Потому что наука только создавалась и еще не отпочковалась от других отраслей. Затем наступил ее полный триумф. Высокая степень динамичности науки связана, во-первых, с ее критическим настроем по отношению даже к собственным успехам (этим наука отличается от консерватизма и догматизма религии), а во-вторых, с ее кумулятивно-преемственным принципом развития (кумулятивным на эмпирическом уровне и преемственным на теоретическом), в соответствии с которым последующее строится на основе предыдущего (в отличие от искусства, которое, как утверждается, всегда начинается с самого начала). Первая научная цивилизация была создана на Западе и продолжала христианскую цивилизацию. Создав гипотезу рождения материи, наука перешла к решению фундаментальных вопросов бытия, но это случилось гораздо позднее.

Научная картина мира

В процессе духовной эволюции человечество не получило обещанного счастья, но получило информацию, за что тоже должна быть благодарна культуре. Какова она в наиболее проверенной научной форме? Другими словами, какова современная научная картина мира? Как произошел мир и все существующее? На эти вопросы пытались ответить мистика, мифология, философия, религия, и они же являются предметом современной научной мысли.

По современным научным представлениям, до рождения Вселенной не было ничего из того, что мы видим и знаем, т.е. физической материи в двух ее видах — вещества и поля. И вот примерно 15 млрд. лет тому назад произошел взрыв. Не такой взрыв, который знаком нам на Земле и который начинается из определенного центра и затем распространяется, захватывая все больше и больше пространства, а взрыв, который произошел одновременно везде, заполнив с самого начала все пространство, причем каждая частица материи устремилась прочь от любой другой частицы. С этого Большого Взрыва началось расширение Вселенной, которое является условием нашего существования. Мы соединяемся и взаимодействуем со все большим по размерам Универсумом. На расширение Вселенной человек отвечает расширением сознания, поскольку сознание тоже эволюционный механизм.

Большое значение для нового понимания мира имела синергетика — наука второй половины XX в. Пожалуй, высшее, чего могла достичь наука — это осмысление происхождения мира, и она пришла к этому в конце XX века в моделях синергетики. И что же? Мы находим соответствия между «игрушечной моделью происхождения материи» И.Пригожина и представлениями «Вед». Современная термодинамика открытых систем утверждает, что повышение энтропии не только ведет к безостановочному соскальзыванию системы к состоянию, лишенному какой бы то ни было организации, как думали в XIX в. сторонники концепции «тепловой смерти Вселенной», а при определенных условиях становится прародительницей порядка. Вывод о том, что повышение организованности социальной системы не может быть достигнуто без уменьшения организованности окружающей среды, хорошо соответствует широко распространенному мифу о том, что сотворение невозможно без жертвы. Косвенно современная

наука пришла к пониманию роли жертвы, назвав ее «всплеском энтропии» как необходимым условием зарождения материи. «Всплеск энтропии» — научный вариант мифа о первочеловеке и его добровольной жертве. От модели образования Вселенной в результате «всплеска энтропии» возможен переход к утверждению, что культурный «всплеск энтропии» способен создавать новые социальные структуры, и в этом случае механизм жертвы приобретает универсальный характер. Жертва делает систему неустойчивой («мертвый, он опаснее, чем живой», как сказал первосвященник о Христе), а неустойчивость, как утверждает синергетика, порождает новые структуры. Наука XX в. внесла свой вклад в понимание жертвы, сформулировав понятия «всплеск энтропии», «неустойчивая система», «пассионарность». Людей, готовых умереть за свои идеи, можно назвать культурными пассионариями (используя понятие пассионарности, как основы становления этноса). К таковым относится и героический энтузиаст Бруно.

Духовные силы человека толкают его на жертву, а духовная энергия, освобождающаяся в жертвовании, является источником становления культуры. Жертва дает необычный заряд энергии, который высвобождается с ее смертью и способен обеспечить победу идее, но постепенно ослабевает по мере осуществления насилия, соблазн которого растет после прихода данной идеи к власти. Сократ, Христос и Бруно своей добровольной смертью создали духовную энергию, необходимую для развития и господства новых духовных структур — философии, религии, науки, которые, таким образом, можно считать, говоря научным языком, диссипативными структурами. Погибающее зерно дает новый колос. Нужно создать себя, а затем пожертвовать собой, чтобы мир перешел в новое состояние. Жертва представляет величайший культурный акт, который соединяет культуру и жизнь. Культура перетекает в мир через жер-

тву и остается в нем до тех пор, пока сохраняется жертвенная энергия. Но когда она уходит, люди остаются в грехе своего существования.

Наука заменила обычные слова универсальной терминологией. Утверждая вслед за мифологией, что у истоков возникновения мира был «всплеск энтропии», наука подтверждает на своем особом языке идею происхождения мира через жертву. Наука в XX в. взялась обсуждать проблемы происхождения души, духа и, наконец, предсказывать будущее. И.П.Павлов хотел объяснить физиологией психику, духовную жизнь. Он основывался на программе И.М.Сеченова, который в книге «Рефлексы головного мозга» заявил, что «все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы». Результаты русской школы рефлексологии скорее отрицательны, хотя открыто и изучено многое, включая условные рефлексы.

Дальнейшее развитие психологии привело к выделению З.Фрейдом в качестве одного из двух важнейших стимулов человеческого поведения воли к смерти и разрушению. Изучение животных не подтверждало этих заключений. Основатель этологии К.Лоренц сделал вывод, что у животных не существует воли к смерти, поскольку она антиэволюционна. При этом эволюция понималась с точки зрения Дарвина. Однако Дарвин создавал теорию эволюции на основе изучения животного мира, и она не может быть полностью распространена на человека. По Дарвину, побеждает сильнейший, и это может быть приложимо к человеческому обществу, но не к культуре. С точки зрения теории эволюции Дарвина, развитие культуры необъяснимо, но оно вполне согласуется с наличием у человека антиэволюционной для животных воли к смерти. По-видимому, это специфически человеческая черта, и она выражается в духовном стремлении к вечности через самопожертвование — то, что отсутствует у животных, которые не осоз-

нают собственной смертности и поэтому не стремятся к вечности. А страсть к разрушению — это уже сублимация влечения к смерти.

Получает удовлетворительное разрешение и спор относительно значения взаимопомощи в природе, который особенно обострился после выхода книги П.А.Кропоткина «Взаимная помощь в природе», в котором известный анархист пытался опровергнуть взгляды Дарвина на значение борьбы за существование в эволюции видов. Кропоткин привел много фактов взаимопомощи в природе, но уязвимость его позиции заключалась в том, что он не предложил механизма альтруистического поведения. Впоследствии данный спор шел в направлении поиска «генов альтруизма». Социобиология попыталась генетически объяснить альтруизм с помощью понятия родственного и группового отбора. Социобиология адекватна по отношению к изучению животных, поскольку у них имеют место различные формы социального поведения, однако возможности этой науки в изучении эволюции человека ограничены, потому что она рассматривает именно генетическую детерминацию социальных явлений, не затрагивая проблем эволюции культуры. Тут нужна культуробиология, которой придется встретиться с очень сложными проблемами вывода культуры из биологии. Человек не биосоциальное, а культуробиологическое существо. С этих позиций объяснение альтруизма лежит не столько в плоскости генетических детерминант (хотя это имеет место), сколько в области социального наследования альтруизма с точки зрения роли жертвы в эволюции культуры. В культурных людях преобладает невы выводимая из биологической, культурная составляющая, и их поведение скорее культурно, чем генетически детерминировано.

Большое значение имела разработка синергетикой универсальной схемы развития. Позиции господствовавшего в XIX в. историзма были подорваны в резуль-

тате неосуществления прогнозов, основанных на детерминистских предпосылках. Наука XX в. отошла от жесткого детерминизма, что, как оказалось, совсем не обязательно ведет к отказу от принципа эволюции. Разработанная синергетикой схема учитывает «стрелу времени» и в то же время отказывается от однозначного детерминизма за счет выделения в развитии зон неустойчивости, в которых действует «объективная неопределенность». Создание нового — всегда ведет к неустойчивости, «...каждый выдающийся творческий акт сопряжен с нарушением равновесия» (Ренан Э. Жизнь Иисуса... С. 290). Если применить данную схему к эволюции культуры, то оказывается, что зоны устойчивости соответствуют периодам господства определенной отрасли. В этих зонах действует «культурная волна» (А. Тойнби). Добровольная жертва во имя культуры создает непредсказуемую неустойчивую ситуацию, и в зоне неустойчивости исчезает линейная детерминация последовательности событий, чтобы создалась новая реальность, развивающаяся по своим законам. Зоны неустойчивости соответствуют обострению борьбы за власть, когда победитель еще неизвестен. Жертва, определяющая будущего победителя, соответствует точке бифуркации универсальной синергетической схемы развития.

НТР и кризис науки

В процессе развития наука приходила во все большую связь с техникой, чему способствовала их схожая рациональная структура. Техника (от греч. *techne* — искусство, мастерство, умение) — совокупность средств, создаваемых для производства и обслуживания непрямых потребностей общества. Промышленная революция конца XVIII — начала XIX вв. создала индустриальное энергетическое общество, поскольку примене-

ние парового двигателя выдвинуло в качестве важнейшего ресурса общества энергию. НТР в XX в. создала постиндустриальное информационное общество, выдвинув информацию в качестве главного ресурса человечества. И промышленная, и научно-техническая революции — цивилизационные изменения на культурной основе.

Э.Кассирер считал науку «последней ступенью в умственном развитии человека... высшим и наиболее специфичным достижением человеческой культуры» (Кассирер Э. Избранное. М., 1998. С. 685). Значение науки в том, что она сохраняет усилия многих людей. Ученый, устанавливающий закон природы, дает возможность миллионам следовать ему, не обдумывая своих действий. Наука создает гораздо больше прибавочной стоимости, чем простой рабочий. Наука обладает еще более жесткой внутренней ненасильственной властью над человеком, чем религия. Человек может сомневаться в религиозных истинах, и это считается нормальным, но отрицание данных науки заставляет относиться с подозрением к его умственным способностям. Господство науки привело к созданию течения, верящего, что все проблемы человечества могут быть решены именно наукой — сциентизма. Сциентизм стремится перенести в сферу гуманитарных наук то, что считается методом естествознания (например, К.Поппер распространил методологию фальсификационизма на социальную сферу, создав концепцию «открытого общества»). Противоположная позиция, обвиняющая науку в бедах человечества, получила название антисциентизма. Его историческая правота в том, что, как часто бывает, на вершине могущества науку ждал кризис, который она не смогла преодолеть. Он имел внутренние и внешние причины. Внутренние заключались в том, что: 1) отказ от наглядности в науке, который стал неизбежен после создания теории относительности и квантовой механики, отдалил людей от ставшей им непонятной сферы; 2) при-

менение научных методов к исследованию психики продемонстрировало их принципиальную ограниченность. Обосновав возможность научного знания, Кант остановил ее притязания на абсолютную истину. Если учение Коперника было началом науки, то «коперниканская революция» Канта была началом конца ее господства. С афоризмом Канта «я ограничил разум, чтобы дать место вере» можно согласиться, имея в виду, что вера, которой он дал место — не религиозная, а идеологическая. Это начало идеологической и одновременно массовой культуры. Внешние причины заключались в том, что наука создала средства разрушения природы и уничтожения человека в ядерной войне и экологической катастрофе.

Рассмотрим более подробно связь науки с другими сторонами современной жизни.

1. Наука ищет истину, но может войти в противоречие с моралью и тогда предпочтение отдается научной истине, которая может быть далека от правды, как единства истины и справедливости.

2. В свой революционный период наука демократична, но в «нормальный» в смысле Т.Куна (и более длительный) может явиться базисом политического тоталитаризма, особенно если ее творческий дух испаряется (феномен Лысенко). Науку, как и современную наукоемкую технику, не могут создавать люди, не способные к самостоятельным усилиям сознания. Но «нормальную» науку они создавать могут, а такая наука отнимает основное время ученых. Поэтому-то наука может развиваться в тоталитарном обществе.

3. Наука — средство покорения природы и, стало быть, в конечном счете (через глобальный экологический кризис) и человека. Наука восторжествовала, но корень зла заключается в том, что она переняла в своем стремлении к власти над природой методы, которые применяла религия для обеспечения власти над челове-

ком. Экспериментальное исследование природы Бэкон назвал зловещим словом «инквизиция», что буквально означает «расследование», «пытка» (сравните с русским «естествоиспытатель»). Тем самым наука создала предпосылки своего торжества и последующей гибели. Жертвой науки оказалась природа. Как писал Гегель, «познать — значит разрушить». Как только наука перестала быть жертвой, а стала приносить в жертву себе другое (исследуемый мир), так началась ее подмена. Борьба с природой, которой способствовала наука, привела к экологическому кризису. Еще раз подтвердилась истина, что насилие ведет к поражению, а жертва — к победе.

4. Научно-технический прогресс не есть непременно прогресс общества, а может вести и к его регрессу, облегчая жизнь, но увеличивая зависимость человека от техники и социума и грозя контролем за его поведением. Наука достигла многого в материальном плане, но она же привела и к таким опасностям, которых раньше быть не могло и которые начинают осуществляться (Чернобыль). Наука давала больше богатым, приведя к дальнейшему расслоению общества, что не могло не способствовать возникновению идеологий, выражающих интересы определенных общественных классов.

Сейчас повторяют вслед за Ясперсом, что наука — частное познание. Но когда она духовно господствовала, она претендовала на абсолютную истину, которая должна была сложиться из относительных. Так было с любой главенствующей отраслью культуры. Как только она отказывалась от претензий, она сходила с духовного пьедестала. Время господства данной отрасли культуры — от жертвы до отказа от претензий на абсолютную истину. Действительно, кто будет жертвовать собой за относительную истину. Бруно стремился к абсолютному знанию, от чего последующие ученые отказались.

Рост могущества науки сопровождался подменой ее целей, которыми до определенного времени не было абсолютное познание и становление божеством. А нап-

равления, в которых такие цели ставились, уходили на периферию и третировались самой наукой. Задачи мельчали, а практические результаты росли вплоть до подчинения науки идеологии. О подмене в науке Шпенглер писал так: «И если сегодня ученый перестал быть чужд миру и наука, зачастую с весьма значительным пониманием, встает на службу технике и зарабатыванию денег, так это знак того, что чистый тип находится на спаде, значит, великая эпоха восторгов по поводу рассудка, живым выражением которого он являлся, принадлежит прошлому» (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. М., 1998. С. 363).

Трагедия науки в том, что она слишком тесно связала себя с миром материальной жизни человека. Это сделало ее положения более адекватными обыденной действительности, но привязало ее к миру и в конце концов отдало во власть идеологии, которая жестоко расправилась с ней. Столкновение науки с идеологией — это столкновение Вавилова с НКВД, Оппенгеймера с ФБР. В XX в. в этой борьбе побеждает идеология. Две идеологические цивилизации — СССР и США — сделали науку своей служанкой. Можно сказать, что по заданию идеологии наука привела человечество к экокризису, хотя она могла развиваться иным, более щадящим природу, путем. Истоки ее недостатков, коренящихся в ней самой, — чрезмерный аналитизм, экспериментальная инквизиция — многократно усилены идеологией. Особенно жестко воздействовала на науку коммунистическая идеология, вплоть до запрещения генетики и кибернетики.

То, что наука уступила лидирующее положение идеологии, можно аргументировать многими фактами. Современная наука по большей части работает на войну, т.е. на идеологию, которая заказывает науке разработку новейших видов оружия. Сегодня в мире, по данным ООН, в военной сфере заняты более 25% от общего чис-

ла научных работников и на нее приходится 40% всех расходов на научные исследования и опытно-конструкторские разработки. Очевидно, что это положение определяется не внутренними потребностями науки, а давлением на нее стоящей у власти идеологии.

Из-за этого наука прогрессирует и одновременно разлагается. В момент наибольшей видимой мощи науки, когда появилась НТР, стало ясно поражение науки, поскольку даже само возникновение термина НТР связано с созданием атомной бомбы, изобретенной по заданию идеологии. Главный цивилизационный результат науки — выход в космос — побочный продукт санкционированной идеологией работы науки над созданием ракетного оружия.

В период наивысшего господства науки Конт предположил, что «позитивные воззрения... в настоящее время одни только в состоянии самопроизвольно установить от одного конца мира до другого, на столь же прочных, как и широких основаниях, действительную интеллектуальную общность, которая может служить прочным фундаментом необъятнейшей политической организации» (Философия истории. М., 1995. С. 126). Но фундаментом политических организаций стала совсем иная отрасль, более приспособленная к этому, чем универсальный научный язык.

Нынешний подчиненный характер науки подтверждается тем, что наука в России деградировала буквально за несколько лет под воздействием новой власти, которая даже не особенно старалась, а просто, «перекрыв кислород» (лишив денежных субсидий), уничтожила ее.

Сейчас происходит синтез науки с ненаучными представлениями, и он также подрывает значение науки, хотя результатом его может стать нечто весьма важное и интересное. Как любой синтез, он представляет собой прогрессивное явление, если, конечно, это подлинно творческий синтез.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ИДЕОЛОГИЯ: КРИЗИС КУЛЬТУРЫ

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Н. Некрасов

Только те жертвы принимает жизнь,
что идут от сердца чистого и печального,
плодоносно взрыхленного тяжелым плугом
страдания.

Л. Андреев

Что такое идеология?

Новое время — время океанических цивилизаций и объединения людей новыми мощными средствами коммуникации в единое человечество. Это время действия масс, вышедших на историческую арену. Данный феномен Х. Ортега-и-Гассет проанализировал в своей книге «Восстание масс». Вовлеченность масс в политическую и культурную жизнь потребовала создания особого способа организации масс, получившего название идеологии, и особого способа культурного обслуживания масс — массовой культуры. «Восстание» масс стало источником и движущей силой идеологии и массовой культуры, которые переплелись между собой. Идеология сама является культурой масс и культурой для масс, она стимулирует развитие массовой культуры, которая не может не быть идеологизированной, поскольку идеология ближе всех отраслей культуры к материальным потребностям, а массы живут в основном ими. Управлять масса-

ми удобнее путем воздействия на них идеологией, чем элитарной по сути наукой, которую массы не способны понять. С выходом на историческую арену масс идеология получает *преимущество перед наукой* в борьбе за власть. Идеология имеет дело с массами, подлаживается под их интересы и запросы, что принижает культуру и ведет ее к кризису. Идеология означает переход от разума и религиозной веры к материальным интересам толпы.

Идеология не миф, хотя в ней много от мифологии, более того — мистическое начало скрывается под рациональной оболочкой, проступая в бальзамировании вождей. Идеология не религия, хотя в ней есть *приземленная вера*, в которой на место Бога ставят идеолога, правителя или материальный идол (скажем, Золотого тельца). У идеологии имеются *философские корни* и ее предшественником можно считать Платона. Само название идеология пришло из философии — термин «идея» ввели Демокрит и Платон. Она стремится подчинить себе искусство, заявляет о своей научности. Она пытается соединить науку с высшими идеалами человека — его стремлением к благополучию и счастью. Она объединяет людей, но ценой их превращения в «одномерных» (по Маркузе). Объединяет и наука, но идеология действует более *жестко*, не останавливаясь перед насилием.

Отличие идеологии от науки наиболее точно определил А.А.Зиновьев: «Наука предполагает осмысленность, точность и однозначность терминологии. Идеология предполагает бессмысленные, расплывчатые и многосмысленные языковые образования. Терминология науки не нуждается в осмыслении и интерпретации. Фразеология идеологии нуждается в истолковании, в ассоциациях и примысливании. Утверждения науки предполагают возможность их подтверждения или опровержения или, в крайнем случае, установления их неразрешимости. Предложения идеологии нельзя оп-

ровергнуть или подтвердить» (*Зиновьев А.А.* Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 252). Борьба идеологии с наукой проявилась в феномене Т.Лысенко и отрицании в СССР значения передовых научных разработок, в увлечении мистицизмом в фашистской Германии и др. В эпоху *господства идеологии* все отрасли культуры становятся ее служанками, в том числе и наука. Не наука, а скорее идеология, ответственна за изобретение атомной бомбы.

Разум мешает внушению, доверчивости и потому к нему так строги идеологи и колдуны. Разум начинается с *сомнения в правоте того, во что все верят*. Хитрость идеологии заключается в ее мимикрии — она подстроилась под научность и оказалась особой качественно новой отраслью, которая стоит *на границе культуры*. Идеология соединила материальный интерес с наукообразным прогнозированием будущего, которое является предметом веры. Как система взглядов, выражающих интересы больших общественных групп (классов, наций), идеология стремится поставить все предыдущее знание на службу материальным интересам. Идеологи — *пророки материального*. Они пришли, когда люди захотели счастья здесь и немедленно.

В настоящее время идеология — самая мощная сила. Она постоянно стремится что-то преувеличить или затушевать — то общечеловеческие, то национальные, то классовые ценности. Идеология исходит из *крайностей*, например двух противоположных классов — капиталистов и пролетариата, двух противоположных взглядов на человека — демократического и тоталитарного и т.п. Идеология разъединяет людей, хотя, казалось бы, печется об их объединении. Ее интересы частные и, стало быть, могут объединить часть людей на определенное время. Как писал Д.Вико, разделение идей удостоверяет разграничение собственности.

Торжество идеологии привело к *господству формальных принципов*, наподобие историзма с его многообещающими схемами и пренебрежением к конкретному человеку. Идеология уводит человека из культуры и делает его духовно бездомным, хотя бы он обитал в роскошных апартаментах. Казалось бы, если массы участвуют в политической жизни, это хорошо. Однако возрастание роли масс лишь тогда позитивно, когда возрастает *количество культурных людей*. В противном случае массы могут «затоптать» культуру. Как инертное бездуховное образование масса представляет *опасность* для культуры. Важно помнить различие между массой и народом, который живет культурными традициями.

Есть две параллели: творческая элита — народ и правитель — массы. Творческая элита ведет за собой народ, просвещая его; правитель использует массу для осуществления воли к власти. Для массы нужна *примитивная массовая культура*, а народ вынужден подчиниться правителям. Массы составляют часть политической системы — электорат. Они нужны потому, что большинство современных армий создано на основе всеобщей воинской повинности. Отсюда, по мнению А. Тойнби, «правлящее меньшинство не просто загрязнилось, а оказалось целиком поглощенным массой внутреннего пролетариата» (Постижение истории. С. 382). В результате заигрывания с массой и удовлетворения ее требований «зрелищ» «внутренний пролетариат становится развязным, правящее меньшинство вульгаризируется» (Там же. С. 384).

Масса — удобный объект идеологических манипуляций, поэтому идеология заинтересована в том, чтобы народ превратился в массу, которая легко подчиняется. Об этом писали Ленин и Степняк-Кравчинский. Но «массы — это конец, радикальное ничто» (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 377). Воздействие на массы с помощью *массовой культуры* делает их более цивилизованными, но менее культурными, понижает общий уровень культуры.

При «массовизации» облегчаются *процессы имитации, стадности*, известные в животном мире как образование анонимной стаи. Массовизация ведет к разрушению семьи, неформальных общественных связей, способствует (особенно при развитии средств массовой информации) тому, что какая-либо идея как вирус при эпидемии овладевает широкими слоями, становясь *материальной силой*. Вся культура становится массовой, тогда как каждый человек уникален, и не идеология должна внедряться в сознание, а люди должны самостоятельно формировать мировоззрение на основе культуры.

Три этапа идеологии

Идеология проходит три этапа: диалектический, демагогический, догматический. Первый этап развития идеологии — *диалектический* — можно также назвать философским, поскольку при формировании идеологии философская составляющая играет важную роль. На этом этапе идеология проявляет непримиримость ко всем остальным идеологическим направлениям, но сохраняет тесную связь с наукой, искусством и другими отраслями культуры. Борьба с иными идеологическими течениями способствует четкому оформлению идеологии, но может ее и погубить. На этом этапе проводниками идеологии выступают только ее создатели да некоторые группирующиеся вокруг них фанатики. Но идеология создана, и вулкан готов к взрыву. Если идеологическая система оказывается достаточно жизнестойкой и ей удастся подавить конкурентов, особенно из числа смежных идеологий, она стремится обрести господствующее положение.

Второй этап *демагогический* — это распространение идеологии. Стремление к подчинению масс данной идеологией делает важнейшей ее демагогическую со-

ставляющую. Идеология может распространяться подобно эпидемиологическим заболеваниям — как некая идеологическая «инфекция», действующая на духовно и душевно ослабленный организм, не имеющий стойких убеждений в качестве иммунитета. «Инфекция» от одного может перейти сразу к нескольким и так далее. Идеологическая система как лава выплескивается на поверхность, занимая огромные площади.

Третий этап *догматический* — от господства идеологии до упадка. Идеологическая лава, выйдя на поверхность, начинает застывать, отрываясь от действительной жизни и интересов людей. Идеи превращаются в непререкаемые догмы и теряют жизненную силу. Если на втором этапе идеология еще пользуется философскими (преимущественно диалектическими) приемами, обеспечивающими ее проникновение в массы, то на третьем этапе она перестает впитывать какие-либо философские положения и превращается в самого страшного врага философии.

К культуре относится только первый этап формирования идеологии. Затем идеология утверждается и пытается подчинить культуру. Ныне это самая большая опасность, грозящая культуре. В идеологии культура достигает своего самоотрицания, переходя, говоря гегелевским языком, «в свое другое». Ничто так не навязывается людям, никакая другая отрасль культуры не внедряется столь насильственно и никогда кризис культуры не становится столь всеобъемлющим.

Словесным проявлением кризиса культуры выступает идеологический термин «*культурная революция*», а стремление избавиться от культуры, превращаемой в антикультуру, выражается в направлении *контркультуры*.

Идеология появляется изнутри культуры как ее отрасль и поэтому она опаснее всего для культуры (наподобие раковой опухоли). Противостояние идеологии и культуры откровенно выразил Геринг, сказав: «Когда я

слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет». Материальный результат противостояния вроде бы предопределен, потому что у культуры нет оружия, но идеология проигрывает в любом случае, потому что она или подрубит сук, на котором сидит, или на древе культуры вместо нее вырастет другой плод. Торжество идеологии блестяще, но временно.

Три источника идеологии

Идеология имеет три источника, заключенные в трех прекрасных словах из лозунга Великой французской революции: *свобода, равенство, братство*. Именно из этих понятий образовались три мировые идеологии. Само понятие «идеология» появилось в XVIII в. и первоначально обозначало по самой этимологии слова учение об идеях — понятии, возвращающем нас к Платону, который, кстати, в своих поздних произведениях «Государство» и «Законы» создал прообраз идеологической системы, которую так неудачно пытался воплотить в жизнь.

Породила идеологию — эту духовную атомную бомбу по той разрушительной силе, которой она обладает — эпоха Просвещения. У ее истоков стоял Ж.-Ж.Руссо, считавший, что науки и искусства не делают человека нравственным и счастливым. Руссо восхищались деятели французской революции, особенно Робеспьер, провозгласившие свободу и ограничившие ее во имя ее. «Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому», — так было записано в «Декларации прав человека и гражданина», принятой Национальным собранием Франции 26 августа 1789 г. Но вскоре началось преследование врагов свободы и их головы полетели одна за другой.

Во времена Великой французской революции было в ходу и понятие *враг народа*. Декрет Конвента от 26 февраля 1794 г. объявлял врагами народа всех, кто выступал против Конвента или пытался унижить его. В соответствии с этим декретом врагом народа можно было объявить кого угодно, например тех, кто препятствовал народному просвещению «путем всяких махинаций» (Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1984. С. 239). Наказание — смертная казнь. Улик достаточно устных.

Сначала деятели революции победили в своей стране, а затем начали войны, чтобы, как заявил Камбон, «ничто, существовавшее прежде, не могло устоять перед осуществляемой нами властью» (Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т. 4. М., 1981. С. 152). Задача революционных войн заключалась в том, чтобы способствовать *возникновению революции* в других странах. Аналогичную задачу ставили большевики, придя к власти в России: разжечь пожар мировой революции.

Тут же возникает знаменитое «*кто кого?*». Аргумент: если мы первые не начнем войну, то революция будет раздавлена усилиями всего мира. Начавшаяся война, писал Ж. Жорес, «не была борьбой одной нации против другой нации, а борьбой одной системы институтов — против другой системы институтов. Теперь институты, созданные свободой, должны были уничтожить, пусть даже силой, институты, созданные рабством. Но как опасна такая попытка! Какие диктаторские привычки привьет она Франции! И как рискует она отождествить в глазах других народов национальную свободу с былым порабощением!» То же было и в России в XX в.

Обе революции были *борьбой идеологии за власть*, и в этом они похожи. Не важно, что идеологии различны: одна — идеология свободы, другая — идеология равенства. Они превратились в тоталитарное потребление и потребительский тоталитаризм. А как же с

теми, кто не подчинится завоевателям, несшим свободу? «Тогда и отношение будет к ним, как к врагам, раз они не хотят ни свободы, ни равенства» (Там же. С. 158). Это было названо революционной диктатурой Франции и революционным протекторатом Франции над народами (доктрина Камбона, объявленная 15 декабря 1792 г. и утвержденная Конвентом). Великая французская революция была образцом идеологической революции и стала прототипом октябрьского переворота в России.

Есть такое выражение: «революция пожирает своих детей». Французская революция закончилась гибелью тех, кто ее организовал. Но идеология победила. Аналогичная ситуация сложилась и в России. Большинство активных сторонников коммунистической идеологии погибли или до революции, или во время ее, или после в сталинских лагерях. Они оказались жертвами, на крови которых взошла идеология.

Идеология вступила в борьбу за власть в конце XVIII в., но окончательно укрепилась после первой мировой войны, в которой победили идеологические державы — Англия, Франция и США, а побежденные взяли на вооружение идеологии другие — Россия в 1917 г., Италия в 1922 г., Германия в 1933 г.

Те, кто отдавал свои жизни за свободу, равенство и братство, подпитывали своей энергией идеологию до того момента, когда она, победив с помощью *жертв*, сама не отвечала репрессиями против своих противников. Классическим примером является французская революция, но это свойственно всем идеологиям. Гибли тысячи борцов за рабочее дело, угнетенный народ и свободу, и жертвы не пропали даром. Из них родилось господство идеологии в трех формах — *либерально-капиталистической, националистической и коммунистической*. Каждая обещала счастье, и большинство людей верило и надеялось, но ни одна не оправдала надежд. Почему? Объяснение может быть дано с трех точек зре-

ния: исторической рациональной, исторической нерациональной и метаисторической. Если ограничиться первым, то ни одна из идеологий не выполнила обещаний в силу расщепленности единого идеала и из-за подмены в попытке насильственного приведения людей к счастью. Выводы о государстве как политической форме угнетения большинства меньшинством на диалектическом этапе идеологии сопровождались демагогией о скором преодолении всякого угнетения в результате буржуазной или социалистической революции.

Все социальные утопии хороши, поскольку не воплощены в жизнь и относятся к духовной культуре. Попытки их реализации всегда *антикультурны*. Слова Геринга весьма показательны, а отсутствие таковых у представителей других идеологий свидетельствует отнюдь не об ином отношении к культуре, а о большем лицемерии. В целом все идеологии тоталитарны.

Либерально-капиталистическая идеология

Для нее главное слово «*свобода*», первое из лозунгов Великой французской революции. За ним скрывалось стремление третьего сословия ликвидировать привилегии аристократии и духовенства и достичь одинаковых с ними юридических прав. Когда это произошло, был брошен лозунг: «Обогащайтесь!» и возникла новая форма неравенства, основанная на богатстве одних и бедности других.

Ахиллесова пята идеологии — насилие. Чем больше насилия в теории и практике идеологии, тем быстрее приходит она к гибели. Порой она еще находится у власти, но ей уже никто не верит. Наиболее хитрая идеология — либерально-капиталистическая, насилие которой не прямое, а косвенное, денежное, что ей удаст-

ся скрывать. Недаром в обширном труде «Открытое общество и его враги» апологет капитализма К.Поппер лишь один раз употребляет слово «деньги», да и то в примечании. Поистине гегелевская «хитрость разума» — управлять не путем грубого насилия, а посредством денег. Деньги хороши как средство самореализации, когда не отняты у других. Но именно это происходит в капиталистическом обществе, построенном на эксплуатации людей, идей и природы, где высший стимул — прибыль. Поппер решил вдохнуть жизнь в либерально-капиталистическую идеологию, но идеологичность его «Открытого общества» очевидна. Капиталистическое общество открыто для имеющего деньги. Без денег оно закрыто. «А деньги — что ж, это те же гвозди и так же тянутся к нашим рукам» (А.Башлачев).

Данную идеологию можно назвать либерально-капиталистической, поскольку начинается она с лозунга свободы, еще наполненного гуманистическим содержанием эпохи Возрождения, затем переходит к пониманию свободы как свободы предпринимательства и формальных прав личности и собственности, а заканчивается проповедью потребительства. Эта идеология господствует в большинстве развитых европейских стран, которые прошли через *две подмены*, превратившие христианство из религии рабов в религию господ и науку из познания мира в инструмент господства над природой.

Права человека — звучит привлекательно. Но во имя этих прав могут уничтожаться целые нации. Получается, что ради одного человека и его прав позволительно уничтожать целую культуру. Либерально-капиталистическая идеология взяла кое-что из других, а именно: люди должны быть равны (но формально или люди твоего класса и нации). За счет этого синтеза она вырвалась вперед и сейчас занимает лидирующие позиции. Обвинять ее в коварстве бесполезно, так как это — ее суть.

Либерально-капиталистическая идеология *анонимна*. Она пытается скрыть даже свое имя. По мнению Р.Барта, «отречение буржуазии от своего имени не является иллюзорным, случайным, побочным, естественным или ничего не значащим фактом; оно составляет сущность буржуазной идеологии, акт, при помощи которого буржуазия трансформирует реальный мир в его образ, Историю в Природу» (Р.Барт Избранные работы. М., 1991. С. 110). Миф помогает идеологии.

Националистическая идеология

Этот тип идеологии вдохновлен другим словом Великой французской революции, известным со времен Конфуция, — *братство* (имеется в виду близость людей одной нации). Борясь за национальное государство, многие становились героями и жертвовали собой. От этого так далеко до стремления к мировому господству, как от Гарибальди до Муссолини. Личный шофер Гитлера писал, что по-человечески фюрер был одинок. То же говорили о Сталине. Мао называл себя одиноким путником, бредущим с дырявым зонтиком. Как ни парадоксально, но чем большей властью обладает политик, тем более одиноким он себя чувствует, да и является им на самом деле. Причина в разъединяющем людей насилии, тогда как настоящая культура объединяет их. Для идеологов живой человек — ничто по сравнению с нацией, классом или даже его правами.

Апофеозом насилия является националистическая идеология, которая начинается с провозглашения прав одной нации на самоопределение, а заканчивается откровенно агрессивным стремлением к покорению и уничтожению других наций. Это в наибольшей степени было присуще немецкому фашизму, развязавшему

мировую войну и провозгласившему своей целью завоевание жизненного пространства и уничтожение целых народов.

Коммунистическая идеология

Эта идеология вдохновлена *словом равенство* и является земной религией угнетенных масс. Идеология равенства возникла во времена Великой французской революции (Бабеф, Марешаль, Сильвен), но обоснована в полной мере К.Марксом в XIX в.

К.Маркс и Ф.Энгельс пытались затушевать идеологичность своей концепции, выступив с острой критикой идеологии как таковой. Но они же создали идеологию, что признали их последователи. Определение Марксом и Энгельсом идеологии *как ложного сознания* достаточно для ее критики, хотя в процессе развития идеология дает основания для того, чтобы считать ее не только ложным, но и лживым сознанием.

В Маркса поверили именно потому, что он обещал Царство Божие на земле. Близость марксистской идеологии к религии подтверждается тем, что, придя к власти, марксисты стали уничтожать церкви — образно говоря, они заняли ту же *экологическую нишу* и борьба была неизбежна. *Антирелигиозность* коммунистической идеологии позволила ей победить религию, но выявила ее ущербность. Объявившую религию опиумом для народа идеологию можно назвать ядом. Впрочем, религия призывалась в трудное время для борьбы с другой идеологией.

На *алтарь идеологии* положено много жертв. Коммунистическая идеология совершала триумфальное шествие в СССР, подминая под себя остальные отрасли культуры. Наука, религия и философия в определенной степени воздействовали на идеологию, но поведение людей определяла именно она. Провал попы-

ток идеологии применить науку и технику к социальной жизни объясняется тем, что идеология пытается насильственно внедрить свои схемы, вступая в столкновение с жизнью, которую она хочет преобразовать. Столкновение с жизнью — научно-техническое или идеологическое — чревато опасностью, причем идеологическое не меньшей опасностью, чем научно-техническое. Оно чревато социальным Чернобылем.

Создавалось впечатление, что коммунисты решили провести с населением России *своеобразный эксперимент*. Выработанные функционерами КПСС у советских людей условные рефлексы неестественны. Они закреплялись, но вызывали и произвольные действия, называемые неадекватными реакциями, которые в конце концов положили предел коммунистическому эксперименту. Дискредитация коммунизма в СССР — яркий пример того, как насилие губит идею. Сейчас в России дискредитируется идея демократии, в частности из-за денежного насилия и тоталитаризма.

Действует ли *механизм торжества* зла вследствие непротivления ему? В определенных пределах, пока в действие не вступает механизм самоистребления зла, приводящий к гибели его носителей. Об этом стихотворение З.Гиппиус «Грех»:

Змея сама, свернувши звенья,
В свой собственный вопьется хвост.
И мы простим, и Бог простит.
Но грех прощения не знает,
Он для себя себя хранит,
Своею кровью кровь смывает...

Коммунистический режим победил царя, чиновников, белую армию, буржуев, крестьян, рабочих, своих же сторонников. Он рухнул не от масонского заговора, происков ЦРУ, романов Солженицына и деятельности диссидентов. Истребив здоровые творческие силы, зло

не может существовать. Оно становится все сильнее... и вдруг на вершине торжества рассыпается, как карточный домик. Тут нет ничего мистического: с победой зла иссякают творческие силы, без которых невозможна жизнь. Зло не имеет в себе созидательного начала и, оставшись без притока творческих сил, за счет которых оно существует, уничтожает само себя. Нужно ли с ним в таком случае бороться? Нужно, но не его способами, а посредством культуры.

Крах идеологии не обязательно разрушает цивилизацию, а тем более культуру. Гибель коммунистической идеологии не обязательно должна разрушить русскую цивилизацию. Господство идеологии представляет собой величайшую опасность для культуры. Но идеология — пустоцвет на древе культуры и без нее сама гибнет. Яркий пример: борьба коммунистических властителей с теми деятелями культуры, которые отнюдь не хотели вступать в конфликт с идеологией, а отстаивали свою самостоятельность, без которой невозможно творчество, и все же подвергались репрессиям, как, например, А.А.Зиновьев, на произведения которого часто ссылаются нынешние коммунистические оппозиционеры.

Массовая культура

В период, когда появляется и растекается по общественному телу масса, идеология становится главной формой культуры, а остальные виды объединяются под названием массовой культуры — некоего суррогата, призванного развлекать и отвлекать массы от настоящего дела. Зрелища были в моде еще в Древнем Риме, но там не было идеологии. Римские тираны прямо без обиняков и оговорок осуществляли свои кровожадные желания и замыслы.

Понятие массовой культуры внутренне противоречиво, поскольку масса не обладает творческим потенциалом, а стало быть не может иметь культуры в ее истинном понимании. Однако вряд ли следует удивляться противоречию в названии того, что само в себе противоречиво. Особенности массовой культуры зависят от того, какой форме идеологии она служит. Массовая культура идеологии власти обычно строга и однообразна, пропагандирует послушание и долг, и олицетворением ее являются марши и газеты. Массовая культура идеологии потребительства более легка и разнообразна, пропагандируя секс и беззаботную обеспеченную жизнь. Ее олицетворение — комикс и иллюстрированные журналы.

Произведения массовой культуры подлаживаются под интерес масс, испытывающих нездоровую тягу к насилию, жестокости и власти, в форме детективов и житий разведчиков, причем идеология власти хочет втиснуть в эти произведения идею верности государству, а идеология потребительства — представление о силе и независимости.

С другой стороны, массовая культура есть то, что способно спасти массы от идиотизма монотонной повседневной жизни. Это как бы защитная реакция, но такая, которая духовно разрушает человека. Этим последним она отличается от настоящей культуры, которая пробуждает истинно человеческое. Культура отражает систему общественных отношений и характеризует самого человека. Засилье массовой культуры с ее проповедью силы, обеспеченной жизни и порнографии отражает отвлеченно-чувственную тягу современного человека к власти, потребительству и сексу.

Если народная культура призвана приобщить людей к народным традициям и жизни, то массовая культура выполняет в условиях всеобщей грамотности функцию отвлечения от народных основ. Народная культу-

ра создается для народа и творит народ. Как человек нормален, когда помнит свое прошлое, так и народ нормально существует, если сохраняет свои традиции, помнит свое прошлое, размышляет о смысле жизни и смысле истории. Массовая культура, напротив, ориентирована на массу и делает из людей массу как нечто инертное, не имеющее своей истории и философии.

Народ помнит все хорошее и плохое в своей истории. Как только мы отказываемся от этого, да еще повторяем модную ныне фразу «я никому ничего не должен», так мы сами выключаем себя из народа как целостного организма, становимся обособленным атомом массы, песчинкой, которая не хочет ни за что отвечать, и ей идут навстречу — она действительно ни за что не отвечает, но делает, что велят, и не в силах отказаться, потому что у нее отсутствует внутреннее нравственное ядро.

Промежуточное положение между народом и массой занимает так называемая публика — образованная, начитанная часть массы, которая непосредственную связь с народными корнями утеряла, потому что образование ее поверхностно и не достигло стадии творческой душевно-духовной переработки полученной информации. «Публика» сама не мыслит, так же как она сама не шьет себе сапог и не печет хлебов. И в умственном, как и в материальном отношении она живет на всем готовом, и ее готовые мысли только способствуют ее чувству довольства, именно потому, что они не возбуждают в ней двух беспокойных вопросов: «да так ли это?» и «что же дальше?» (Соловьев В.С. Россия через сто лет. Собр. соч. Т. 10. М., 1913. С. 139–140). Публика — та же масса, но приобретшая поверхностный лоск.

В качестве примера кардинального различия между массой и народной культурой приведем эпизод из фильма «Начни сначала». Идет заседание художественного совета, на котором обсуждаются песни героя фильма, в частности песня о поезде-жизни, в котором едут

два пассажира. Один из них утверждает, что поезд везет его туда, куда ему нужно, другой — что он не знает, куда едет. Один считает себя машинистом, другой — простым пассажиром и т.д. Песня заставляет задуматься над тем, кто мы в этой жизни, куда «едем». Встает представитель худсовета и говорит: «О чем эта песня? Куда именно едет поезд в ней и зачем? Ничего не понятно. Возьмите другую песню «На недельку до второго я уеду в Комарово». Здесь все ясно: куда человек едет и зачем. Вот как надо писать!» Данная сентенция — пример оболванивания, что делается сознательно. Здесь интересна одна деталь. Эстрадная бессмысленность в песне о поездке в Комарово выражается очень ярко, уводя слушателя от смысла, истории, гражданской активности. Это, так сказать, апофеоз бессмысленности, но в песне есть конкретный адресат и своя фактологическая реальность. Смысл этой реальности заключается, однако, именно в уходе от настоящей, духовной реальности культуры — реальности истории и смысла жизни, замене ее псевдореальностью. Эта в духовном отношении псевдореальность, уводящая от реальных жизненных проблем, именно и страшна и всегда связана с обманом и ложью. Это та реальность, которая не может устроить народ, реальность массовой культуры, псевдореальность, пытающаяся заглушить истинную реальность народной духовно-душевной жизни.

Конечно, можно защищать это и подобные ему произведения ссылкой на их не претендующий на многое развлекательный характер. Мол, надо людям когда-то и развлечься. Действительно, есть хорошая пословица «делу время, а потехе час», и опасность от данной продукции может быть в том случае, если она заполнит всю духовно-душевную жизнь человека в условиях, когда народная культура по тем или иным причинам не доходит до своего адресата, когда эстрадной бессмысленности не противостоят по настоящему глубокие про-

изведения. Роль народной культуры особенно важна еще и потому, что именно она, а не какие-либо запретительные меры, должна и способна помочь преодолению засилья массовой культуры.

Народная культура национальна, массовая культура не имеет отечества. Подчеркивание слова «отечество» не случайно, потому что именно через историю и философию своего народа идет наиболее полноценное приобщение к культуре мировой. Точно так же, как изучение литературы в первом классе начинается с русских сказок и со стихов Пушкина, который тоже, по его собственным словам, начал приобщаться к культуре через русские сказки, рассказанные няней Ариной Родионовной, так и изучение истории и философии должно начинаться с истории и философии национальной. Через душу, которая содержит в себе национальную компоненту, и через дух, включающий архетип народа, идет подлинное понимание культуры, которую легче воспринять человеку той же нации. Ф.М.Достоевский говорил о всемирной отзывчивости русской души, но начинать надо со своей культуры, а потом осознавать и другие, иначе отзывчивость останется, а культурности не возникнет. Изучение собственной культуры — ступень, благодаря которой можно подняться до вершин мировой культуры и овладеть «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Современное положение можно считать переходным к двум возможным состояниям. Первое из них — окончательное вырождение народа в массу, которая отупляется тяжелым трудом или, наоборот, теряя связь с трудом, разлагается в бессмысленном времяпрепровождении. Однако можно надеяться, что получившие грамотность, материальное обеспечение и возможность досуга обыватели смогут подняться к вершинам культуры и творческого труда. Наперед нельзя сказать, какой из вариантов осуществится, потому что процесс

развития общества не естественно-исторический, протекающий сам собой. В конечном счете все зависит от силы и направления желания людей, от того, как они будут жить и по какому пути пойдут. Ясно одно: пока существует масса, будет и потребность в идеологии как системе идей, приноровленных к массовому сознанию и управляющих им. А откуда такая потребность сохранится, не может быть отказа от идеологии. Идеология, понимая или нет, что своим триумфом обязана массе, стремится омассовить всех людей (собственно, все кошмары, за которые она ответственна, вызваны стремлением осуществить данное желание). Это круг, выход из которого заключается в индивидуальном усилении каждого стать личностью.

Эволюция идеологии: апофеоз подмен

Сейчас время господства идеологии и кризиса культуры. Эти вещи взаимосвязаны. Кризис духовной культуры не от того, что она что-то не создала (новые религии и т.п.), а от созданного ею — идеологии. Ко всем отраслям культуры можно относиться одинаково хорошо за исключением идеологии, ввергшей изнутри культуру в кризисное состояние. Идеология подчиняет себе все отрасли культуры и уничтожает, если подчинить не удастся, уменьшая тем самым разнообразие культурной системы и ее устойчивость.

Идеология защищает интересы определенных групп общества, но не каждого и всех в целом. Поэтому все хорошие слова остаются невыполнимыми. На этапе становления идеология (как любая отрасль культуры, претендующая на господство) использует весь интеллектуальный и нравственный багаж для создания привлекательного образа. В дальнейшем демагогическая шелуха отбрасывается под причитания ортодоксов: «разве вы не помните, что классик написал то-то там-то?».

Кризис культуры в лице идеологии заключается в том, что слова остаются словами, более того, их значение искажается и извращается. Сначала происходит подмена смыслов, а потом реальности. Подавляющее (в буквальном смысле) большинство старается для себя. Общие интересы подменяются частными.

Причина кризиса культуры в том, что все три идеологии дискредитировали себя, а других нет. В эпоху выхода масс на мировую арену требуется организующая культурная сила, которая направляла бы их. Идеология порождает подлинный энтузиазм (порой за счет обмана), приводящий к свершению грандиозных дел. Но растворение культуры в массе понижает ее уровень, как видно на примере цивилизации. Массовая культура подчиняется идеологии и материальным запросам. В целом, это раковая опухоль, из-за которой гибнет культурный организм.

В моменты кризиса культуры происходит ее расщепление и внутренняя борьба. Иногда говорят о культуре творческой и культуре потребительской. Последняя и есть массовая культура, так как масса может лишь потреблять, а не производить культуру.

В противоположность понятию массовой культуры уместно говорить об элитарной, или высокой, культуре, которая отличается от массовой, как небо от земли не тем, что необычна, а тем, что подлинна. Либо массы поднимутся на вершины культуры, либо культура падет в пропасть. Будущее культуры и человека зависит от ответа на вызов идеологии.

Из всех отраслей культуры идеология наиболее демагогична. С ней же связаны самые тяжелые подмены. Очевидно, что так и должно быть, так как она намеренно снижает свой духовный уровень, чтобы быть понятной всем, и, добиваясь этого, больше всего связана с материальной действительностью, являющейся главным источником подмен.

Основная причина нынешнего кризиса культуры заключается в том, что произошел опасный перекося от духовной культуры в сторону материальной жизни, от любовно-творческого стиля жизни, свойственного миру духовной культуры, к агрессивно-потребительскому стилю, свойственному миру материальной жизни человека. Движущей силой этого процесса является идеология как главная ныне отрасль культуры, которая сама по себе сдвинута в сторону материальной жизни.

Идеология возникает тогда, когда определенные слои общества готовы жертвовать собой во имя народа, и начинает переживать кризис, когда носители ее, придя к власти, начинают уничтожать несогласных. В конце концов сами проводники идеологии перестают верить в идеалы (если они у них были), и их уверения становятся ложью, видимой всем. Материальные средства искажают духовные цели и делают их неосуществимыми.

Сколько революционеров гибло за свободу и счастье людей, пока, наконец, идеология не победила. На алтарь принесены огромные жертвы, особенно в России. Но как только идеология приходит к власти, сразу начинается насилие и подмена. Идеология прикрывается гуманизмом — правами человека, класса, нации. На самом деле она — подмена гуманизма, потому что гуманное отношение к одним заменяется уничтожением других. Не может быть по-настоящему гуманного отношения к одним при геноциде по отношению к другим. Результат идеологической борьбы — две мировые войны и экологическая катастрофа. Война становится перманентной, переходя из горячей в холодную. Такой же постоянной становится война с природой.

Идеология неразрывно связана с тоталитаризмом, если не в виде подчинения человеку, то в виде подчинения материальному объекту. Формы тоталитарности разные: от жесткого физического принуждения до

мягкого денежного насилия. Тоталитаризм национализма и социализма вытекает из того, что эти идеологии открыто называют слои общества, которые противостоят им и нацеливают своих сторонников на борьбу. Буржуазная идеология вроде бы не признает открытых противников, но пронизана скрытым, денежным тоталитаризмом.

Все идеологии, настоянные на ненависти к тому, что им противостоит, одинаково враждебны к природе и совместными усилиями вызвали экокризис. Господство идеологии влечет насилие и кровь. Идеологии жертвуют людьми и природой в массовом масштабе, возводя насилие в культ. Появляется культ личности, а точнее культ безличности, из которого не вырастает культура. Идеология убивает не отдельных ученых, писателей, религиозных деятелей, а целые слои и классы, используя ссылки на волю Бога, объективные законы развития природы и общества и т.п. Это напоминает войны между кланами крыс до полного уничтожения всех, кроме одного.

Почему не осуществились величайшие чаяния человечества? Религия отвечает: из-за изначальной греховной природы человека. Идеология говорит: не созрели производительные силы общества или оно было слишком традиционным и закрытым и т.д. Метаисторическое объяснение: людей ведут по лабиринту высшие силы и наблюдают, как они попадают в тупик. Л.Н.Толстой склонен был видеть нравственные причины. Агрессивность становится самодовлеющей, постоянно расширяясь, и если ее не сдерживает нравственность, ведет от подмены к подмене. Люди должны стать лучше, но этого не происходит, потому что духовные искания превращаются в материальную власть, а самопожертвование сменяется насилием. Неестественная для духа и культуры агрессивность вредит природе и самому человеку.

Подмены объясняются не только трудностью достижения результата, а тем, что люди живут по приказу властей, а власть приобретают те, кто стремится к ней ради нее самой. Это обстоятельство затрудняет прогресс человечества и грозит новыми подменами. Подмена философских исканий в Древнем Риме, когда он пошел по пути завоеваний и гонений на христиан; подмена христианских чаяний инквизицией и индульгенциями во 2-м Риме; подмена целей православия задачами построения централизованной империи в 3-м Риме; подмена социалистических утопий становлением тоталитарного государства; подмена развития национального самосознания построением фашистского государства; подмена демократического устройства потребительским обществом — сплошная цепь подмен, основа которых власть, опирающаяся на насилие. Духовная эволюция зовет в рай. Но подмены ведут в ад. Это и есть «дорога в ад, вымощенная благами намерениями».

Подмены были и до идеологии, но именно в идеологическую эпоху они достигли грандиозных масштабов геополитическую землетрясения. Идеология загнала себя в тупик самоистребления тремя противоборствующими частями: идеологией национального государства, превратившейся в фашизм; идеологией свободы, превратившейся в капитализм; и идеологией равенства, превратившейся в тоталитарный социализм. Кризис будет продолжаться, пока от подмен не вернуться к добровольной жертве.

Над идеологией поднялся свет, обещающий превзойти ее на ее же поле битвы; свет, зажженный Махатмой Ганди, сумевшим вдохновить культурой ненасилия массовое движение. Это свет в конце идеологического туннеля. Что придет на смену? Экологический кризис свидетельствует, что должно прийти то, что станет адекватным ответом на него — экологическая мудрость и культура. Это не значит, что все опасности прекратятся. Дискредитировать демократию могут демок-

раты, пришедшие к власти. Дискредитировать экологию может достигшая власти экологическая партия, как раньше изменили своему предназначению, придя к власти, философия, религия, наука, идеология. Пока за идеи умирают люди, они побеждают; когда во имя их начинают убивать, они духовно деградируют. Это заставляет по-новому оценить толстовский уход и смерть Ганди от пули.

Любая отрасль культуры грозит подменой, если приходит к власти. Когда вся культура идеологизируется, наступает глобальный кризис, от которого нет иных путей спасения, кроме нравственного совершенствования. Иначе череда жертв и подмен неизбежна.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ

Для того, чтобы быть услышанным людьми, надо говорить с Голгофы, запечатлеть истину страданием, а еще лучше смертью.

Л. Толстой

Принцип «маятника» и прогресс

Говоря об истории развития человечества, Л.Н.Толстой подчеркивал, что настоящая история не в описании жизни правителей и их войн, а в культуре, отвечающей высшим нравственным чаяниям, которую творят представители народа. Подлинная история — история культуры, и, проследившая стадии ее развития, мы движемся в форватере человеческой эволюции. Жизнь и смерть Сократа, проповедь и распятие Христа, энтузиазм и сожжение Бруно сделали для прогресса человечества больше, чем победы всех завоевателей. Культура в целом есть процесс и результат ***творческого постижения и преобразования человеком окружающего мира.***

Как в материальном мире имеются четыре основные физические силы (биологи к ним прибавляют жизненную силу, а психологи — волю), так в мире духовной культуры выделяют три основные силы — ***веру, воображение, разум,*** которые вместе с пятью чувствами и интуицией создают культуру.

Культура — культ предков, но чтить их можно не только поклонением, но попытками стать, как они, творцами культуры. Безусловно, нужно соблюдать обряды

и ритуалы, если они делают человека культурно сильнее и помогают выполнению созидательных задач, но мы станем достойными тех, кто жил до нас, если будем обеспечивать *непрерывное развитие культуры* именно тем, что сотворим сами.

Первобытные народы называли своих предков культурными героями. Именно в этом проявляется значение, которое они придавали культуре. Культурные герои считаются «вечными», «несотворенными», «создателями вещей». Предок-творец символизирует могущество культуры.

Все первобытные культуры формируются на мифологических представлениях, более развитые — на религиозных, античные — на философских, новоевропейские — на научных. Таким образом, основу каждого типа культуры определяют мифологические, религиозные, философские представления, которые и составляют ее архетип. При этом складывается присущий той или иной культуре образ мира, в котором обязательно учитывается национальный характер народа, его собственная история, а также взаимосвязи с другими культурами.

Развивается культура *циклично* или *линейно*? На более ранние представления о линейности наложилась идея замкнутой цикличности Н.Я.Данилевского и О.Шпенглера. Они пытались обобщить многообразие проявлений данной культуры и подкрепляли свои взгляды использованием биологической и психологической терминологии, хотя именно за это подвергались критике. В идее сквозных типов культуры Сорокина (идеационального, чувственного, идеалистического) речь идет о периодической цикличности единого целого, как некоей симфонии культуры. Отдельные культуры — неповторимые и своеобразные ступени. Именно поэтому уничтожение — действие антикультурное, и подлинное развитие культуры осуществляется посредством жертвы. Развитие типов культур удовлетворяет принципу цикличности. Рассматривая же развитие культуры в целом, необходимо со-

единять элементы цикличности и направленности и таким образом получаем принцип развития культуры по спирали.

XIX в. принял и во многом дискредитировал идею прогресса из-за представления о его жесткой предопределенности. Из этого не следует, что от данного понятия надо отказаться. Эволюция культуры от доисторического состояния к более рациональным формам не подлежит сомнению. Прогресс культуры можно видеть в этом, а также в увеличении содержания культуры и в появлении новых отраслей. О прогрессе культуры можно говорить в смысле смены господствующих отраслей и в том смысле, что к старым произведениям прибавляются новые, увеличивая общее количество и разнообразие культурной системы (в то время как верования примитивных народов похожи друг на друга). Рост количества произведений и отраслей увеличивает «видовое разнообразие» культурной системы и, стало быть, устойчивость культуры (по аналогии с прямо пропорциональной зависимостью между видовым разнообразием и устойчивостью экологических систем).

Есть определенное содержательное противоречие между культурным прогрессом и прогрессом техники. Вооруженные железом дорийцы победили обладавших бронзовым оружием минойцев, но это была, как считает Тойнби, победа варварства над цивилизацией. Рассматривая вопрос о критерии роста цивилизации, Тойнби пишет, что таковым не может быть территориальная экспансия. Скорее наоборот, территориальная экспансия ведет к замедлению роста и его полной остановке. Здесь противоположность физической и духовной сил. «Территориальная экспансия приводит не к росту, а к распаду» (Тойнби А. Постижение истории... С. 218). Основываясь на изучении истории древнего мира, Тойнби делает вывод, «что если экспансия и имеет какое-либо соответствие росту, то здесь обратная пропорция, дру-

гими словами, территориальные захваты — симптом не социального роста, а социального распада» (Там же. С. 219). «Географическая экспансия и духовный рост находятся в обратной зависимости друг от друга» (Там же. С. 220). И в пределах одного государства проявляется обратная зависимость между физической силой и ростом духовной культуры, сформулированная на примере России Забелиным с поправкой на возможность достойного духовного ответа на давление власти. Критерием роста цивилизации, по Тойнби, не может быть и увеличение власти над природным окружением. И здесь действует скорее обратная зависимость.

Существует определенная аналогия между развитием культуры и отдельного человека. Развитие индивида Вико описывает так: «Люди сначала чувствуют, не замечая, потом замечают взволнованной и смущенной душой, наконец, обсуждают чистым умом» (Вико Д. Основания... С. 88). И человечество в целом сначала делает (материальная культура Человека Умелого), потом осознает смерть (мистика), чувства (искусство), пытается познать смысл чувствами (мифология), разумом (философия), верой (религия), проверкой (наука) и, отчаявшись, уходит в свои интересы (идеология), как бы возвращаясь к исходному пункту материальной культуры. Таково движение культуры по спирали с возвращением к исходной точке на новом уровне.

Вико показывает путь от антропоморфизма до овеществления: «Человек посредством понимания проясняет свой ум и постигает вещи, а посредством непонимания он делает эти вещи из самого себя и, превращаясь в них, становится ими самими» (Вико Д. Основания... С. 147). Можно сказать, что значение духовной культуры росло по сравнению с материальной, и так было еще во времена господства религии. При лидирующем положении науки материальная культура начала подниматься на чаше весов, а господство идеологии еще более упрочило ее положение.

В данной книге рассмотрено семь отраслей духовной культуры. Каждая последующая — синтез предыдущих, рождающий новое качество и сохраняющий из предыдущего все ценное для себя (закон отрицания отрицания Гегеля). Развитие отраслей можно представить следующим образом: мистика + искусство = мифология + философия = религия + наука = идеология. Эта цепочка свидетельствует об усложнении культуры, наподобие усложнения биологических видов.

Мистика и мифология — детство человека, философия и религия — его юность, наука и идеология — зрелость. Искусство, начинаясь в детстве, сопровождает человека всю жизнь. Ни философия, ни религия, ни наука не потеряли своего значения, хотя престиж философии никогда не был так высок, как во времена Платона и Аристотеля; религия никогда не располагала такой властью, как в средние века; наука никогда не пользовалась таким уважением, как в XIX в. Эти отрасли и сейчас присутствуют в культуре и может быть добьются выдающихся успехов, но пик их могущества в прошлом.

От Сократа идет спад философии вместе с накоплением знаний и престижа Академии. От Христа идет спад религии вместе с ростом веры и укреплением церкви. От Бруно идет спад науки вместе с ростом знания и значения научных открытий. Спираль начинает раскручиваться и творческая энергия порыва уменьшается с переходом в знание. «Раз пробудившись, мысль уже не засыпает более, она развивается в известную систему мыслей, растет от человека к человеку, от поколения к поколению, пока не достигает своего полного развития, после чего эта система мысли не может уже более расти и должна уступить место другой» (Карлейль Т. Теперь и прежде. М, 1994. С. 22).

Как только какая-либо отрасль начинает кичиться силой и уничтожает окружающее, наступает конец ее могущества. И так от мифологии до идеологии, а если

верить в существование и причины гибели Атлантиды, то от мистики. Смену господствующих отраслей культуры можно считать одной из культурологических закономерностей, отличной от закономерностей творчества, относящихся к психологии, и закономерностей отношений между носителями культуры, изучаемых в социологии.

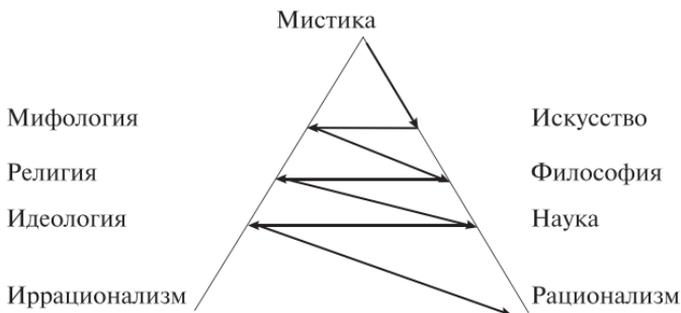
Первым вопрос о поиске закономерностей развития культуры на прочную эмпирическую базу поставил английский этнограф Э.Тайлор, отмечавший, что каждый этнологический музей демонстрирует удивительное сходство в орудиях, применяемых в самых различных частях света разными народами. Тайлор обратил внимание на необходимость изучения культуры как целого. «Точно так же, как каталог всех видов растений и животных известной местности дает нам представление о ее флоре и фауне, полный перечень явлений, составляющих принадлежность жизни известного народа, суммирует собою то целое, которое мы называем его культурой. Мы знаем, что отдаленные одна от другой области земного шара порождают такие виды растений и животных, между которыми существует удивительное сходство, которое, однако, отнюдь не является тождеством. Но ведь то же самое мы обнаруживаем в отдельных чертах развития и цивилизации обитателей этих стран» (Тайлор Э.Б. Первобытная культура... С. 23).

Закономерную смену господствующих отраслей культуры можно назвать принципом маятника. Любой процесс регулирования, в котором играют роль механизмы инерции (а культурный процесс именно таков), имеет тенденцию колебаться. В основе развития культуры лежит тенденция рационализации. Но она осуществляется не линейно, прибавляясь в каждой последующей отрасли, а скачкообразно. Философия более рациональна, чем мифология, но в следующей за философией религии рациональность уменьшается. За-

тем она опять повышается в науке, но уменьшается в идеологии. Это объясняется тем, что рационализм постепенно подходит к границам своих возможностей в пределах данной отрасли культуры, а вокруг остается широкое поле непостижимого. Обобщения на более широкие сферы приводят к росту иррационализма, поскольку обнажается неспособность разума их освоить. Приоритет начинают приобретать иррациональные течения, которые побеждают на какое-то время. Затем усиливаются попытки рационализации иррациональных результатов. Рациональность — тенденция, которая реально существует, но помимо нее есть идеалы, скажем, идеал бессмертия, и человек порывает с рациональностью, если иррационализм подает надежду на осуществление идеала.

Можно отметить другую причину смены лидирующих отраслей. Растущая дифференциация культуры вследствие увеличения ее разнообразия как более динамичная характеристика культурной системы приходит в противоречие с более статичными формами объединения содержания. Рост содержания кумулятивен, рост форм характеризуется преемственностью. Форма — вещь консервативная и прочная. Ее нельзя по желанию гоголевской невесты превратить в идеального жениха путем приставления одного качества одной формы к другому качеству другой. Это реальность, в которую можно влюбиться на всю жизнь, а можно разлюбить через определенное время. Обеспечение гармоничного развития культурной системы вынуждает замену одной формы другой как способ разрешения противоречия между формой и содержанием.

Маятник культуры выражает постоянный переход от главенства рационального компонента к главенству иррационального и обратно и необходимость того и другого. Это видно на схеме.

Мистика возникла до дифференциации на чувства и разум. Развитие чувств и образного мышления привело к становлению искусства. Затем развитие понятийного мышления привело к формированию мифологии, состоящей из двух уровней — образного и рационального. Дальнейшее развитие привело к становлению философии, в которой понятийный уровень стал единственным и самодовлеющим. Как только философия захватила власть (Марк Аврелий), выяснилось, что она не осуществит свои обещания, и начался поворот к религии. После захвата религией власти в индульгенцио-инквизиционную пору культура повернулась к науке. Наука, став всесильной, обнаружила свое бездушие. Люди обратились к идеологии, которая, придя к власти, продемонстрировала свою бесчеловечность.

Предпосылки одной отрасли постепенно созревали в другой: в мифологии растет рациональная компонента и образы начинают пониматься иносказательно, вплоть до возникновения философии; в философии по мере впадения в скептицизм прорастала вера (в неоплатонизме) вплоть до торжества религии; в религии зреет разумное начало вплоть до торжества науки; в науке растет понимание того, что она основывается на вере в объективную реальность вплоть до торжества

идеологии. Таков ход маятника. Каждая отрасль не возвращается в исходную точку. Меняются преобладающие чувства: сначала в искусстве довлеет воображение, затем в религии вера, наконец, в идеологии интерес. Разум науки отличается от философского разума своей опорой на эмпирическую реальность.

С развитием тенденции рационализации амплитуда маятника увеличивается. Если «расстояние» между мистикой, искусством и мифологией еще невелико, то философия отходит от мифологии дальше, религия от философии еще дальше и т.д.

Отрасли чередуются по степени воздействия на массы: большое — у мистики, мифологии, религии, идеологии, меньшее — у философии и науки. Это связано со степенью рациональности. Менее рациональное распространяется на большее количество людей, что означает, что меньшинство людей мыслит рационально. В каждом типе культур имеет место различное соотношение отраслей, и этим определяется их своеобразие. В восточных типах культур, в которых создались все великие религии, данная отрасль культуры всегда имела большее значение, чем в западных типах, в которых преобладали философия и наука.

Еще один вывод из внутренней борьбы между отраслями культуры и учениями делает Тойнби, анализируя борьбу между конфуцианством и буддизмом в Китае и аристотелевской философией и богословием в средневековой Европе: «...более сильной оказывается сторона, не находящаяся у власти» (Тойнби А. Постижение истории... С. 605).

На основе принципа маятника можно прогнозировать будущее культуры. На следующей ступени можно ожидать возвращение к господству рационального. Тенденция рационализации, которую у нас нет оснований считать завершенной, служит интеллектуальной основой эволюции культуры.

Равновесие культуры — это миг отсутствия господства какой-либо отрасли над другими, когда одна уже потеряла лидирующую роль, а другая не приобрела. Борьба представляется неизбежной в определенный период. В этом смысле «не мир пришел я принести, но меч».

По аналогии с социальной, научной и т.д. можно говорить о культурной революции, имея в виду процесс скачкообразного перехода от главенства одной отрасли культуры к другой. По крайней мере три такие революции можно назвать: философскую, религиозную, научную. Движущей силой революции был творец, приносивший себя в жертву, а создателями новой отрасли культуры становились его ученики и последователи, вдохновленные его жертвой. Действительно, как иначе можно победить, если физический перевес на стороне противника.

Отрасли культуры как живые организмы, этносы, экосистемы проходят цикл развития. В свою очередь, каждый человек проходит путь развития культуры в целом. «Подобно тому, как история развития человеческого зародыша во чреве матери представляет собой только повторение разворачивавшейся на протяжении миллионов лет истории физического развития наших животных предков, точно так же и духовное развитие ребенка представляет собой только еще более сокращенное повторение умственного развития тех же предков — по крайней мере более поздних» (Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1952. С. 140). В соответствии с так называемым «биогенетическим законом» современный человек не только телесно, но и духовно-психически сокращенно воспроизводит свое природно-биологическое прошлое.

Сначала, как установили психологи, имеет место синкретическое восприятие, затем восприятие с помощью построенных из образов схем, объективных или субъективных, и лишь затем аналитическое восприятие, которое развивается от вербального синк-

ретизма до теоретического синтеза. Это соответствует последовательному развитию мистики, искусства, мифологии, философии.

Пиаже установил три этапа развития ребенка: 1) до 7–8 лет — этап интеллектуального реализма, когда ребенок отождествляет слово и предмет; 2) 8–11 лет — этап вербального синкретизма, когда ребенок понимает причины действий, но не может объяснить причины абстрактных понятий; 3) 11–12 лет, когда появляется абстрактное мышление. 1-й этап соответствует мистике и искусству, 2-й — мифологии и 3-й — философии.

Исходной точкой служит отсутствие какой-либо дифференциации. Начиная с 1 года и 9 месяцев или с 2 лет, по Пиаже, существует «да» или «нет», действительное и недействительное, без всяких оттенков. Это первая дифференциация. К 3 годам воображаемое отделяется от действительного. Эта стадия соответствует существованию искусства. К 7 годам ребенок овладевает мифологическим мышлением соположения, а после 7 лет формируется причинный и логический порядок рассуждения. «Главное свойство детской причинности и состоит в отсутствии различия причинной точки зрения от точки зрения логической, которые обе еще смешаны с точкой зрения намерения или психологического мотива» (Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. СПб., 1997. С. 205). Исходным для ребенка является «почему» психологической мотивировки, из которой следует «почему» причинного объяснения и «почему» обоснования. Это объясняет характерный для детей антропоморфизм и анимизм, который присущ и развитию человека как вида.

Пиаже пишет далее: «После 7–8 лет эти черты эгоцентризма не исчезают мгновенно, но остаются кристаллизованными в наиболее отвлеченной части мысли, которой труднее всего оперировать, а именно в плане мысли чисто вербальной. Таким образом, между 7 с

половиной и 11–12 годами ребенок может не обнаруживать никаких следов синкретизма в понимании восприятия, то есть в мысли, связанной с непосредственным наблюдением (сопровождаемой или не сопровождаемой речью), и сохранить очевидные следы синкретизма в словесном понимании, то есть в мысли, оторванной от непосредственного наблюдения. Этот синкретизм, наблюдающийся после 7–8 лет, мы будем называть вербальным синкретизмом» (Пиаже Ж. Речь... С. 134). Здесь разгадка того, что примитивные народы мыслят вполне логично в практической сфере, и в то же время их мифология позволяет заключить о наличии дологической стадии мышления. Проводя аналогию между развитием ребенка и человечества, можно сказать, что данным народам от 7 до 12 лет. «В речи, как и в восприятии, мысль идет от целого к частностям, от синкретизма к анализу, а не обратно», — заключает Пиаже.

По Э.Гартману, сознание происходит из удивления перед нежелательным представлением. Что является наиболее нежелательным представлением? По-видимому, смерть. Она и является источником сознания. Так же, по Пиаже, для детей в жизни «нет ничего удивительного до тех пор, пока ребенок не осознает разницы между жизнью и смертью. С этого момента смерть вызывает особое любопытство ребенка именно потому, что если за каждым явлением скрывается мотив, то смерть требует особого объяснения. Следовательно, ребенок будет искать критерий для различения жизни и смерти; эти поиски приводят его к подстановке в части предпричинного объяснения и к отысканию мотивов причинного объяснения и даже иногда к осознанию случайного» (Там же. С. 215–216).

Что касается взрослого человека, то не только душу, как это делал К.Юнг, но и дух можно сравнить со строением: сверху более поздние отрасли, под ними ранние. В сознании и бессознательном сохраняются все

стадии развития духовной культуры в форме архетипов. Люди тоже делятся на 7 духовных типов — мистики, художники, мифологи, философы, верующие, ученые, идеологи — в зависимости от того, какая отрасль господствует в них. Конечно, количество принадлежащих к данному типу зависит от того, какая отрасль господствует в данное время, но жесткой связи нет. В эпоху господства идеологии есть представители всех других типов и, скажем, мистик по натуре, если он творчески подходит к культуре, будет, как Р.Штайнер, использовать все достижения культуры для подтверждения своих взглядов. Так в XX в. возникает антропософия. Ее влияние на современников определяется не только историческими условиями, но и индивидуальной духовной силой, которая притягивает к себе все культурные феномены, осуществляя их синтез.

К образу прибавляется мысль, к мысли вера, к вере опыт, к опыту интерес, — и получается культурный сплав, помогающий выживанию. Отрасли культуры не только сменяют друг друга на пьедестале, но в процессе борьбы составляют единство многообразного, в том числе противоположного.

Жертвы и подмены

Мы воспринимаем культуру как данность и не задумываемся над тем, сколько усилий стоило ее создание. Не только искусство требует жертв, но и философия, религия, наука, идеология. Культура в целом является «искупительной жертвой» человечества. Слово «культура», по Вико, связано со словом «жертва», так как первым культом было сооружение алтарей и принесение в жертву людей, осквернявших считавшиеся священными первые хлебные поля. Как растения рождаются после смерти зерна, так культура рождается после жертвы.

Если наука найдет гены, ответственные за жертву во имя истины, это будет биологическим объяснением феномена. Пока можно констатировать, что именно жертва ведет к победе культуры. Смерть Сократа, Иисуса Христа, Джордано Бруно — это, говоря современным научным языком, точки бифуркации в развитии культуры. Если синергетика дала действительно универсальную схему развития, то она приложима и к культуре. При этом жертва представляет точку бифуркации, синтез — линейный процесс роста, подмена — переход в неустойчивое состояние.

Жертвы Сократа, Христа и Бруно — экстраординарные события по своему значению, но они лишь высшее проявление разрешения противоречия между миром духовной культуры и миром материальной жизни человека, которое действует всегда и повсюду. Как говорил Т.Элиот, «движение художника — постепенное и непрерывное самопожертвование».

Характер жертвы зависит от типа культуры. Так в религиозном типе культуры человек жертвует всем ради Бога, в научном — ради знания, в идеологическом — ради интересов класса, нации. Во всех случаях жертва служит двигателем культуры. Она предпринимается не для того, чтобы что-то произошло, а сама есть событие, за которым следует желаемое. Всякая жертва, если она, как писал Л.Андреев, чистая и печальная, содержит пользу в самой себе.

Культура не может победить насилием, она побеждает посредством добровольной жертвы. Отсюда обоснование добродетели: истинный прогресс — прогресс культуры, он идет через жертву, а для того, чтобы быть способным к жертве, надо обладать добродетелью. Святость жизни проверяется готовностью к жертве. Если человек рвется к власти и готов идти по трупам, лишь бы удержать ее, то такой человек от дьявола. Если человек ради своих убеждений готов пожертвовать собой

и никогда не изменяет им под влиянием внешних обстоятельств — такой человек от Бога. Духовное значение жертв прозрели те, кто называл жертвующих собой святыми. Святой говорит: «Я разрушаю себя для того, чтобы мир жил. Я даю своей жертвой энергию миру».

Аналогично физической и психической энергии можно говорить о культурной энергии. Это энергия жертвы. Самопожертвование — не пассивное ожидание нападения, а активное стремление к жертвенности. Как при смене общественно-экономических формаций один способ производства как форма не обладает сам по себе достаточной энергией, чтобы вытеснить другой, так и отрасль культуры как форма не обладает необходимой силой, чтобы сделать это, и нужна энергия, чтобы «процесс пошел». Эту энергию обеспечивает жертва. Жертвы нужны как топливо, создающее необходимый для победы заряд энергии.

Жертва — энтропийный процесс с точки зрения физики, но негэнтропийный с точки зрения культуры. Разрушение телесного ведет к развитию духовного. Жертва создает свободную духовную энергию в культурной системе, которая обеспечивает становление новой отрасли и новое качество культуры в целом. Энергия жизни создает культурный синтез, энергия смерти обеспечивает его победу. Приводя к торжеству данную отрасль культуры, энергия распространяется на ее последователей, а затем воздействует на широкие массы, делая рождающихся в духе людей, как говорили индийцы, «дваждырожденными».

А. Тойнби пишет, «что каждая из философий и высших религий пришла в мир в то время и в том месте, когда и где бесконечные муки и страдания народа еще более усиливались горестным испытанием переживания упадка и гибели земной цивилизации» (Философия истории... С. 229) и приводит слова Эсхила, что знание приобретает через страдание. Страдание яв-

ляется ферментом культурного прогресса. Герой Арцыбашева писатель Чатырев говорил, что для развития таланта надо страдать. «Мы творим от горя и страдания», — писал Бердяев. Все трудности жизни — причина для жертвы, ведущей к новому этапу развития.

В широком смысле культурная жертва есть способ инициации культуры и ее вечного возрождения. Жертва — мутация, ведущая к эволюции. Через добровольную жертву создается новый культурный код.

Каждая отрасль культуры имеет свой предмет, и они могли бы работать, не мешая друг другу. Но идет борьба за привлечение интереса и интеллектуальных и материальных сил, которые всегда ограничены. Она в переломные периоды развития культуры может быть очень жестокой. «Подвижники прошлого для того, чтобы лучше запечатлеть в сознании людей величие провозглашенных ими истин, чаще всего кончали костром или героической гибелью. Во всяком случае жизнь, как правило, несла на себе оттенок мученической аскезы или своего рода — социального поражения» (Ключников С.Ю. Провозвестница эпохи огня... С. 144). Слово «запечатление» позволяет вспомнить, что этологи обозначают им способ научения. А слова «социальное поражение» означают, что господствующая отрасль культуры применяет физическую силу для борьбы с соперниками. Отсюда необходимость жертв.

Каков механизм действия жертвы? Будем основываться на аналогии с физическим процессом. Гибель высвобождает большое количество энергии, которая подпитывает систему и приводит ее в состояние неустойчивости. Чем больше количество энергии, тем больше вероятность перехода системы в новое качество. Это процесс, аналогичный процессу рождения материи в модели Пригожина и другим процессам, изучаемым синергетикой.

Два камня, которые человек бьет друг о друга, — это точка сингулярности материальной культуры, ведущая к созданию орудий труда и сопровождающаяся высеканием искры, ведущей к использованию огня. Так же борьба двух отраслей культуры сопровождается высеканием духовной искры, ведущей к духовному свету.

«Казни, как всегда, только усиливали веру последователей», — писал Л.Н.Толстой (Толстой Л.Н. Почему христианские народы... // Толстовский листок. Т. I. М., 1990. С. 23). Основатель новой отрасли культуры должен физически погибнуть, чтобы создался духовный плод. «Тот, кто любит свою плотскую жизнь, тот теряет жизнь истинную, а кто небрежет жизнью плотской, тот сохранит ее в жизнь вечную» (Евангелие Толстого // Там же. С. 57). Жизнь вечная здесь и есть жизнь культуры. И Христос у Толстого говорит: «...смерть моя нужна для утверждения истины. Смерть моя, при которой я не отступаю от истины, утвердит вас, и вы поймете, в чем ложь, в чем истина и что выходит из знания лжи и истины. Вы поймете, что ложь в том, что люди верят плотской жизни, а не верят в жизнь духа; что истина в соединении с отцом и что из этого выходит победа духа над плотью» (Там же. с. 59). Культура развивается через победу духа над плотью.

Хотя жертва приводит к созданию качественно нового, она не является сама по себе чем-то чудесным. «Показать, что религия, основанная Иисусом, была естественным следствием всего предшествовавшего, не значит умалить ее значение; это значит лишь доказать, что она имела свои разумные основания, была законной, то есть соответствовала инстинктам и потребностям сердца данного века» (Ренан Э. Жизнь Иисуса... С. 291). Не только данного.

Обычай приносить жертвы имеет универсальное общечеловеческое значение. Особо обращалось внимание на беспорочность жертвы, отсутствие у нее недо-

статков. Возраст также оговаривался. Это относилось к приносимым в жертву животным. У евреев из мелкого скота (козы, овцы) — однолетний, из крупного (быки, волы) — трехлетний.

Прогресс культуры имеет место именно потому, что побеждает ненасилие и непротивление злу. Это, видимо, имел в виду Лао-цзы, когда писал: «Слабейшее побеждает сильнейшее, нежное и хрупкое побеждает грубое и прочное». В мире материальной жизни господствует закон насилия, в культуре закон победы через жертву. Были жертвы большие и незаметные, подчас неизвестные. На их костях и крови созидалась культура. Как главной чертой бескультурья является насилие, так главной чертой культуры является жертвенность.

Отказ от культуры, даже если его назвать культурной революцией, ведет к торжеству насилия. Фашисты почерпнули у Э.Гартмана и Ницше так называемый «закон культурного развития», в соответствии с которым в мире господствует «естественный отбор и самоутверждение более сильного и храброго», а справедливость, мораль и т.п. «лишь вспомогательные средства каждой общественной системы для создания социального строя. Такие вспомогательные средства — изобретения человека и никоим образом не затрагивают вечного основного закона борьбы и отбора... Только сильнейший побеждает в мире и только он определяет, что есть справедливость и мораль» (Откровения и признания. М., 1996. С. 399). Если зло торжествует в сфере материальной жизни, то «смерть на Кресте означает... что царство Его не от мира сего» (Тойнби А. Постигание истории... С. 445). Смерть Сократа, Дж.Бруно означает, что культура не от мира сего. Царство Божие внутри вас — это мир духовной культуры.

Есть различия между законами материальной и духовной жизни человека. Законы мира духовной культуры — законы мира, любви и гармонии. В культуре дей-

ствует принцип: «Ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится» (Матф. 23:12). Борьба в сфере духа ведется иными способами, чем в мире материальной жизни.

Имеет место гегелевская триада: тезис — жизнь, анти-тезис — жертва, синтез — культура. К жертвоприношению в иных формах Элиаде приравнивает дуэль и войны. «Героическая дуэль — это жертвоприношение. Война — это декадентский ритуал, в котором богам победы приносятся бесчисленные жертвы» (Элиаде М. Мифы... С. 233). В этой системе представлений по-новому осмысливается понятие жертвы и героизма как такового. Смысл жертвы, возможно, не в родственном или групповом отборе, как считает социобиология, а в том, что в человеке существует культурное измерение, проявляющееся в жизни.

Но вот данная отрасль культуры приходит к власти и жертвы перестают быть необходимыми. Наступает время построения того, за что отдана жизнь. Сократ пожег себя собой, а Аристотель предпочел покинуть Афины. Христос был распят, а Петр трижды отрекся от него. Бруно сожгли, а Галилей отказался от своих убеждений. В период культурной революции преобладает борьба. Революция требует жертв и гонения на другие отрасли культуры ведут к уменьшению культурного разнообразия. На синтезирующем этапе развития культуры, который можно назвать нормальным (по аналогии с нормальным периодом развития науки, по Куну), разнообразие культурной системы начинает увеличиваться. В целом, процесс развития культуры напоминает введенный в социологии П.Сорокиным закон стратификации, в соответствии с которым в нормальный период развития общества расслоение увеличивается. Назовем аналогичный закон культурологии законом культурной стратификации (можно также использовать понятие культурной пирамиды). Основу стратификации-

онного усложнения культурной пирамиды составляет то, что творчество представляет собой процесс создания новых связей.

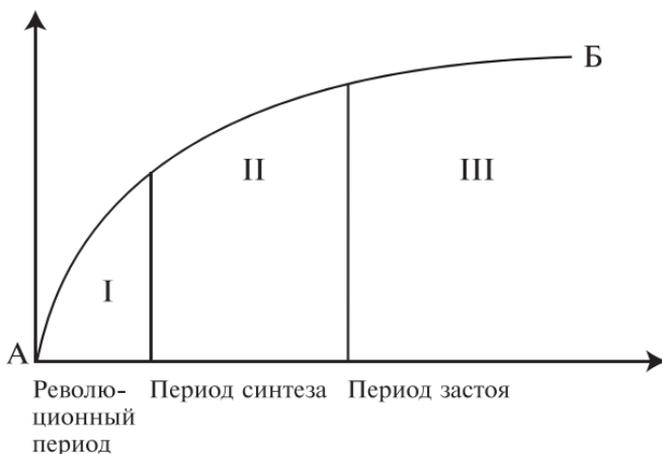
В науке имеет место преемственность теоретического знания, в философии — отрицание отрицания, т.е. сохранение на последующих стадиях всего ценного, что имело место на предыдущих стадиях с устранением несущественного. Для синтеза в одной отрасли культуры необходим материал других отраслей. Например, для синтеза ислама понадобилась и философия (неоплатонизм), и мистицизм (учение гностиков), и мифы (религиозные и языческие), и искусство (текст Корана — произведение искусства) и т.п. Каждая новая отрасль культуры увеличивает выбор индивидуальных возможностей. Творчество увеличивает культурное разнообразие, а оно повышает устойчивость культурной системы (аналогично основному закону экологии о прямо пропорциональной зависимости между видовым разнообразием и устойчивостью). Разнообразие должно интегрироваться, чтобы система не распалась (как в природе интегрируются атомы, молекулы, клетки, организмы, экосистемы, биосфера). В основе развития культуры, как и природы, лежит принцип интегративного разнообразия.

Синтез, в свою очередь, подрывает господство данной отрасли культуры и приближает точку бифуркации и следующей культурной революции. Создателей новых отраслей культуры (Сократ, Христос) убивали, осуществлявших культурный синтез (Овидий, Данте) чаще изгоняли, но они не были лишены возможности выполнить свое предназначение, так как для синтеза требуется время.

Взаимодействие мира культуры со средой в чем-то аналогично экологическим взаимодействиям. По мнению К.Лоренца, культуру можно уподобить биологическому виду. В данном случае мы проводим аналогию между отраслью культуры и биологическим видом, тип

культуры уподобляем экосистеме, а культурное окружение — природной среде. Развитие культурной системы аналогично развитию экосистемы. Оно также идет в направлении ослабления доминирования и конкуренции и роста разнообразия и информации. Стадия зрелости экосистемы соответствует стадии культурного синтеза, на которой истина уже не «глаголет устами младенца», а включает в себя все больше духовных компонентов, пока, наконец, на вершине могущества, когда кажется, что культурная система может включить в себя все, она не распадется.

Развитие отрасли напоминает развитие популяции: период резкого увеличения произведений и последователей (революционный период); плавный период (синтеза); горизонтальный период застоя (подмен), когда дух культуры засоряется материальностью (плотскостью), т.е. начинают преобладать интересы тела и агрессививно-потребительская модель поведения. Схематически это выглядит так:

На первой стадии имеет место жертва, дающая энергию, на второй — рост влияния отрасли, на третьей — подмена, тормозящая, аналогично силе трения, развитие отрасли. А и Б — точки бифуркации. Период застоя ведет к точке бифуркации, после чего главенствующее положение занимает другая отрасль.

Аналогично можно построить схему развития культуры в целом, где сплошной линией обозначено лидерство данной отрасли культуры, а пунктиром — развитие отрасли после потери ею лидирующей позиции.

Конечно, это всего лишь упрощенная схема. Кривые развития отраслей могут также отличаться друг от друга, как формы галактик. Границы трех первых отраслей культуры условны.

Вспомним, что в универсальной схеме развития, предложенной синергетикой, чередуются фазы устойчивости и неустойчивости, нормального развития и рево-

люционных изменений. Культурные системы, как один из типов систем, наравне с физическими и биологическими, подчиняются этим закономерностям. Как о физических, столь же оправданно говорить о духовных силах.

Возможно, существуют культурные законы столь же точные, как законы механики. Для количественной оценки развития культуры можно использовать методы экспертной оценки, индексы цитирования и т.п.

Продолжим аналогию между развитием культуры и сукцессией. Как в экосистеме вид создает условия, благоприятные для существования другого вида, давая ему дорогу (анаэробные бактерии, продуцируя кислород, создали кислородную атмосферу и условия для аэробной жизни), так в культуре одна отрасль создает учреждения, которые затем выступают против нее (созданные католическим духовенством университеты вскоре стали его противниками). В итоге имеем спираль развития: жертва — развитие данной отрасли культуры — ее доминирование — подмена — новая жертва. Каждая отрасль проходит свой цикл (аналог экологической сукцессии).

Жертва — революционный момент в развитии культуры, синтез — момент нормальный. За ним следует подмена, «Существует земной закон, по которому с того момента, как прекращается всякое преследование и достигается всеобщее признание, начинается и разложение» (*Ключников С.Ю.* Провозвестница эпохи огня... С. 143, слова Е.И.Рерих). За великими жертвами стоят великие подмены: за Сократом — Марк Аврелий, за Христом — римский папа Борджиа, за Руссо — Робеспьер и т.д. Таков ритм развития духовной культуры, которое необратимо, поскольку закон необратимости эволюции, сформулированный в палеонтологии, универсален, а стало быть, приложим и к сфере культуры.

Подмены в культуре происходят потому, что культура не может развиваться по принципу власти, а становясь главенствующей, она получает власть. «Всякая

идея утрачивает свою чистоту, лишь только она обнаруживает стремление осуществиться. Тут никогда нельзя добиться успеха без некоторого трения, от которого страдает чуткая душа» (Ренан Э. Жизнь Иисуса... С. 188). Успех обманчив и приводит к подмене и поражению. Слава ведет в тупик, как писал В.И.Немирович-Данченко.

Подмены начинаются с момента достижения данной отраслью главенствующего положения (это свойственно, как считает Сорокин, и типам культур). Свидетельством начала подмены служит агрессивность. Какое искушение — господствуя, взяться за меч! Но «взявший меч от меча и погибнет». Добровольная жертва — наиболее эффективное средство утверждения идеи, убийство — начало ее подмены.

Став господствующей, отрасль поддается «соблазну физического насилия» (слова Тойнби о папстве) и тогда «остальные папские добродетели быстро превратились в пороки; замена духовного меча на материальный есть главная и роковая перемена, а все другие — лишь ее следствия» (А.Тойнби. Постижение... С. 330). То же самое случилось ранее с философией, которую не мог спасти, а только погубил философ на троне Марк Аврелий, а позже с идеологией, которая доказала, что нельзя добиться духовных целей материальными средствами. Все это следствия «принесения в жертву духа во имя меча земного» (Там же. С. 331). Тут имеем дело с обратной жертвой — не тела во имя духа, но духа во имя тела. В этом суть подмены — принесение в жертву духа. Подмена — жертва наоборот.

Становясь главенствующей, отрасль культуры привлекает к себе все больше сторонников из нетворческого большинства, не столько из-за своих идеалов, сколько из-за положения, славы и власти, которые она дает. И это увеличивает опасность предательства и извращения целей данной отрасли. Конец очевиден.

Жертва, переходя в организацию, а затем институт, приближает подмену, утверждал Сартр в «Критике диалектического разума». Сартр использовал понятия «инертной практики», «отчуждения», «овеществления», «серийности», «рассеяния» и т.д. Человеческая истина всегда находится на стороне жертвы, писал Сартр. Со стороны жертва предстает как личная трагедия, но это не так, если рассматривать ее изнутри.

Общество не может уничтожить культуру, потому что развивается за ее счет, но оно пытается упростить ее для повышения эффективности управления. Здесь действует кибернетический закон необходимого разнообразия, который составляет основу подмен. Прогресс человечества, за который ответственна духовная культура, сходит на нет и даже направляется в обратную сторону. Жизнь создает силу инерции, препятствующей движению. Материальное торжество данной культуры чревато ее гибелью. Как говорил А.Бергсон, инерция материи сопротивляется жизненному порыву, энергии жизненного импульса.

Могут ли существовать подмены без жертв? Жертва является источником развития и дает энергию, которая движет мир, а подмены стремятся его остановить. Можно привести аналогию с физическим законом инерции, который обобщил на биосферу В.И.Вернадский. Жертвенность создает энергию, которую гасит инерция подмен.

Зиммель указывает еще две причины подмен: 1) расщепление («эффект вавилонской башни») — подмена целостности отдельностями, когда культура расщепляется в своем развитии на отдельные части; подмена цели средствами в результате формализации и автономизации объектов культуры, когда они начинают существовать по своим внутренним законам и логике. Субъективную причину выдвигает Тэн — развлечение творцов материальным.

Первой подменой можно считать «первородный грех». Жертва Христа искупила его. Жертва искупает подмены в соответствии с принципом Тойнби: поражение священника (имеется в виду духовная подмена) — сигнал для пророка. Подмены требуют жертв, которые стимулируют переход от одних отраслей к другим. То, что здесь называется жертвой и подменой, И.Ефремов называл соответственно «моральной стойкостью» и «моральным износом цивилизации». Обобщив понятия жертвы и подмены, получаем «роковой закон» (Ренан Э. Жизнь... С. 292).

Почему необходимо много отраслей и типов культуры и не происходит полной замены старого новым? Действует закон культурного разнообразия, который также аналогичен основному закону экологии, как закон жертвы — модели происхождения материи, предложенной Пригожиным, а закон подмены — закону роста энтропии. Закон жертвы ответственен за становление нового, закон разнообразия — за сохранение старого, закон подмены — за смену отраслей. Если бы не было подмены, не было бы потребности в обновлении; если бы не было жертв, не утверждалось бы новое; если бы не было разнообразия, старое погибало бы.

Таким образом, добровольная жертва имеет не менее фундаментальное онтологическое основание, чем насилие, и каждый вправе занять свое место на «шкале» от жертвы до подмены, от насилия до любви. Имеется в виду, конечно, любовь-агапэ, жертвенная любовь.

Для сравнения изложим концепцию генезиса цивилизаций Тойнби. Первая стадия — Вызов. «Вторая стадия в испытании человека — это кризис... в отчаянии и ужасе он восстает против судьбы, которая через его же деяния привела его на жертвенный костер. Кризис преодолевается осознанием себя как инструмента Бога, средства для достижения Его цели» (Тойнби А. Постигание... С. 111–112). Ситуацией типа «Вызов и От-

вет» Тойнби объясняет возникновение цивилизаций. Начало подмен аналогично тойнбиеву надлому цивилизаций, а торжество подмен — распаду. Надлом, по Тойнби, происходит от внутренних причин, одна из которых грех. Тут два варианта. Один — «стремление, совершив однажды творческий акт, почтить на лаврах» (Там же. С. 308). Второй — «когда субъект, опьяненный успехом, утрачивает душевное и умственное равновесие и сам становится причиной несчастий, пытаясь добиться невозможного» (Там же. С. 309). Тойнби называет также чрезмерное увлечение прошлым (это касается Афин) и самоидолизацию (это касается Венеции и Византии).

Рассматривая творческий ответ на вооруженную агрессию, Тойнби делает вывод, что «милитаризм сам по себе является источником творческой энергии» (Там же. С. 139). Бедность, унижение — это постоянно действующие стимулы к преодолению трудностей, тогда как богатство, слава, свойственные господствующему положению, расслабляют человека. Рассматривая представления Тойнби, необходимо помнить, что закономерности мира культуры не совпадают с закономерностями мира материальной жизни, так же как законы, по которым живет Человек Духовный, не совпадают с законами, по которым живет Человек Разумный.

Свою схему развития культуры формулирует А.Кребер: создание образца (паттерна) — его развитие — разложение его. Кребер считает, «что когда культурная энергия реализуется в творческих паттернах, ее высвобождение на подъеме происходит стремительно, в то время как спад происходит постепенно» (Антология исследований культуры... С. 477). В высших цивилизациях создание высших ценностей, как считает Кребер, проявляется в форме временных вспышек. Если это так, то вполне логично признать причиной их «всплеск энтропии», о котором говорится в модели происхождения материи, созданной синергетикой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

БУДУЩЕЕ И СМЫСЛ КУЛЬТУРЫ

Для тех, кто работает для будущего,
смерть является желанной.

Э.Ренан

Кризис культуры и определение перспектив

В существующих концепциях культуры, ни одна из которых не представляется идеальной, можно выделить рациональное зерно. Ценность марксистской концепции — в представлении о законах и прогрессе, хотя она не учитывает специфики культуры как таковой. Ценность фрейдистской концепции — в анализе значения культуры для индивида, хотя это значение не выявлено в полной мере. Ценность идей Шпенглера — в формулировании особых закономерностей развития в пределах данного типа культуры, хотя специфика и динамика отраслей остается за рамками рассмотрения.

Отрасль культуры, которая является властительницей дум, может претендовать на господство. Таковой сейчас нет, хотя лидирующее положение продолжает занимать идеология. В этих условиях наблюдается стремление людей зацепиться за уступы искусства, мифологии, философии, религии, науки. Оно похвально, но мало кому удается достичь желаемого. «Сегодня человек с болью воспринимает тот факт, что ни его великие религии, ни многочисленные философии не дают ему

того мощного воодушевляющего идеала, обеспечивающего ту безопасность, в которой он нуждается перед лицом нынешнего состояния мира» (Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С. 92).

Формальное господство идеологии при утрате ею созидательной энергии, которую не могут восполнить другие отрасли, ведет к кризису культуры и обострению глобальных проблем современности. Две главные глобальные опасности, грозящие культуре и всему человечеству, — истребление в термоядерной войне и экологическая катастрофа.

Ощущением и переживанием кризиса, который несет господство идеологии, проникнута книга Шпенглера «Закат Европы». Шпенглер дает одномерное видение развития цивилизаций. Отрасли культуры он рассматривает так, как будто они существовали от века, а не создавались одна за другой. Эволюцию трудно выявить на небольшом отрезке времени, как трудно заметить, идя по поверхности Земли, что она круглая.

В каком бы состоянии ни находилась культура, пока она существует, есть перспективы развития, которые непредсказуемы рациональными способами, хотя на основе познания прошлого можно предполагать, что нечто может наступить в будущем. Имея в виду основную тенденцию развития человечества, можно предположить, что будущее культуры зависит от способности человека, идя по пути рационализации, стать Человеком Духовным.

История культуры демонстрирует смену лидирующих отраслей культуры. Каждая из них имеет свои границы. Слова Ницше о том, что «когда дух науки дойдет до своих границ и его притязание на универсальное значение будет опровергнуто указанием на наличность этих границ» (Ницше Ф. Рождение трагедии... С. 123), можно отнести ко всем отраслям культуры.

Возможно ли учение, которое удовлетворило бы человечество навсегда? Сомнительно, учитывая творческую природу человека и свойственную ему боязнь скуки. Люди хотят вечной жизни, но возможна ли вечная религия?

Общая линия развития дает возможность представить, что впереди переход от устойчивого состояния порядка в зону неустойчивости, как во времена Сократа, Христа и Бруно, которая заканчивается жертвой в точке бифуркации. В период кризиса деструктивное побеждается с помощью механизма, ответственного за развитие культуры — жертвы. Талейран сказал человеку, вздумавшему основать новую религию: «Иисус Христос, чтобы основать свою религию, умер на кресте и воскрес; я полагаю, что вам надо попытаться сделать то же самое» (Всемирное остроумие. Дубна, 1995. С. 179). Итак, прогресс зависит от способности самопожертвования.

Достоверность предвидения ограничивается самим пониманием того, что такое прогресс. «В то время как ученые и философы задаются еще вопросом есть ли цивилизация зло или благо, истинные творцы этой цивилизации, безымянные народные массы, как кажется, всегда видели в цивилизации зло, ибо их заставляли силой и при помощи принуждения возводить здание мировой культуры» (Мечников Л.И. Цивилизация... С. 354). Цивилизация, как равнодействующая между культурой и жизнью, — и благо, и зло. Тем не менее задача творческого меньшинства — собирать черепки разбитых ожиданий и, склеивая их, пытаться создать нечто новое и вдохнуть в него душу. «Реальное изменение должно начаться внутри самого человека, и этим человеком может быть любой из нас» (Юнг К. Архетип... С. 92).

Возможно, когда идеология сойдет с пьедестала, возникнет новый синтез, наподобие возрожденческого, и в новую картину мира войдут мифологические,

религиозные, философские, научные знания. Новое Возрождение объединит все достижения культуры. «Спасение могут принести ценности, которые кажутся далекими от борьбы и от политики как небо от земли» (Лоренц К. Агрессия... С. 264). Отдельные язычки духовного огня сольются в огромное пламя культуры. Во времена кризиса культура в целостном ее понимании может преодолеть опасность катастрофы. Это может быть первый всемирный синтез, объединяющий разные типы и отрасли культуры.

Будущий синтез вероятен, но не неизбежен, поскольку значение имеет социальная обстановка и наличие исполнителей. Он может получиться, потому что наука в XX в. подошла к вопросам, основным для мифологии, философии, религии: каково происхождение мира, материи, Вселенной? Научные ответы на них в чем-то повторяют ответы других отраслей культуры, правда, другими словами. Хаос превратился в неустойчивую систему, находящуюся вдали от состояния равновесия под влиянием флуктуации, мифологическое время в предвремя, а действие Создателя — во «всплеск энтропии».

Смысл социальной утопии — счастье для всех. Входит ли сюда культура для всех в том смысле, что каждый станет творцом культуры (творянином, по В.Хлебникову). Эта культурная утопия может рассматриваться как задача, реализующаяся в горизонтной перспективе. Общество, взявшее эту идею за основу, будет принципиально иным, чем существующие ныне.

Одной из тенденций современного развития культуры является тенденция глобализации, сближения различных типов культур. Этот процесс положителен, если не уменьшается культурное разнообразие, если культура остается целостной интегративно-разнообразной гармоничной системой и имеет любовно-творческое основание в соответствии с тем, что развитие культуры не механическое, как в неживой природе, не органи-

ческое, как в живой природе, а гармоническое. Н.Я.Данилевский предупреждал об опасности господства одного культурно-исторического типа. Стремление создать всемирную культуру не должно вести к потере разнообразия культур. Принцип интегративного разнообразия должен действовать. По Лоренцу, при уменьшении культурного разнообразия «межкультурный отбор теряет свое творческое действие» (Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М., 1998. С. 416) и, стало быть, замедляется культурный прогресс.

Древние цивилизации напоминают примитивные виды, которые не прогрессируют, но приспособлены к окружающей среде гораздо лучше, чем более сложные. Они нужны для устойчивости системы; поэтому важной задачей, наряду с охраной природы, является охрана культуры. От людей не зависит создание культур; это процесс, которым нельзя управлять. Но от них зависит охрана культур. Одним из первых это понял Н.К.Рерих, а теоретически обосновали Данилевский и Шпенглер.

Экология: единство культуры и природы

Наше время — время кризиса культуры вследствие того, что лидирующее место в ней занимает идеология. Это время кризиса природы и взаимоотношений человека с ней. Культура отошла от целостности бытия, от мудрости природы, и в этом одна из причин ее кризиса. «Уже не слышит человек голоса камней, растений, животных и не беседует с ними, веря, что они слышат. Его контакт с природой исчез. А с ним ушла и глубокая эмоциональная энергия, которую давала эта символическая связь» (Юнг К. Архетип... С. 86–87).

Человек кажется себе всемогущим, думая, что победил природу. Но, во-первых, победить ее нельзя, а, во-вторых, всеми нашими действиями по-прежнему

руководит бытие и наше бессознательное, а разум исполняет иррациональные желания. Кого же победил человек? Свои собственные понятия о жизни, но не природу, которую он продолжает уничтожать ради материальных благ и своей потерявшей смысл агрессивности.

Генетика показала, что человек гораздо ближе к другим существам по своему наследственному аппарату и поведению, чем представлялось ранее, а экология показала, как удалился человек от следования естественным законам, которым он подчиняется с неизбежностью смерти. Глобальный экологический кризис имеет ту же причину, что и предыдущие региональные кризисы. Это воля к власти и насилие по отношению к природе.

Эгоистический стиль поведения по отношению к природе пагубен для самого человека. Это экологическая истина, показавшая, что все в мире сложнее, чем думалось прежде. Жертва природы наводит на размышления. Все отрасли культуры обещали истину и счастье. Но ни одна из них не решает проблемы взаимоотношений человека и природы. Нужна новая отрасль как ответ на экологический кризис.

Век идеологии уходит, потому что защита собственно человеческих интересов приносит в век экологического кризиса несчастье самому человеку. Преодолеть оба кризиса — культуры и природы — можно только вместе. И сделать это может будущее культурно-природное единство. Кризис культуры будет преодолен, когда культура преодолеет власть идеологии, а экологический кризис будет преодолен, когда культура включит в себя экологию.

Человек стремился к победе над природой, а когда она якобы пришла, оказалось, что «победа над природой есть также и победа над человеческой природой, ее вывих, увечье и, в пределе, ее духовная и физическая смерть» (Вейдле К. Умирание искусства // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 286).

Отчуждение человека от природы достигло высшей точки и необходимо возвращение «назад к природе», к чему призывал Руссо. Актуальны слова Пифагора, повторенные Толстым: «Не только людям не следует делать того, чего не хочешь, чтобы делали тебе, но также и животным». Одной из предтеч экологии как отрасли культуры является Швейцер, мыслитель и подвижник. Швейцер так представляет поступки человека, исповедующего «этику благоговения перед жизнью»: «Он не сорвет листочка с дерева, не сломает ни одного цветка и не раздавит ни одно насекомое» (Антология культурологической мысли... С. 225).

Л.И. Мечников писал, что в наши дни зарождается всемирная эпоха вслед за атлантической. Она всемирна и в том смысле, что должна быть ненасильственной и человек должен объединиться с природой. В последние годы Запад удачно решает свои экологические проблемы, но потому, что существует неокOLONиализм, ухудшающий глобальную обстановку. В наши дни роль «коллективного пророка» выполняет природа.

Современное определение культуры как экологии духа, атмосферы, в которой пребывает человек, показывает, куда может пойти культура в III тысячелетии. Это будет не «возделанная земля», как 10 тыс. лет назад, и тем более не изготовление орудий, как 3 млн. лет назад, а соединение человека и природы (понятие ноосферы может здесь оказаться очень кстати).

Один из вариантов будущего — экологическая культура. Не только экология должна быть включена в культуру, а культура — в экологию. Экология в этом смысле не новая наука, идеология или религия, а новая отрасль культуры, связывающая культуру с тем, чему она традиционно противопоставлялась, — с природой.

Это — новое понимание экологии как жертвы человечества, умеряющего ради природы свои потребности и агрессивность. Понимание культуры в экологи-

ческом смысле и понимание экологии в культурном смысле смыкаются воедино, что является залогом становления экологии на высшую ступень пьедестала культуры.

Перед наступлением эры господства экологии может быть создана новая культурная картина мира, в которой в дополнение к религии, философии, науке, искусству будет и экологическая составляющая. Это не вера, как в религии, не знание, как в науке, не материальные интересы, как в идеологии, а гармония с природой. Идеология ориентирована на вражду, экология — на любовь, ненасильственное общение с природой и себе подобными. Это кардинальное отличие, не дающее экологии превратиться в идеологию и заставляющее ориентироваться не на агрессивно-потребительскую, а любовно-творческую структуру личности. Духовная культура в целом стремилась к этому, а экология — ее неотъемлемая часть.

Экология базируется на следующих принципах:

1. Равноценность всего живого. Человек — самый сложный из видов на Земле, но не имеет никаких ценностных преимуществ перед другими видами, поскольку природе для устойчивости необходимо разнообразие экосистем, в которые входят человек, живые и неживые компоненты.

2. Потребительство противостоит эволюции природы, поскольку уменьшает устойчивость экосистем. Агрессивность человека препятствует его эволюции и эволюции природы, поскольку ныне не существует межвидовой борьбы человека с другими видами жизни.

3. Экология как отрасль культуры в своем отношении к природе возвращается к тому единству с ней, которое характерно для первобытного человека. Все отрасли культуры должны помочь в этом: мифология, философия, религия, наука, идеология, мистика, искусство.

Любовь к природе не означает отказа от культуры, потому что это нужно самому человеку. «По свойству своему любовь, желание блага, стремится обнять все существующее. Естественным путем оно расширяет свои пределы любовью — сначала к семейным — жене, детям, потом к друзьям, соотечественникам; но любовь не довольствуется этим и стремится обнять все существующее» (Толстой Л.Н. Христианское учение // Толстовский листок. Т. 2. С. 11). Та же мысль в «Смысле любви» В.С.Соловьева.

Возражают, что нельзя любить всю природу. Но с точки зрения К.Лоренца, только любовь ко всей природе и может быть названа подлинной любовью. С Лоренцем соглашается Э.Фромм в «Искусстве любить». Концепция ноосферы Тейяра де Шардена и Вернадского, которая, к сожалению, оказалась далека от практики человеческой природопреобразовательной деятельности и не смогла предотвратить экологический кризис.

Экология восстанавливает и считающуюся важной современной психологией (в частности, Юнгом) эмоциональную «бессознательную идентичность» человека с природными явлениями. Для экологии важны архетипы, несущие в себе и образы, и энергию, а не только научные теории и философские понятия. Этим она поднимается к новой целостности. Материя для нее не просто философское понятие, но Мать-Земля, а дух — Отец всего. Философия, чтобы трансформироваться в экологию, должна вернуться (М.Хайдеггер) к досократическому ощущению жизни без потери, впрочем, рациональной истины. В экологии проявляется традиционная тоска по гармонии рационального и чувственного. Из мистики и квантовой механики экология берет представление о единстве субъекта и объекта.

В этом направлении развивалась и религия. Христианский священник не лишает жизни жертвенных животных, а приносит бескровную жертву и ныне чи-

тает в церкви проповеди в защиту животных. Человек уничтожает естественные экосистемы, но из жертвы природы рождается новый диалог с бытием, основанный на включении в сферу нравственности всей природы; понимании, что насилие — механизм подмены, что воля к власти ведет к гибели личности и человечества. Ницше понимал под властью большую жизнь, но большая жизнь на самом деле — это жизнь в культуре.

Соответственно расширению Вселенной должно расширяться сознание человека, включая в себя животных, растения, весь окружающий мир. Можно сказать, что нравственность не только углубляется, но и осознает себя, поскольку с расширением Вселенной идет расширение сознания.

В связи с этим можно говорить о трех стадиях этики: единство с Богом (через религию); единство с людьми (через закон); единство с природой (через экологию). Новый гуманизм, включающий в себя природу, — экологический гуманизм. Знать себя полностью мы можем, только зная себя как природу, утверждают авторы книги «Глубинная экология: жить с уважением к природе» Б.Дивол и Дж.Сессион, и, стало быть, именно таким путем можно осуществить программу самопознания Сократа. Экология означает возвращение к бытию, примирение с миром как он есть. Стремление учиться и мудрость, продолжают Дивол и Сессион, не возможны без любви к другим существам и природе, связанной и с дологическим единством человека и природы, и с принципами реинкарнации и ахимсы. Язык нашего времени, объединяющий все отрасли культуры, — это язык экологии.

В экологической перспективе выделяется роль понятия социально-природного прогресса как синтетического по сути и коренящегося в истории культуры (понятие «сельскохозяйственные культуры» связывает культуру и природу в единое целое).

Экология — синтез предыдущих отраслей культуры. Социальные теории в целом обобщают результаты науки. В кибернетике появилось понятие информации, а его применение ко всем отраслям знаний и в технике привело к концепции информационного общества. В биологии Л.Берталанфи разработал теорию биологических объектов как открытых систем, находящихся в динамическом равновесии со средой (общая теория систем) и вскоре возникла концепция «открытого общества». Так и представление об экологическом обществе поднимается на волне экологических исследований.

Есть, впрочем, опасность, что при переходе в область человеческих отношений будет упущена из вида социальная специфика. Она сейчас — во власти как таковой и деньгах как инструменте власти. Забыв об этом, можно создать прекрасные полотна, не имеющие отношения к реальности. Такое может случиться и с экологией, если ограничиться поверхностными концепциями устойчивого развития.

Улучшат ситуацию не декларации — они могут служить дымовой завесой, призванной затушевать антиэкологическую политику. Трезвая оценка существующего положения, эмоциональные вздохи по поводу исчезающей природы, познание законов развития экосистем, экологическое право и т.п. мало что значат без порыва и энтузиазма. Необходима добровольная жертва ради природы. Экология сходится с культурой в точке жертвенности, но это не языческие жертвы, а нечто совершенно обратное. Происходит своеобразная инверсия. Если некогда человек жертвовал животными ради своих целей (жертвоприношения), затем стал жертвовать собой ради других людей (философское, религиозное, научное время), то сейчас вопрос ставится о жертве человека ради природы. Принесение человеком себя в жертву природе — плата за создание новой отрасли культуры.

Человек удалился от природы и может вернуться к ней через культуру. Он не может оказаться в исходной точке, но может вернуться к единству с природой на новом уровне (по принципу спирали). С экологией развитие духовной культуры выходит на качественно иной уровень: начинает препятствовать уничтожению биосферы и объединяет человека с ней. Человек сознательно отказывается от убийства слабейшего. Он любит природу не как всемогущего Бога, а как страдающую, уподобляясь тем самым Христу, который принес себя в жертву во имя нравственного идеала, выраженного в Навгорной проповеди.

В этом самопожертвовании может сказать свое веское слово русская космическая цивилизация. Здесь понадобится и русская всечеловечность, и ограничение потребностей. Низкий материальный уровень, если не думать о «золотом тельце», помогает духовному порыву. Экология — наследник русской философской мысли, идущей от Соловьева и Бердяева.

Близка к экологии этика благоговения перед жизнью, поскольку подводит к необходимости собственного жертвоприношения ради природы. Культура благоговения создает гармонию между миром культуры и жизни. Надо пройти по ступеням культуры, чтобы прийти к экологии как новой парадигме культуры. Через жертву: сначала природы (символ которой «Распятая птица» Э.Неизвестного), потом человека — культура отвечает на вызов ситуации.

Культура и образование

Культурный прогресс лежит в основе социального и научно-технического, но от Человека Разумного до Человека Духовного дистанция такого же размера, как от Человека Умелого до Человека Разумного. Мир ма-

териальной жизни человека представляет собой отрицание мира природы, но мир духовной культуры есть новое отрицание, и он кое в чем даже ближе к миру природы. Мир духовной культуры, как созданное, ближе к миру идей Платона, а как создаваемое — ближе к идеям в понимании Аристотеля, поскольку создание коренится в природе.

Цивилизация — путь от культуры к жизни, на котором присутствует опасность омассовления, подмен, отвлечения друг от друга рациональности и чувственности. Носителем культурных свойств является прежде всего круг творческой интеллигенции в специфически русском смысле слова, который соединяет в себе творческую с нравственными и гражданскими чувствами. Духовные творцы пытаются создать оазисы культуры типа монастырей, толстовских коммун, научных сообществ. Человек Духовный рождается в мире культуры и живет по ее законам. Отсюда следуют выводы для системы образования.

Смысл образования — в культурном перерождении. Культура в целом выполняет роль, аналогичную инициации в примитивных племенах. Инициация готовит к полноценной взрослой жизни путем осознания смысла жизни и смысла смерти. Можно удивляться и возмущаться жестокостью обрядов инициации, но они более действенны, чем современное обучение, которое предпочтительней в плане накопления знаний, но ничего не дает для воспитания чувств, воли, веры, а без этого знание бесполезно.

Если внутреннего перерождения не происходит, значит образование малоэффективно. Это, конечно, не значит, что светское образование не может быть усовершенствовано. Место традиционной архаичной инициации должно занять личное самосознание индивида. «Каждый имеет прирожденный талант, — писал Ницше, — но лишь немногим прирождена или привита вос-

питанием та мера упорства, выдержки, энергии, в силу которой он действительно становится талантом, то есть становится тем, что он есть, — это значит: выявляет себя в произведениях и действиях» (Ницше Ф. Человеческое... С. 381).

Интересно рассуждение Ницше о макрокосме и микрокосме культуры. Человек создает внутри себя здание культуры, в котором примиряются различные силы и направления. «Но такое здание культуры в отдельной личности будет иметь величайшее сходство со строением культуры в целые исторические эпохи и служить постоянным уроком для понимания последней по аналогии» (Там же. С. 387). За первые 30 лет, по Ницше, человек познает «курс, над которым человечество трудилось, быть может, тридцать тысяч лет» (Там же. С. 385). Высшее образование и представляет собой познание отраслей и типов культуры в целом. Если принять такое определение, то преобладающее ныне образование точнее назвать специальным.

Метод изучения культуры — «подъем на вершины». Их можно выделить несколько десятков из 10 цивилизаций: от 7 чудес света до египетской живописи, шумерской мифологии, финикийского алфавита, вавилонского эпоса, конфуцианства, даосизма, буддизма, йоги, христианства, ислама, греческой скульптуры, архитектуры, драмы, философии, римской поэзии, европейской живописи, музыки, науки и техники, русской иконописи и литературы.

Их развитие — ответ на важнейшие вопросы культуры: что такое жизнь и смерть, каково происхождение и устройство мира, что такое человек и каково его соотношение с миром и Богом, что такое любовь, истина, добро, красота, чувства, разум, сознание и т.п. Культура целостна и незавершена. Соединив все, что мы знаем и делаем, мы получаем искомую истину, которая не будет окончательной, коль скоро жизнь продолжается.

Смысл жизни и смысл смерти

Все отрасли культуры имеют структуру, придающую им высший смысл: через жертвы — к вечности. Сознание понадобилось для осознания смерти, осознание — для появления страха, страх — для его преодоления посредством жертвы, жертва — для развития культуры, культура — для предохранения от гибели во внутривидовой борьбе. Мысль, по Карлейлю, это пробуждение от смерти к жизни, ответ на неизбежность смерти. По мнению Пиаже, мышление ребенка является целевым, но не причинным и логичным, и именно размышление о смерти приводит «ребенка к тому, что он оставит стадию чистого представления, что все имеет цель и усвоит понятие о статистической или случайной причинности» (Пиаже Ж. Речь... С. 186). «Первая обязанность человека до сих пор все еще заключается в подавлении страха. Мы должны освободиться от страха... Теперь, как и всегда, он лишь настолько человек, насколько побеждает свой страх» (Карлейль Т. Теперь... С. 30). Уничтожение своего я, пишет Карлейль, «высочайшая мудрость, какую только небо открыло нашей земле» (Там же. С. 50).

С осевого периода принципиально меняется характер жертв. Им становится сам творец, а не другой человек или животное. Мифологическое жертвоприношение сменяется самопожертвованием. Человек осознал себя как личность и появилось желание принести себя в жертву. С тех пор каждый философ, религиозный деятель, ученый проверяется на подлинность своей идеи готовностью принести себя в жертву. Личность предается в руки культуры, которая требует жертв. Степень готовности умереть служит мерилom подлинности личности.

Великие завоеватели — Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон — побеждали мечом на поле боя; великие деятели культуры — Сократ, Христос, Бруно — побеждали, добровольно принося себя в жертву. Энер-

гия сожжения зажигала других, от одного передавалась многим. Жертва есть способ пробиться к другому через культуру. Когда жертва созидательна, человек обретает счастье и вечность в вечности культуры.

В творческой работе человек забывает о себе. «Художник, исследователь, основатель религий — все они могут совершить по-настоящему великое дело лишь тогда, когда целиком отдаются своей задаче и, работая над ней, забывают о своем собственном существовании» (Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 160). Забвение себя — шаг к жертве. Обобщая сказанное Тарковским, можно сказать, что хорошую картину, книгу, здание можно создать, только пожертвовав тому делу, которому служишь. Чтобы стать культурным человеком, надо пожертвовать себя культуре.

Благодаря жертве жизнь возвышается через смерть до той неодолимой силы, уже одно наличие которой означает победу. Жизнь коротка — культура вечна. Это способ стать бессмертным, который искал оставшийся благодаря искусству в памяти потомков Гильгамеш. В более узком плане культура — способ остановить самоистребление, от которого человека, в отличие от хищников, не предохраняют спасительные инстинкты.

Важно не только создание произведений культуры, но и выход ее обратно к человеку. Культура тогда добивается конечных целей, когда обеспечивает его пониманием смысла его жизни и смерти. Смысл жизни превосходит жизнь. «Как на физиологическом уровне жизнь есть постоянное воспроизведение, и потому жить значит в то же время и больше, чем жить, так на духовном уровне она порождает нечто большее, чем жизнь: цель, в себе несущую ценность и смысл. Это свойство жизни подниматься к чему-то большему, чем она сама, не есть в ней нечто привходящее, это — ее подлинное существо, взятое в своей непосредственности», — писал Зиммель. Марсель завершает эту мысль: «Суть всякой жиз-

ни — ее кульминация, в чем-то таком, что в известном смысле за пределами ей; и тем самым слова «истина жизни» приобретают реальный смысл» (Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX века... С. 361). Жертва и есть один из вариантов за пределами, определяющий смысл жизни, который не находится в самой жизни. Жертвующий собой находит смысл жизни на границе жизни и смерти. Человек уходит в культуру от бессмысленности существования и обретает в ней смысл жизни и смерти.

Решив вопрос о смысле жизни, который в культурной реализации своей индивидуальности на благо людей, можно приступить к следующему вопросу: о смысле смерти, этой «вечной раны существования» (Ницше). Осознание смертности — начало сознания, и с этого момента включается страх и стремление ответить на вопрос приговоренного к смерти: «За что?».

Страх смерти испытывает только человек, но и культуру создает только он. Страх смерти, по Шпенглеру, источник религии, философии, естествознания (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 361). Почему не культуры в целом? И преодолевается он нахождением смысла смерти в культуре. Под страхом смерти и из жажды бытия творится культура. Культура есть попытка отдалить смерть, уйти от страха, удовлетворить жажду счастья и бессмертия. «Жить для бессмертия — и цель, и долг», — писал Унамуно (Унамуно М. Избранное. Т. 2. Л., 1981. С. 37). «И всякий народ — как, впрочем, и всякий человек — представляет собою ценность ровно лишь постольку, поскольку он способен наложить на свои переживания клеймо вечности» (Ницше Ф. Рождение трагедии... С. 150).

Как писал Конт, «наш социальный прогресс, главным образом, основан на смерти; это значит, что последовательные шаги человечества непременно предполагают постоянное, достаточно быстрое обновление

действующих сил общего движения, которое, будучи обычно почти незаметным в процессе каждой индивидуальной жизни, действительно бросается в глаза лишь при переходе от одного поколения к другому» (Философия истории... С. 118). Смерть — источник культуры, ее энергия.

Культура в целом решает проблему смерти. Человек посредством жертвы создает мир духовной культуры как вечное из временного — своей жизни. Жертва рождает вечное, побеждая смерть и являясь смыслом ее. Жертва как смысл смерти в том, что из жертвы восстает новая жизнь. Культура постоянно подпитывается жертвами. Жертва — движущая сила ее развития. «Жить для себя на свете только можно, но умереть возможно для других» (Некрасов), в том числе для культуры.

В культуре концентрируется человеческая энергия и застывает для последующих поколений. Произведение — сгусток культурной энергии, концентрат духа. Из семени — жертвы — вырастает культурное древо. Его кольца — отдельные отрасли культуры — прибавляются друг к другу. Культура негэнтропийна, говоря языком науки. Недаром своих предков — создателей культуры — первобытные народы называют вечными и несовершенными. Они создают вечную действительность. Культура дает проблеск надежды на бессмертие, оправдывающий ее существование. Это своего рода способ уйти от времени, ведущего к смерти без разрушения личности.

Культура подпитывает мир жизни. Между жизнью и культурой нет непреодолимой грани. Культура учит жить и преодолевать страх смерти.

«К чему страшиться смерти? Ведь Господь
На муку и на гибель шел смиренно,
Терпел, в ничтожество ввергая плоть...»

(Петрарка Ф. На смерть Мадонны Лауры. CCCLVII // Книга песен. Из европейской лирики XIII–XVI веков. М, 1986. С. 66).

Человек становится человеком в полном смысле тогда, когда понимает, что культура бессмертна, и все его действия в области мистики, искусства и т.п. — это попытки приблизиться к бессмертию. Желание преодолеть смерть — пружина развития культуры. В этом смысле человек по природе культурное существо, хотя встречаются люди умелые, но некультурные.

Только человек может преодолеть смерть в культуре, и жизнь культуры показывает, что она сильнее смерти. Культура есть способ вращивания в бессмертие. «Из этого следует, что бессмертие не должно восприниматься как выживание *post mortem* (после смерти — А.Г.), а скорее, как ситуация, которую человек постоянно сам создает для самого себя, для которой он готовится, в которой даже принимает участие с данного момента и далее из этого настоящего мира. Значит, не имеющее смерти бессмертное должно представляться как конечное состояние, идеальное состояние, к которому человек стремится всем своим существом и которого пытается достичь, постоянно умирая и воскрешаясь» (Элиаде М. Мифы... С. 266).

Два понимания культуры философски обоснованы в Древней Греции: как способа отвлечься от поиска смысла и неизбежности смерти и как поиска смысла жизни и подготовки к смерти. При первом главное забытья, и человек умирает ребенком; при втором осознает себя пережившим смерть (как в инициации) и обретшим через это смысл. В настоящее время предпочитается первый путь, а в результате «боль перед Небытием и Смертью, похоже, является специфичным для современности явлением» (Там же. С. 273).

Культура развивается по иным законам, чем жизнь и для нее не существует смерти (противоположно ей бескультуре). Ее, в отличие от материальных благ, легко поделить на всех. Она способна распространяться на огромные территории. Материальная гибель способству-

ет ее расцвету. Бескорыстное служение культуре создает большую часть прибавочной стоимости, присваиваемой властью имущими. Культура обеспечивает бессмертие человеческому роду, покупаемое эксплуатацией и смертью творцов.

Культура начинается с осознания смертности, а утверждается добровольной смертью. Гартмановское сознание, рождающееся из удивления человека перед нежелательным ему представлением, объясняется фактом смертности, который переходит внутрь человека, вселяя в него ужас. Страх смерти ведет к осознанию ее и затем к культу и культуре. Генезис сознания совпадает с генезисом культуры.

Противоречие между волей к смерти, провозглашенной Фрейдом, и возражениями Лоренца, который считал, что таковая отсутствует у животных и вообще антиэволюционна, преодолевается тем, что воля к смерти отсутствует на животном уровне, но присутствует у человека. Не в природном, а в культурном смысле, как воля к жертве, которая может быть движущей силой культуры. Жертвы существуют и в животном мире, когда родители жертвуют жизнью ради детенышей, но в человеке жертвенность поднимается до уровня культуры. Спор между Фрейдом и Лоренцем решается таким образом: единственное осознающее свою смертность существо может иметь волю к смерти, которая нужна культуре как ее биологическая основа. Жизнь жертвует собой ради утверждения культуры.

Смысл жизни и смерти в раскрытии внутренних творческих потенций и «культурном умирании», т.е. жертве собой на благо культуры, которая требует от нас жертв. В готовности развить внутренние потенции есть героизм; в готовности пожертвовать собой — святость. А между ними, как писал Шпенглер, не мудрость, но заурядность. «Лишь в результате познания смерти воз-

никает то, чем мы, люди, обладаем в отличие от животных, — мировоззрение» (Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. С. 19–20).

Человек способен отказаться от собственной жизни ради своих убеждений. Это выражение торжества культуры над смертью. Культура побеждает смерть, находя нечто, что ставится человеком выше. Жертва есть торжество культуры над жизнью и смертью. Нельзя победить смерть, если не победишь жизнь, отказавшись от нее. Таков парадокс: победить смерть можно, отказавшись от жизни в пользу культуры (а не в пользу ничто, как полагал герой «Бесов» Кириллов, хотя в желании покончить с собой тоже слышится зов жертвенности).

Ценность жизни лежит и в ней самой, и вне ее, и через понимание ценности в этом втором смысле человек оказывается способен покончить с жизнью. Может ли быть ценностью жизни смерть? С точки зрения здравого смысла жизнь и смерть — противоположности. Но в диалектике противоположности сходятся. Смерть в основе жизни, как и рождение. Так можно интерпретировать слова Платона, что философствование есть медленное умирание и другие аналогичные высказывания. Смерть как жертва может быть ценностью жизни. Можно сказать, что ценность жизни в возможности жертвы.

Культурная жертва есть жертва ради смысла, который находится не в самой жизни, а на границе жизни и смерти. Выход за пределы жизни есть одновременно выход за пределы смерти. Если учесть, что жизнь имеет культурный смысл, можно сказать, вслед за Ницше: «Наиболее прекрасна жизнь того, кто не печется о ней» (Философия истории... С. 132). Вспомним и Лао-цзы: «Тот, кто пренебрегает своей жизнью, тот тем самым ценит свою жизнь».

Жертва культуре есть жертва вечности. Жертвенность обеспечивает вынесение и перенесение смертности, и культура помогает этому. Жертва доказывает,

что культура сильнее смерти. Жертва рождает культуру и обновляет мир. Страх смерти немистически настроенный человек может осилить с помощью осознания роли жертвы. Человек жертвует собой, чтобы жизнь продолжалась и развивалась. Таким образом оказывается сопротивление и чувству страха, и экзистенциальному абсурду.

Итак, смысл культуры — в преодолении страха смерти, а жертва — способ достижения этого. Культура предстает как череда жертв, что позволяет выделить ее основу, которая глубже отличий между отраслями и типами культуры.

Точка сингулярности материальной культуры — когда австралопитек взял два камня и начал бить одним о другой, создавая первое орудие труда. Цель материальной культуры — увеличение силы человека, начиная от примитивных дубин, с которыми он охотился на мамонта, и кончая атомной бомбой, которой он угрожает себе подобным. Точка сингулярности духовной культуры — когда неандерталец осознал свою смертность. Цель духовной культуры — мудрость, которая запрещает человеку уничтожать себе подобных и всю Землю.

Принцип жертвы можно сформулировать таким образом: движущей силой развития культуры является жертва, которая создает духовную энергию, необходимую для достижения данной отрасли культуры господствующего положения, после чего начинается процесс подмены ее целей и задач. Жертва, происходящая в точке бифуркации, представляет собой конкретный способ и результат преодоления страха смерти в данных условиях. Можно сделать вывод, что сущность культуры составляет потребность преодоления страха смерти и жертва реализует данную потребность. Главная проблема, приведшая к возникновению духовной культуры, — проблема смерти. Человек отличается от жи-

вотных осознанием смертности, культура «лечит» его от шока осознания. Прогресс культуры связан с постоянным изменением отраслей и типов с целью нахождения адекватного лекарства, которое заставит перестать бояться смерти. Смысл жертвы, которую заставляла принести себе каждая отрасль культуры, заключался в преодолении страха смерти.

Заключение

Истина есть то, за что человек
может умереть.

Г.Марсель

Люди склонны верить тем, кто не жалеет своей жизни для торжества идеи. Если вам не за что умереть, вы не знаете истины. Если вы не способны за что-либо умереть, оно перестает существовать. Если вы не способны умереть за Родину, вы теряете ее. Если не способны умереть за близких, теряете их. Если не способны умереть за себя, становитесь рабом и перестаете существовать как самостоятельная личность. Понимание жизни как ценности, которая выше самой жизни, заставляет жертвовать ею. Знание смысла жизни дает понимание ее ценности. А находится смысл жизни в человеческой культуре. Появляется человек, а вслед за ним культура, сообщающая смысл его существованию. Культура — это творение смысла жизни, а человек, создающий смысл, может быть назван Человеком Духовным. «Только забывая о себе, находим себя. Только умирая, воскресаем к жизни вечной», — говорил Фома Аквинский. «Человеческий дух всегда должен себя трансцендировать, подыматься к тому, что выше человека. И тогда лишь человек не теряется и не исчезает, а реализует себя. Человек исчезает в самоутверждении и самодовольстве. Поэтому жертва есть путь реализации личности» (Бердяев Н.А. Философия любви. Смысл творчества. С. 137).

На творческом усилии и жертве развивается культура как древо духовной жизни. Корни его — мистика и мифология, ствол — философия и религия, цветы — искусство, плоды — наука и техника. «Есть две жизни, — жизнь в природе и жизнь в духе, и мы должны умереть для первой, чтобы стать причастными ко вто-

рой» (Джемс В. Многообразие религиозного опыта. С. 140). Человек выходит из мира природы, и если он не доходит до мира духовной культуры, то оказывается в мире материальной жизни. Он может быть лучше животных или хуже их, но никогда не будет таким, как они.

Что дает духовная культура? Преодоление страха смерти и опасности самоуничтожения, смысл жизни и смерти. Ее основная задача — обеспечить человеку полноценную жизнь, направить его волю к творчеству, созидая душевно-духовный синтез. Становление Человека Духовного — идеал, в осуществление которого вносят вклад все народы.

Проблема нахождения *закономерностей духовной эволюции* человечества встала в полный рост в Новое время, когда наука с ее поисками всеобщих причинных связей поднялась на высшую ступень пьедестала культуры, и особенно в XIX в., когда вступил в свои права историзм.

Именно на пересечении этих двух тенденций в середине XIX в. появилась концепция О. Конта, который выделил три отрасли культуры, последовательно сменяющие, по его мнению, друг друга — мифологию, метафизику (в широком плане — сюда можно включить и религию, и философию) и науку (позитивное знание). Высшая фаза культуры дала название самой концепции — *позитивизм*.

Это было время, когда философия абсолютного идеализма Г. Гегеля, хотя и теряла сторонников, все же была достаточно сильна, чтобы оправдывать уверенность в том, что все народы развиваются по единому предначертанному Абсолютной Идеей плану. Когда этот постулат историзма был подвергнут критике, О. Шпенглер сформулировал концепцию, в соответствии с которой культуры похожи между собой только структурными *особенностями*, выражающимися в переходе от культуры к цивилизации. Что касается содержания, то каждая

культура развивается в соответствии со своей собственной душой, совершая цикл, кончающийся закатом культуры и народа, ее создавшего. С точки зрения Шпенглера, наука есть феномен исключительно западной культуры, и в том виде, в каком она существует, ее бесполезно искать у народов с другой душой.

Рационалист К.Ясперс вернул культурологию к поиску общекультурных закономерностей. Правда, он был достаточно скромнен в своих выводах и лишь сформулировал представление об осевом периоде истории от 0,8 до 0,2 тыс. лет до н.э., в течение которого возникли основные религиозные представления и философия. Проследивая развитие культуры на протяжении последних 100 лет, К.Ясперс сделал вывод об одновременном сосуществовании отраслей культуры, которые у О.Конта исторически сменяли друг друга — религии, философии, науки. Принципу последовательной смены видов культур (О.Конт) и типов культур (О.Шпенглер) К.Ясперс противопоставил *принцип одновременности их появления и развития*.

В XX в. историзм оказался на грани краха, и К.Поппер в «Нищете историзма» отмечал, что история в отличие от других наук занимается только единичными событиями и неспособна улавливать закономерности; к тому же будущее вообще невозможно предвидеть, поскольку оно включает в себя принципиально новые факторы, предсказать появление которых нельзя.

Вопрос о закономерностях духовной эволюции человечества стал методологически проблематичным. Но даже если согласиться с выводом К.Поппера о невозможности предвидеть будущее, остается тем не менее возможность использования метода аналогии для вывода об альтернативах будущего, которые имеют шанс осуществиться, если никаких принципиально новых факторов не возникнет. Именно этот метод *анalogии*

можно использовать не для предвидения (это прерогатива ясновидящих), а для продумывания возможных вариантов будущего.

Изучение истории культуры показывает, что мы не наблюдаем простой смены одних культур другими. Нельзя также сказать, что все виды культуры всегда находились в одинаково развитом состоянии. Общая картина сложнее. Несомненно, что на протяжении 5–2,5 тыс. лет тому назад господствующей отраслью культуры была мифология. 2,5 тысячелетия назад в Древней Греции возникла философия, оттеснившая мифологию. Затем престиж философии начал постепенно снижаться и через несколько веков возникло христианство. Борьба философии и религии продолжалась пять веков — от распятия Христа до закрытия Академии Платона. Господство религии, которая получила новый импульс в VII в. с созданием ислама, продолжалось до эпохи Возрождения, когда на небосклоне культуры зажглась звезда науки. В Новое время на науку возлагались такие же надежды, как в античности на философию и в средние века на религию — дать человечеству счастье. XVII–XVIII века — период расцвета науки. В конце XIX в. с кризисом наиболее передовой ее области — физики — авторитет науки стал падать. Ее репутация была сильно подмочена экологическим кризисом, а создание атомной бомбы и перспектива уничтожения человечества испугала людей. XX в. стал веком идеологий — либеральной, коммунистической и националистической. К концу века идеологии потеряли свое обаяние, также не оправдав возлагавшихся на них надежд. Таким образом, можно выделить следующую последовательность отраслей культуры, которые занимали главенствующее положение в обществе: мифология → философия → религия → наука → идеология.

Нельзя сказать, что они заменяли одна другую, но та или иная отрасль выходила на первый план, заставляя другие отрасли служить себе. Так философия из независи-

мой высшей сферы культуры превратилась сначала в служанку богословия, затем в служанку науки, а в XX в. — в служанку идеологии.

Причиной смены господствующих отраслей культуры является обещание претендента на лидерство дать людям то, что находящийся «впереди» не смог сделать. Однако обещания не выполняются, а духовное давление, связанное с насилием, порой не только психологическим, но и физическим, начинает раздражать. Тут появляется следующий лидер, и все повторяется.

Путь к новой духовной парадигме всегда проходил через *трагедию*. На переломе от мифологии к философии Сократа обвинили в непочтительности к старым богам и развращении молодежи и приговорили к смерти. Христа распяли за неуважение к традициям и мудрости его времени. Вопрос Пилата: «Что есть истина?» — ответ философии в эпоху ее погрузившегося в скептицизм заката на изрекаемое устами пророка: «Я есмь путь и истина». Бруно сожгли, когда религия была готова на все, чтобы защитить свои догмы от напора новых истин. Три имени стали символами отраслей культуры: Сократ — олицетворением философии, Христос — богочеловеком, Бруно — энтузиастом науки.

Что мы имеем в эпоху *кризиса идеологии*? На роль властителя дум претендуют, с одной стороны, различные мистические, порой наукообразные направления, связанные с изучением человека (парапсихология), космоса (уфология), бога (теософия), а с другой стороны, новая экологическая нравственность как ответ на кризис во взаимоотношениях человека и природы.

Какова *судьба традиционных отраслей культуры*? В качестве повторяющегося элемента, претендующего на закономерность, можно выделить следующее обстоятельство. Побывав в качестве главенствующей, та или иная отрасль культуры может затем увеличивать свое значение под влиянием различных причин, но никогда не достига-

ет прежней высоты. Религия, даже испытывая нечто похожее на ренессанс, далека от своего средневекового величия. Философия, хотя и воспряла духом в Новое время, все же не достигла престижа, каковым обладала в античные времена. Исходя из этого, можно предположить, что и наука с идеологией не поднимутся в будущем на прежние высоты. Процесс развития культуры не заключается в смене одних ее видов другими, как предполагал О.Конт, но при этом не наблюдается и их одновременного гармонического сосуществования. Развитие идет скорее по принципу затухающих колебаний.

Каждый тип культуры *имеет свою специфику* вплоть до того, что в отдельных типах культур не все отрасли получают свое наивысшее развитие. Так, например, в русской культуре, не столь рациональной как западная, такие отрасли, как философия и наука, не достигли своего пика, и славянская мифология сменилась религией, последняя же впоследствии была потеснена идеологией. С учетом двух выпавших стадий схема развития русской культуры имеет следующий вид: мифология → религия → идеология.

Последние две стадии стали двумя модификациями так называемой русской идеи. Содержательно они не повторяли западные, а соответствовали русскому национальному характеру, что проявилось в форме русского православия и коммунизма. Высшей точкой русского православия было время создания школы Сергия Радонежского, а апогеем русского коммунизма — середина XX в., ознаменовавшаяся выходом в космос.

Сначала церковный, выделивший старообрядцев, а затем светский раскол на западников и славянофилов, произошедший в XIX в., подорвал господство русского православия. Распад идеи шел через разделение сторонников традиций русской жизни и западного пути. Точно так же русский коммунизм распался ныне на демократов и патриотов.

Можно предположить, *что русская идея* в дальнейшем опять объединит оба пути. Нынешние духовные тенденции в России те же, что на Западе. Это экологическая нравственность в виде русского экологизма. Можно предположить, что она послужит основанием для третьей модификации русской идеи.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Культура развивается по своим законам, отличным от законов природы и материальной жизни людей.

2. Механизм развития культуры: жертва → синтез → подмена, приводит к смене главенствующей роли отраслей культуры — от мистики до идеологии. Потерявшая господствующее положение отрасль остается на вторых ролях.

3. Появление и господствующее положение той или иной отрасли зависит: а) от того, на каком уровне развития находится человек; б) от общественных давлений и потребностей; в) от специфики предыдущей отрасли культуры.

4. Культура развивается под действием тенденции рационализации, дополненной реакцией иррациональности. В результате их борьбы смена отраслей культуры определяется принципом маятника. Степень рациональности отраслей культуры постепенно растет, но не линейно, а по спирали.

5. Каждая новая отрасль занимает господствующее положение в результате жертвы, энергия которой рассеивается от подмен, присущих лидирующей отрасли.

6. В процессе развития культурной системы и создания новых отраслей действуют естественные силы дифференциации, усложняющие культурную пирамиду, в которой формируются условия для подмен. Под их действием культурная пирамида становится неустойчивой, в ней растет тенденция к синтезу. Последний готовит почву для развития новых отраслей, которые появляются с помощью жертвы.

7. В целом культурная система усложняется, становится более разнообразной, что указывает на эволюционный путь ее развития. Истинный прогресс человечества — это прогресс культуры, а так как он происходит благодаря жертве, то можно сказать, что жертва — двигатель прогресса.

8. Основные человеческие ценности — истина, добро, красота и др. — получают свое оправдание, поскольку способствуют не только прогрессу культуры, но прогрессу человека.

9. Культура, более слабая физически, часто побеждает своих завоевателей духовно (завоевание семитами шумеров, арийцами дравидов, дорийцами ахейцев, римлянами греков, персов и евреев).

10. Субъектом культуры является Человек Духовный, живущий по законам развития культуры. Его задача как культурного существа — способствовать развитию культуры. Современный социум можно назвать переходным состоянием от Человека Разумного к Человеку Духовному, который существует в мире культуры.

11. Высшие культурные принципы человечества: а) принцип жертвы, связанный с происхождением мира и развитием культуры; б) принцип синтеза, связанный с творением нового; в) принцип загробного суда, связанный с существованием нравственности и предохраняющий от самоистребления, — имеют смысловое значение. Эти принципы раскрывают соответственно смысл смерти, жизни и смысл посмертного существования.

12. Кризис культуры в эпоху господства идеологии требует культурной революции для обеспечения способности культуры к развитию и становления Человека Духовного. Можно предположить, что в будущем лидирующую позицию займет новая отрасль культуры — экология.

В данной книге сделана попытка систематизации материала по духовной культуре человечества. С появлением новых данных о прошлом и развитием самой

культуры будут создаваться новые, более обоснованные модели. Тем не менее автор предлагает модель, которая может, как представляется, иметь дидактическое оправдание. «От тебя зависит, чтобы все, что ты переживаешь, — твои искания, ложные пути, ошибки, разочарования, страсти, твоя любовь и твоя надежда — без остатка растворилось в твоей цели. Эта цель состоит в том, чтобы самому стать необходимой цепью звеньев культуры и от этой необходимости заключать к необходимости в ходе всеобщей культуры... Тогда наступает пора, чтобы приблизился туман смерти, и нет повода гневаться на это. Навстречу свету — твое последнее движение, восторг познания — твой последний возглас», — так заканчивает главу о культуре в своей книге «Человеческое, слишком человеческое» Ф.Ницше.

Оглавление

Предисловие.....	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ДУХОВНОГО.....	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	
МИСТИКА: НЕЗРИМАЯ КУЛЬТУРА.....	31
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ИСКУССТВО: СТАНОВЛЕНИЕ ВИДИМОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	51
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
МИФОЛОГИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ДУХОВНОЙ ОСНОВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	75
ГЛАВА ПЯТАЯ	
ФИЛОСОФИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	97
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
РЕЛИГИЯ: СОЗДАНИЕ МИРОВЫХ КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ.....	118
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
НАУКА: СОЗДАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ.....	139
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
ИДЕОЛОГИЯ: КРИЗИС КУЛЬТУРЫ.....	161
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ.....	186
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
БУДУЩЕЕ И СМЫСЛ КУЛЬТУРЫ.....	213
Заключение.....	236

Научное издание

Горелов Анатолий Алексеевич
ЭВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ЭКОЛОГИЯ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции
Художник ***В.К.Кузнецов***
Технический редактор ***А.В.Сафонова***
Корректор ***Т.М.Романова***

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 13.12.2001.
Формат 70х100 1/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 7,65. Уч.-изд. л. 9,93. Тираж 500 экз. Заказ № 035.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: ***Е.Н.Платковская***
Компьютерная верстка: ***Ю.А.Аношина***
Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119992, Москва, Волхонка, 14

